

10

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- НЕТ НИЧЕГО ТАЙНОГО, ЧТО НЕ СТАЛО БЫ ЯВНЫМ
- ЧАЙНИК В СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ
- ИЗ КРЕСЛА В КРЕСЛО
- ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ ДЭН СЯОПИНА
- НОМЕНКЛАТУРА XXI ВЕКА
- ОРЛЫ СЛЕТАЮТ С БАШЕН
- ПОЛКОВНИК ЮРИДИЧЕСКИХ ВОЙСК
- НОВИНКА САМИЗДАТА — КОРАН
- ШПИОНАЖ, ДЕЛО ЖИТЕЙСКОЕ
- ЗАЧЕМ БЫЛА СБРОШЕНА БОМБА?
- ФРАНЦИЯ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ
- ГОЛОД ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО ГОДА
- ГЕНИЙ И ОБЫДЕННОСТЬ
- ПИСЬМА ИЗ ПЕРЕДЕЛКИНА

1985

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), Р.Шапиро (Иерусалим), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов), в США, Канаде и Израиле – 35 ам. долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 45 ам. долларов. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению. Цена одного номера – 6 нем.марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 2 ам. долл.) Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>Г.Солсбери</i> . Маленький человек, которого не собьешь с ног	16
Вести из СССР	24
<i>Р.Бахтамов</i> . Не считая собаки	27
Из газет: 50 лет назад	37
Дым отечества	38
<i>С.Максудов</i> . Голод Тридцать третьего года	40
<i>Х.Арендт</i> . Тайная полиция	49
Между прочим	65
<i>Г.Померанц</i> . Жажда добра. Окончание	66
<i>Борис Пастернак</i> . "Когда я умру, не пишите обо мне книг..."	79
Почему была сброшена атомная бомба? <i>Письмо в редакцию и ответ</i>	95

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.
Tel. (089) 272 18 99; (089) 272 28 99; telex 5218017 unbt.
Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).
Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР



ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Пожалуй, никогда еще со времени майского кризиса 1968 года французское правительство не оказывалось в столь затруднительном положении, как в истекшие недели, в связи со взрывом у берегов Новой Зеландии корабля, снаряженного международной организацией "Greenpeace", которая выступает в защиту окружающей среды и, в частности, против испытаний французского ядерного оружия на Тихом океане. В сентябре газета "Le Monde" опубликовала доказательства того, что взрыв был устроен агентами французской контрразведки. Скандал вынудил социалистическое правительство уволить министра обороны Ш. Эрню и начальника контрразведки. Но кто непосредственно отдал приказ взорвать корабль? И какова мера ответственности президента Миттерана и премьер-министра Фабиуса? Это осталось неясным.

Напомним, что весной будущего года во Франции состоятся выборы в законодательные органы. В настоящее время в стране заметно усилилось влияние правых партий, и если так будет и дальше, то президенту (полномочия которого истекают в 1988 г.), возможно, придется иметь дело с враждебным большинством в Национальном собрании.

С другой стороны, нынешнее правительство социалистов добилось за последнее время определенных успехов. Прежде всего улучшилось экономическое положение — результат жестких мер. Сократилась безработица, уменьшилась инфляция, улучшился внешнеторговый баланс. Вопреки противодействию коммунистов, контролирующего крупнейшее профсоюзное объединение — Всеобщую конфедерацию труда, в стране нет забастовок.

Зато не улажен общественно-политический кризис на Новой Каледонии. Будет ли этот остров, официально именуемый — вместе с группой прилежащих островов — "заморской территорией Франции", самостоятельным? Останется ли он в составе страны? Или, может быть, удастся найти какую-то промежуточную форму сосуществования? Правительство разработало довольно сложный сценарий. Остров Новая Каледония разделен на четыре округа: в трех население состоит преимущественно из аборигенов, в четвертом преобладают европейцы. Проведенное 29 сентября предварительное голосование показало, что в первых трех округах большинство хочет отделения от метрополии, в "европейском" же округе, как и следовало ожидать, больше сторонников сохранения существующего статуса. В Территориальной ассамблее, единой для всего архипелага, сторонников независимости оказалось лишь 40%. Поэтому решено провести через несколько месяцев референдум по вопросу о дальнейшей судьбе заморской территории.

Исход, таким образом, неясен, тем не менее голосование 29 сентября, в котором участвовало четыре пятых всего населения, успокоило страсти и предотвратило готовую разразиться гражданскую войну. Надолго ли? Быть может, именно сейчас наступил момент, решающий для всего дальнейшего хода событий. Согласятся ли каледонцы европейского происхождения передать власть сторонникам независимости и смогут ли они в этом случае остаться французами?

Большинство организаций, представляющих европейцев на Новой Каледонии, обвиняют Париж в попустительстве сепаратистам. На самом

деле, однако, правительство отнюдь не желает отказаться от контроля над заморской территорией, хотя бы ради военных соображений. В первых числах октября президент Миттеран посетил атолл Муруроа во Французской Полинезии (приблизительно в пяти тысячах километров к востоку от Новой Каледонии), тот самый, где начиная с 1966 года Франция проводит испытания атомного оружия и куда направлялся в знак протеста корабль организации "Greenpeace". "Всякий, кто будет противиться воле Франции, когда речь идет о ее интересах на Тихом океане, должен знать, что он станет нашим противником". Это краткое и недвусмысленное заявление Миттерана приобретает тем больший вес, что оно выражает точку зрения, широко распространенную в стране: Франция намерена сохранить свое присутствие в тихоокеанском регионе, даже если придется изменить форму присутствия в тех или иных пунктах этого региона.

В гигантской зоне Тихого океана, которую современный авиационный лайнер, летя без посадки из Сан-Франциско в Гонконг, пересекает за пятнадцать часов, Франция утвердилась к югу от экватора. Территории, которые ей принадлежат, сами по себе ничтожны; их население — 330 тыс. человек. Кучки островов, рассеянные в безбрежном океане. Почему же этому региону придается такое значение? Конечно, здесь много рыбы. Может быть, когда-нибудь удастся найти нефть. Но не в этом дело. Тихоокеанские владения для Франции в нынешних условиях — это средство сохранить то, что генерал де Голль называл ее "рангом". А может быть, и средство отстоять свободу.

После многолетних дискуссий становится ясно, что важнейшей гарантией безопасности служит, увы, ядерный потенциал. А лучшего места для испытания ядерной мощи, чем уединенный атолл в шести тысячах километров от берегов Австралии, в четырех тысячах километров от Новой Зеландии и в двух тысячах — от ближайшего острова, принадлежащего другому государству, — не найдешь. Понятно, конечно, что соседние страны требуют объявить все пространство Тихого океана безъядерной зоной. Однако им приходится так или иначе считаться с тем, что для Франции жизненно важно присутствие в этом регионе, как и сохранение ее ядерной мощи.

Таковы некоторые обстоятельства, послужившие фоном для визита в Париж нового советско-

го лидера в начале октября. Визит предшествует встрече М. С. Горбачева с Р. Рейганом, которая состоится в ноябре. Нельзя сказать, чтобы президент Франции располагал к моменту встречи с генеральным секретарем ЦК КПСС особенно выгодными позициями. Он имел возможность констатировать, что СССР как будто примирился с размещением в Европе американских ракет и восстановлением нарушенного прежде в пользу Советского Союза стратегического равновесия. Это открывало перспективу для возобновления диалога. Но если в прошлом году Миттеран мог уверенно вести разговор с дряхлым Черненко о правах человека в Советском Союзе, то теперь ему до некоторой степени повредила злосчастная история, о которой мы уже говорили, — диверсия на корабле в новозеландском порту.

Утешением для французских социалистов служат результаты выборов в Северной Европе, этом бастионе социал-демократии. В начале сентября социал-демократическая партия была близка к победе на выборах в Норвегии, хотя и не сумела свалить правительство консерваторов. Через несколько дней на выборах в Швеции социал-демократы во главе с О. Пальме сумели обеспечить себе новый срок пребывания у власти. Правда, они потеряли два места в риксдаге.

Что в целом можно сказать об этих выборах? То, что социал-демократы остались у власти, объясняется неплохими темпами развития экономики: достаточно отметить, что за три года, прошедших после выборов 1982 г., объем промышленной продукции в Швеции возрос на 15%. Безработица находится на уровне, о котором многие могут только мечтать: два процента. Вместе с тем лозунги социал-демократии вновь начинают как-то выплывать. В конце 60-х гг., когда скандинавская социал-демократия была на грани идейного краха, на выручку ей пришла идея "социального государства", иначе говоря, государства с чрезвычайно развитой системой соцобеспечения. Такое государство невозможно без жесткого налогового контроля финансовых органов над экономической деятельностью населения. Но зато оно обеспечивает высокий уровень жизни подавляющему большинству избирателей. В итоге консерваторы остались за бортом. За истекшие годы, однако, выявились отрицательные стороны переразвитой социальной системы, порождающей иждивенчество и равнодушие к труду, и социал-демократия должна будет,

если она хочет сохранить свое лидерство, сделать определенный крен в сторону традиционного либерализма. ●

Г. Ферон



СОВЕТСКИЕ ШПИОНЫ В ЛОНДОНЕ

По части разоблачения советских шпионов Англия стоит на первом месте. За последние 15 лет Великобритания выслала 144 советских агента, далеко опередив Францию (51), ФРГ (5) и Соединенные Штаты, которые за этот период выслали всего лишь шестерых.

Последний раунд выдворений начался 12 сентября, когда министерство иностранных дел Великобритании объявило о высылке из страны 25 советских граждан — дипломатов, журналистов, представителей торговых миссий и т. п. за недозволенную деятельность, иными словами — за шпионаж. Советский Союз ответил аналогичной мерой — выслал из Москвы 25 британцев. Затем британское правительство выслало еще 6 советских представителей, советская сторона опять не осталась в долгу: то же число британцев получило приказ покинуть Москву. Таким образом, контингент каждого представительства сократился на 31 человека. Выссылая советских шпионов, британские власти, конечно, ожидали ответной реакции от Советского Союза, но, исходя из опыта прошлых лет, не такой сильной. Когда в 1971 году Великобритания выслала 105 официальных советских представителей, обвинив их в шпионаже, Советский Союз выслал всего 18 британцев. Заметим, что советское представительство во Великобритании превышает британское в Москве более чем вдвое.

Этот новый жесткий подход удивил английские власти, но не обескуражил. В конце концов последний козырь у них остался — Олег Гордиевский, резидент КГБ в Лондоне. Одновременно с объявлением о высылке первой партии советских шпионов министерство иностранных дел сообщило, что британские власти удовлетворили просьбу советника советского посольства в Лондоне Олега Гордиевского о предоставлении ему политического убежища в Великобритании. Это от него стало известно о "недозволенной деятельности" советских представителей.

Олег Гордиевский, офицер КГБ с большим стажем более 15 лет, как оказалось, являлся двойным агентом, работая на Данию и Великобританию. Он родился в 1938 г., начал работу в КГБ примерно в 1962 году. С конца шестидесятых годов специализировался по скандинавским странам и Великобритании. В 1969 г. был направлен в Копенгаген, а с 1972 г. занимал пост пресс-атташе советского посольства в Копенгагене, где, судя по всему, и начал сотрудничать — сначала с датской, а затем и с британской разведкой.

Похоже, что причины, побудившие этого офицера КГБ на такой шаг, были идеологическими — такова во всяком случае официальная версия британского министерства иностранных дел. Скорее всего это так и есть: трудно представить себе другие, низменные и корыстные побуждения, ради которых можно было бы вести столь опасную двойную игру так долго. По воспоминаниям людей, встречавших Олега Гордиевского в Копенгагене, он был идеальным шпионом — гладкий, ничем, кроме отменно скроенных костюмов не выделявшийся функционер. В 1982 г. Олег Гордиевский был переведен в Лондон на пост советника в советском посольстве. Такова была его дипломатическая должность. На практике же в качестве офицера КГБ Гордиевский руководил сбором информации о религиозных движениях, движении за мир и о профсоюзах, а также контактами и инфильтрацией этих движений. Его непосредственным начальником был в те годы глава всей шпионской сети в Лондоне Аркадий Гук.

Конечно же еще до своего гласного перехода на Запад Гордиевский держал британскую секретную службу в курсе дела. Сейчас, например, стало известно, что именно благодаря ему в прошлом году был пойман потенциальный советский агент Майкл Беттани — сотрудник MI-6

(британская контрразведка), предложивший свои услуги Аркадию Гуку. Гордиевский сообщил британской разведке о попытках Беттани вступить в контакт с Гуком, Беттани был арестован, деятельность Гука разоблачена в ходе суда над Беттани, резидент КГБ был выслан из Великобритании, а его заместитель – Олег Гордиевский – занял пост резидента, возглавив шпионскую сеть в Лондоне.

В этом качестве Гордиевский имел возможность оказывать неоценимые услуги британской разведке. По роду своей службы Гордиевский должен был знать не только всех своих собственных агентов в Лондоне (сотрудников посольства, торговых миссий, журналистов), но и имена сотрудничавших с КГБ англичан. Последние делятся на две категории: агенты, имеющие доступ к секретной информации и передающие ее, и просто влиятельные политические и общественные деятели – профсоюзные работники, журналисты, даже члены парламента, завербовав которых, КГБ получает возможность сеять дезинформацию, протаскивать в парламент и британскую прессу угодную и удобную советской стороне линию.

Первая категория агентов – по английским законам, как и по законам любой другой страны, подсудна. Вторая – нет. По английским законам можно быть агентом любой другой державы, даже получать деньги за свою деятельность, покуда эта деятельность не затрагивает секретной информации. Более того, английский закон о диффамации не позволяет предавать гласности сведения, бросающие тень на репутацию человека, кто бы он ни был, без веских и неопровержимых доказательств (исключение составляют члены парламента – они имеют право бросать свои обвинения в ходе парламентских дебатов). Лицо, названное в порочащем его репутацию контексте, может возбудить гражданский иск и выиграть дело (и, как чаще всего в таких случаях бывает, получить значительную денежную компенсацию). Таким образом, даже если Гордиевский когда-нибудь и опубликует свои мемуары, сведений о многих его британских "контактах" в них не будет. Но зато британской разведке он может рассказать все. Для начала он рассказал о деятельности только что высланных бывших своих подчиненных.

Среди высланных советских представителей были специалисты по электронике, экономисты,

банковские служащие и журналисты и, конечно, офицеры КГБ, прикрывавшиеся статусом дипломатов. В их задачи входил сбор информации о политической жизни в Великобритании, о профсоюзном движении, о состоянии фунта стерлингов, о промышленном развитии страны, новинках техники, о ценах на бирже, о расовых взаимоотношениях и о положении в Северной Ирландии. Всю эту информацию можно получить из английских газет и журналов, но Москва верит в способность своих специалистов оценивать ситуацию на месте. Советский агент, ознакомившись с газетными материалами, может обсудить их с влиятельными англичанами и в процессе обсуждения собрать дополнительную информацию.

Немаловажную роль играет и распространение дезинформации. Например, на приеме, в беседе с каким-нибудь сотрудником МИД завести разговор о кабинете министров и намекнуть или дать понять, что где-то там, наверху, может, в самом кабинете министров, окопался советский агент и т. д. И конечно же советские агенты постоянно выискивают кандидатов для вербовки в любой сфере общественной жизни.

Работы много, и работа нелегкая. Все меньше и меньше сочувствующих и попутчиков, готовых отдать все силы борьбе за торжество коммунизма. Нынче порода агентов советской разведки на Западе измельчала. Прошли времена интеллигентов-идеалистов типа Филби, Маклина и Берджеса. Чаще всего это шпионы корыстного толка, вроде семейства Уолкерсов в Соединенных Штатах или разочарованные недоумки вроде Беттани, или неврастеники и извращенцы типа Джеффри Прайса – бывшего сотрудника правительственного коммуникационного центра, в течение многих лет за деньги передававшего информацию советской разведке (Прайс проработал на Советский Союз более 10 лет и попался лишь после того, как в его квартире был сделан обыск в связи с делом по подозрению в растлении малолетних девочек.)

Но все это, конечно, не останавливает Советский Союз. Попытка любой ценой проникнуть в печать, политические партии, профсоюзное движение и кабинет министров делались постоянно. Делаются они и по сей день. Великобритания с ее демократическими традициями издавна представляла собой заманчивое поле деятельности в глазах советских руководителей. С самого своего основания Советский Союз пытался

”ускорить кризис капитализма”, ”помочь созданию революционной ситуации” в Англии и потропить осуществление пророчеств Маркса. Неважно, было ли или нет фальшивкой письмо председателя Коминтерна Зиновьева британским коммунистам в начале 20-х годов, в котором Зиновьев призывал организовывать революционные коммунистические ячейки повсюду, включая армию. Суть этого письма и этих призывов никак не противоречила и не противоречит ни целям, ни практике советской политики. Подчас это носит совершенно открытый характер. Не далее как этим летом Высшая школа профдвижения пригласила нескольких представителей баствовавших весь прошлый год шахтеров поучиться советским методам профсоюзной борьбы (на экспорт) с оплатой всех расходов. Имеется и другой способ – более тайный, с которым совсем недавно столкнулся бывший председатель лейбористской партии и заместитель генерального секретаря британского профсоюза моряков Сэм Мак-Класки. Во время поездки последнего в Москву по профсоюзным делам сотрудник КГБ, – как выяснилось, в свое время высланный из Лондона за шпионаж, – пытался завербовать Мак-Класки. Тот с возмущением отверг предложение, а профсоюз моряков решил в знак протеста не посылать своих делегатов в Москву в течение двух лет. О более успешных случаях вербовки мы, естественно, не слышим, но Олег Гордиевский может поведать о них если не миру, то во всяком случае британским властям.

Трудно с точностью сказать, что заставило Олега Гордиевского именно сейчас, после пятнадцати лет двойной жизни, попросить убежища в Великобритании. Цепная реакция переходов агентов с Запада на Восток и с Востока на Запад прошла этим летом по всей Европе. Почти одновременно с Гордиевским попросил политического убежища в Соединенных Штатах некий Виталий Юрченко – один из высших чинов КГБ; Юрченко, по мнению экспертов, – один из наиболее важных перебежчиков последнего времени. Он, как говорят, был ставленником Андропова, в бытность того председателем КГБ и сделал в ”органах” блестящую карьеру.

М. Филлимор

БОНН – МЕККА ШПИОНОВ

Август и сентябрь 1985 г. отмечены в современной истории Федеративной республики Германии вспышкой ”шпионских страстей”. Количество агентов, бежавших (видимо, опасаясь разоблачения) на Восток или же разоблаченных, в эти месяцы достигло рекордной отметки даже по меркам этой страны, привыкшей уже к такому рода вещам.

Началось все с того, что в очередной понедельник не появилась на своем рабочем месте Соня Люнебург, секретарь министра экономики и нынешнего председателя входящей в правительственную коалицию Свободной демократической партии Мартина Бангемана. Через ее руки проходило множество секретных документов, касающихся торговли между Востоком и Западом, продажи оружия, обмена технологической информацией и т. п. Бангеман был также членом Федерального совета безопасности, и хотя сейчас он заявляет, что Люнебург не имела отношения к этой части его деятельности, большой уверенности в этом нет. Полиция, подвергшая обыску квартиру Люнебург, обнаружила, что владелица явно покидала ее в большой спешке. Вскоре было установлено, что и ”Люнебург” – не Люнебург. Берлинская парикмахерша Соня Люнебург в середине 1960-х гг. переехала во французский город Кольмар, и через год под тем же самым именем в ФРГ вернулась совсем другая женщина. ”Люнебург” заняла сначала очень скромный пост в боннских кабинетах, но постепенно продвигалась по службе. Что еще более важно – сделал карьеру и ее покровитель Бангеман, другом семьи которого она стала. Сейчас эта пожилая, респектабельно выглядящая матрона находится, очевидно, где-то в ГДР.

Почти одновременно с Люнебург не вернулась из отпуска и Урсула Рихтер, бухгалтер ”Союза изгнанных”, объединяющего немцев, высланных после войны из Польши, Чехословакии и других стран. Правильнее было бы сказать – ”Рихтер”, ибо ее настоящее имя неизвестно. ”Рихтер”, как и Люнебург, возвратилась в ФРГ из-за рубежа, на этот раз из Канады, где и была совершена замена подлинной Рихтер на восточногерманского агента. Контрразведка ФРГ полагают, что ”Рихтер” была ”контролером” шпион-

ской сети ГДР в Бонне. Одним из ее подопечных был также исчезнувший в августе Лоренц Бетцинг, курьер военного ведомства в Бонне. Бетцинг работал ранее также на строительстве правительственного бункера под Бонном, из которого в случае военного конфликта должно осуществляться центральное руководство страной.

Однако главное событие произошло в середине августа, когда бежал в ГДР один из руководителей западногерманской контрразведки Ганс Иоахим Тидге. Он был ответственен за выявление и разоблачение шпионов ГДР, действующих на территории Федеральной республики. Соседи не удивились, увидев чинов полиции, явившихся после бегства хозяина в дом Тидге. Им уже приходилось вызывать полицию, чтобы прекратить скандалы, которые устраивал хозяин дома своим трем малолетним дочерям. Непосредственного начальника Тидге Хериберта Хелленбройха, шефа службы безопасности ФРГ, и министра внутренних дел Фридриха Циммермана не раз предупреждали о странностях в поведении их подчиненного, о его пристрастии к крепким напиткам, о непомерных (по его жалованию) долгах. Министр отстаивал своего многолетнего друга, ссылаясь на его диабет и тяжелое душевное состояние, вызванное трагической смертью жены. Уже из ГДР Тидге прислал письмо, которое могло быть истолковано как доказательство того, что он не был ранее завербован другой стороной, а действовал под влиянием "трудных обстоятельств".

Дело Тидге остается неясным, и неизвестно, прояснится ли оно в обозримом будущем. Новое расследование обстоятельств смерти его жены обнаружило ряд непонятных деталей. Поползли слухи, что супруг убил жену, которая угрожала ему разоблачением, и что дочери подозревали об этом. От решения вопроса о причинах бегства Тидге зависит оценка того вреда, который он мог нанести безопасности ФРГ. Пост, который он занимал, был слишком важным. Он не только давал ему возможность покрывать и предупреждать действующих на территории ФРГ агентов: знание структуры и методов западногерманской контрразведки необычайно важно и для будущих, подготовленных к засылке шпионов.

Вслед за бегствами начались аресты тех, кто еще не успел убежать. В начале сентября была арестована Маргарет Хеке, секретарь в канцелярии президента ФРГ Рихарда фон Вайцекера.

Она занималась бумагами, имевшими отношение к иностранным делам и обороне, в частности, через нее проходили телеграммы из посольств ФРГ за рубежом.

Власти ФРГ вынуждены были также обратиться за помощью к коллегам в других странах. Швейцарская полиция арестовала в Люцерне престарелую чету — Иоганна и Ингеборг Хюбнер по подозрению в руководстве шпионской сетью ГДР на Западе. Англичане арестовали восточных немцев Рейнхарда и Соню Шульце. Супруги Шульце не успели сбежать, хотя и были предупреждены об опасности посредством фальшивого объявления о смерти, которое было помещено неизвестным лицом в газете "Times".

Аресты, в свою очередь, привели к новым бегствам. В сентябре сбежала Херта-Астрид Вильнер, секретарь в канцелярии самого канцлера Гельмута Коля, и ее муж Герберт, сотрудник министерства экономики. Супруги Вильнер уже находились некоторое время у контрразведки на подозрении. Однако в Германии сильно отвращение даже к намекам на возможность полицейского или судебного произвола, напоминающего немцам о позорных страницах отечественной истории. Именно поэтому канцлер Гельмут Коль запретил тогда прослушивание телефонов супругов Вильнер. Канцлер считал, что служба безопасности недостаточно обосновала необходимость прослушивания. Через три месяца скромная чиновница, отбыв с мужем в отпуск в Испанию, известила шефа, что она не возвращается на работу в связи с отъездом в ГДР.

Разгул "шпионских страстей" пока не имел серьезных политических последствий для правительства Коля. Социал-демократическая оппозиция явно не хочет делать на этом вопросе слишком большой упор, ибо это напомнило бы о еще более скандальных происшествиях в то время, когда сами социал-демократы находились у власти.

Действительно, особое положение ФРГ делает борьбу со шпионажем в этой стране делом чрезвычайно трудным. Ни у одной западной страны нет такого соседа, как у ФРГ: Германская демократическая республика в течение всей ее истории была питомником шпионов, которых к тому же было чрезвычайно легко засылать на Запад.

Пятидесятые годы были годами активного насаждения восточногерманских агентов в ФРГ. Многие из них консервировались на долгий

срок. Эта акция была облегчена массовым движением населения между двумя частями разделенной Германии. Баланс был, естественно, в пользу ФРГ: через неплотно закрытую границу туда перешло из социалистического рая около 3,5 млн. немцев ГДР. Свыше 8 миллионов немцев было изгнано из Чехословакии, Польши и советского куска бывших немецких территорий. Возмездие, которое понесла Германия, было тяжелым. За развязанную войну и военные преступления Германия заплатила жизнями не менее 6 миллионов граждан, были уничтожены или конфискованы сотни предприятий, разрушено 70% жилого фонда городов, погибли многие памятники культуры. Но самым тяжелым наказанием было разделение страны и изгнание многих немцев с насиженных мест. Попранное национальное чувство нашло один из выходов в горячем стремлении помочь беженцам. На этом сочувствии и удалось сыграть восточногерманской разведке, внедрившей в ФРГ немало агентов.

Разоблачена, по-видимому, лишь небольшая часть шпионской сети ГДР в ФРГ, и нынешний скандал — не последний. Правда, масштабы его не совсем обычны. В истории западногерманского контршпионажа можно, пожалуй, вспомнить только два случая, сравнимых по значимости с августовскими событиями. В 1951 г. бывший эсэсовец Гейнц Фельфе начал сразу две карьеры в обеих германских службах безопасности: в ФРГ официально, в ГДР — неофициально. К моменту ареста в 1961 г. он дослужился до поста ответственного за контрразведку в "советском" отделе службы безопасности ФРГ. По словам его коллег, лишь через пять лет оказалось возможным хоть как-то исправить причиненный им ущерб.

В 1956 г. из ГДР перешел в ФРГ Гюнтер Гийом, быстро поднявшийся по ступенькам карьеры в социал-демократической партии. В 1970 г. он был назначен в штат канцлера — социал-демократа Вилли Брандта. Будучи одним из трех личных советником канцлера (и вдобавок — его личным другом), он имел доступ к дешифрованным документам НАТО (а также смог многое сообщить о личности канцлера и его слабостях). В 1974 г. он был арестован. Скандал этот стоил тогда Вил-

ли Брандту поста канцлера и сильно испортил ему карьеру.

ФРГ занимает особое место в планах советских и восточногерманских разведывательных служб. Это, конечно, объясняется ее ролью в системе обороны Запада, в НАТО. Она не только расположена стратегически чрезвычайно важно, но и ее вооруженные силы, наряду с американскими, составляют основу оборонного потенциала НАТО. Кроме того, ФРГ не входит в соглашение об ограничении экспорта стратегических материалов в государства советского блока. Это соглашение, заключенное в 1949 г. между США, Канадой и рядом стран Западной Европы, предусматривает составление подробных списков товаров, запрещенных к вывозу в коммунистические государства без специальной лицензии, а также создание комитета по наблюдению за экспортом (этот комитет известен под сокращенным названием КОКОМ). ФРГ не существовала в момент организации КОКОМ и не вступила в него позднее. В итоге она превратилась в удобный канал для приобретения Советским Союзом и ГДР технической и экономической информации и образцов изделий. В Западной Германии развернулась огромная сеть экономического и технического шпионажа. По существующим оценкам восточногерманская промышленность и наука сэкономили свыше пяти миллиардов долларов на краже научно-технической документации из ФРГ и через нее. Доходы СССР от этих операций никто оценить даже и не пытался.

Правда, говоря о шпионаже, стоит напомнить, что как ни увлекательна эта тема, ключи к мировой политике не находятся в руках шпионов. Они в руках исполнительной власти и армии, которые оценивают и используют разведывательную информацию в своих целях и интересах. Как ни тяжелы были ошибки разведки и ее заказчиков (в СССР — перед 22 июня 1941 г., в США — перед японской атакой на Перл-Харбор, в Израиле — перед началом войны 1973 г.) на итогах войн они не сказались. Неясно, какой вред принес Гюнтер Гийом, но очевидно, что замена Вилли Брандта Гельмутом Шмидтом вряд ли была успехом для ГДР и всего коммунистического лагеря.



ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

Тринадцатого октября состоялись выборы в польский сейм.

Временная координационная комиссия "Солидарности" призвала к бойкоту выборов. Призыв был поддержан всеми организациями "Солидарности" на местах, а также другими оппозиционными группами, непосредственно с нею не связанными, например, Всепольским комитетом сопротивления крестьян, Независимым объединением студентов, группой "Единство" (Щецин), группами "Борющейся Солидарности" по всей стране, партией "Независимость", политическим движением "Освобождение", группой "Свобода, справедливость, независимость" и другими. Распространялись листовки с призывом к бойкоту. Бойкоту были посвящены многочисленные публикации в подпольной прессе. Была подготовлена так называемая "Акция 5 минут" — подсчет независимыми наблюдателями числа участвующих в выборах. В ней мог принять участие каждый, кто действовал согласно инструкции о проведении статистических наблюдений, опубликованной в оппозиционной печати. Предлагалось подсчитывать количество людей, выходящих в течение пяти минут из пункта для голосования в различные часы суток.

Оппозиционная печать указывала на то, что выборы — мероприятие чисто фиктивное, что сейм, которого хотят власти, будет сеймом "поддакивающих". Это мнение подтверждалось тем, что в списке кандидатов не оказалось людей, которые в прежнем сейме занимали независимую позицию. Так, в список не попал беспартийный депутат Зыгмунт Османчик, в течение последних трех лет резко критиковавший действия властей, беспартийный депутат Побережья

Ромуальд Буковский — единственный, кто в январе 1982 г. голосовал против введения военного положения. Нет в списке еще нескольких людей, которые не считали себя простым придатком к руке, голосующей "за".

Несколько месяцев назад в Варшаве прошли слухи, что правительство готово пойти на создание некоей парламентской оппозиции примерно из 50 представителей так называемого "Центра", представляющих различные круги интеллигенции. Оппозиционная пресса даже критиковала людей, которым приписывалось участие в переговорах с властями по этому вопросу. Оказалось, однако, что до переговоров дело так и не дошло, хотя, вероятно, было бы немало людей, которые ради "реалистического подхода" приняли бы приглашение участвовать в таких переговорах. В конце концов приглашение к переговорам пришло... в форме телефонных звонков от секретарш из канцелярии Совета министров, которые опросили нескольких членов "Центра", не желают ли те войти в список кандидатов от Патриотического движения национального возрождения (ПДНВ). Приглашение последовало за несколько дней до закрытия списков, явно было рассчитано на отказ и должно было лишь симулировать "добрую волю" властей и "отказ" оппозиции от сотрудничества.

В рамках предвыборной кампании следует также отметить странное выступление генерала Владислава Пожого — замминистра внутренних дел. Центральный партийный орган "Трибуна Люду" опубликовал интервью с генералом, где тот сообщил, что у службы безопасности есть информация, согласно которой западные спецслужбы и провокаторы из "Солидарности" планируют перед выборами нападения на места религиозного культа и похищение некоего сотрудника польской редакции радиостанции "Свободная Европа". Все это — с целью свалить преступления на польскую службу безопасности и спровоцировать людей на бойкот выборов. Возможно, что это было сигналом к новой волне арестов (которые, однако, не состоялись), но возможно, что руководство МВД не вполне уверено в своих сотрудниках и опасалось с их стороны самочинных действий.

В воскресенье вечером выборы завершились, и представитель правительства по связи с прессой Ежи Урбан заявил, что в них приняло участие три четверти граждан, имеющих право голоса (такое

право имеют 26 млн. чел.). На следующий день правительство сообщило, что доля принявших участие в голосовании превысила 78%. В кругах оппозиции эти цифры расценивают как абсурдные. Лех Валенса сообщил, что по данным независимых статистических оценок в тройной коалиции Гданьск–Щецин–Сопот в голосовании участвовало не более половины избирателей, во Вроцлаве – не более 45%. По сообщению уполномоченного Временной координационной комиссии по Варшаве в столице участвовало в голосовании от силы 60% избирателей. Известно также, что не свыше трети членов епископата пришли на избирательные участки. Даже официальные власти отмечают большое количество недействительных бюллетеней.

В отличие от правительства комиссия "Солидарности" по подсчету участвовавших в выборах намерена опубликовать свои оценки позднее, после тщательной проверки. Ясно, однако, уже сейчас, что надежды властей не оправдались. Нарушено принятое в коммунистических странах правило – в выборах участвуют 99,9% избирателей, из них голосуют "за" те же 99,9%. Сделан малый, но весьма важный шаг к нормальной избирательной процедуре. Разумеется, это не та "нормализация", к которой стремятся власти.

*

Политика властей в отношении церкви преследует несколько целей. Во-первых, власти хотят путем сочетания давления и мелких уступок добиться, чтобы церковная иерархия осудила бунтующие общественные круги (прежде всего – интеллигенцию), которые после декабря 1981 г. возлагают на церковь большие надежды. Во-вторых, делается попытка разделить церковную иерархию на экстремистов и "реалистов" и стравить их друг с другом. В-третьих, власти намерены, пользуясь услугами "реалистов", вовлечь церковь в западную сотрудничества с властями, отвергаемого большинством. Долгое время рупором "реалистов" считался примас Польши кардинал Ю. Глемп, который подвергался за это острой критике со стороны независимых кругов в стране и в эмиграции. В самом деле, в течение определенного времени примас, идя в русле политики покойного С. Вышиньского, пытался, занимая примирительную позицию, создать властям максимальную гарантию безопасности на случай, если они выразят готовность сотрудниче-

ства с обществом. Его ждало разочарование. А. Мицевский, главный советник кардинала по общественным вопросам и видный политический публицист, отклонивший предложение органа "Патриотического движения за национальное возрождение" об участии в дискуссии, писал: "Я не отозвался на предложение "Возрождения" и ряда других изданий и организаций... в результате оценки политической ситуации. Мои надежды явно обмануты – я имею в виду надежды не личного, а общественного характера. Примас Глемп, широко известный в качестве сторонника соглашения, провозгласил в одной из своих проповедей, что больше не будет говорить об этом, ибо его ожидания не исполнились. Примас не отказался от своих идей, он лишь решил пока их не высказывать, чтобы никто не мог извлечь односторонних выгод из его слов, не осуществляя при этом его идей..."

Оказалось, однако, что молчание может быть истолковано как знак согласия. В упомянутом выше интервью генерал Пожога заявил, в частности, что отсутствие высказываний церкви о выборах означает молчаливую поддержку участия в них. Выступая в США на пресс-конференции, Глемп по этому поводу заявил, что люди в Польше достаточно интеллигентны, и не надо им указывать, должны они голосовать или нет, и что молчание церкви по вопросу о выборах нельзя толковать как их поддержку. На вопрос о том, пойдет ли он сам голосовать, кардинал предложил спросить его об этом 13 октября, то есть, когда выборы пройдут.

*

По случаю пятой годовщины событий августа 1981 г. основные центры международного профсоюзного движения и многие национальные профсоюзные организации подтвердили, что они по-прежнему считают "Солидарность" подлинной представительницей трудящихся. По этому случаю опубликовали совместную резолюцию Международная конфедерация свободных профсоюзов, Всемирная конфедерация труда и Европейская конфедерация профсоюзов. В ней заявлено о намерении и в дальнейшем поддерживать "Солидарность" всеми доступными материальными и моральными средствами. Пять французских профсоюзных организаций (кроме коммунистической) направили письмо премьер-министру Л. Фабиусу с просьбой употребить все усилия,

чтобы склонить польские власти к уважению подписанных ими международных соглашений о профсоюзных свободах. Поддержку "Солидарности" выразили также съезды Итальянской конфедерации профсоюзов и Итальянского объединения труда, а также другие национальные организации.

В начале октября главный редактор известного французского журнала "Expansion", выступая по телевидению, сообщил, что в проведенном журналом опросе, кто больше всех повлиял на изменение современного облика Франции, второе место после де Голля занял Лех Валенса. По мнению французов, Валенса "нокаутировал" их компартию, которая за последние пять лет потеряла половину избирателей и превратилась по существу во второстепенную партию, за которую голосует лишь 10% избирателей – столько же, сколько за крайне правый "Национальный фронт". ●

В. Кучинский



КОНЕЦ "ВЕЛИКОГО ПОХОДА"

28 сентября "Известия" опубликовали интервью с руководителем советской делегации, недавно посетившей Китайскую Народную Республику. Советский чиновник, оценивший поездку как "полезную", тем не менее со смущением отметил, что со стороны китайцев "не проявлялось интереса, когда мы рассказывали о нашем опыте в решении тех или иных проблем".

Что ж, отсутствие такого интереса понятно. Опыт страны, в которой любая попытка "решения тех или иных проблем" приводит лишь к появлению десятка новых, не может вызывать особого энтузиазма в Китае, где сейчас начат гран-

диозный эксперимент по мирному выходу из тупика, в который завела его социалистическая система хозяйствования ("Страна и мир", № 11, 1984). Сейчас советская печать, со своей стороны, пытается создать впечатление, что ее китайские дела интересуют мало. О реформах, преобразующих облик Китая, говорят лишь сквозь зубы и раздраженно ("Страна и мир", № 9, 1985) или же просто их замалчивают. Так, о результатах пленума ЦК КПК, состоявшегося в сентябре 1985 г., советские газеты написали лишь несколько строк, сообщив, что пленум "частично урегулировал" состав политбюро и секретариата ЦК КПК. Между тем, на пленуме произошли события, которым, может быть, суждено изменить судьбы этой страны на конец нашего столетия и начало будущего. Судьбы же Китая в немалой мере связаны и с историческими судьбами нашей страны.

Приступая к перестройке китайской экономики на капиталистический лад, Дэн Сяопин и его коллеги не могли не понимать, что необходимым условием для успеха реформ является наличие людей, способных и желающих эти реформы проводить. Между тем китайская "пирамида" власти на всех уровнях – снизу доверху – состояла из людей "старой гвардии", если не всегда по возрасту, то всегда – по образу политического и экономического мышления. Эта "старая гвардия" приняла реформы Дэна в штыки.

В течение более чем двух лет в Китае велась планомерная, хотя и не широко рекламируемая кампания по замене старых кадров – ветеранов революции или выдвиженцев маоистской "культурной революции" – новыми работниками, "технократами", молодежью, носителями новых идей, активными сторонниками курса Дэна. Ушло в отставку более миллиона партийных и государственных чиновников, несколько десятков тысяч армейских офицеров, огромное число руководителей хозяйственных предприятий. Замена производилась спокойно – без шельмования и уж, тем более, без арестов, и, видимо, поэтому не привлекала внимания внешних наблюдателей.

И вот процесс персональных изменений докатился до самого верха партийной и государственной иерархии. Этого давно ждали, и все же, когда перемены наступили, ничто не могло уменьшить ощущения, что происходят события поистине исторической важности.

Почти все лето Дэн Сяопин провел на морском курорте Бэйдайхэ: гулял, ежедневно плавал, проводил многочасовые совещания со своими помощниками. В начале сентября 81-летний Дэн вернулся в Пекин, загорелый, очевидно физически крепкий и энергичный. 16 сентября все китайские газеты сообщили об уходе на пенсию 131 китайского руководителя самого верхнего эшелона.

На пенсию были отправлено 10 из 24 членов политбюро. Ушли на покой также 64 члена и кандидата в ЦК КПК и один был уволен в отставку (всего в ЦК КПК было 210 членов и 136 кандидатов). Было объявлено также об уходе на пенсию 37 членов Центральной комиссии советников, председателем ее как раз и является Дэн Сяопин, и 30 членов Центральной комиссии по проверке дисциплины. Никто из ушедших со своих постов не был подвергнут публичному шельмованию, не был лишен всех материальных привилегий; было сообщено, что большинство станут "советниками" нового руководства, звание, очевидно, почетное, но не дающее реальной власти. Никакой "антинародной группы" или "клики" выявлено не было.

18 сентября в Пекине открылась чрезвычайная партийная конференция – всего лишь четвертая по счету конференция такого рода с момента основания КПК в 1927 г. и вторая – со времени прихода КПК к власти в 1949 г. В ней приняло участие 992 делегата. Наряду с ветеранами партии в их числе было 326 "выдающихся руководителей" экономических предприятий и партийных организаций, намеченных, видимо, к дальнейшему продвижению.

Главной целью конференции было избрание новых членов на освободившиеся места. Конференция избрала 29 новых членов ЦК, 27 перевела из кандидатов в полные члены, избрала 34 кандидата в ЦК. В результате в состав ЦК сейчас входит 371 член и кандидат в члены – вместо прежних 346. Избраны также 53 новых члена Центральной комиссии советников (вместо 37 ушедших) и 33 члена Центральной комиссии по проверке дисциплины (вместо 30 "пенсионеров").

Конференция утвердила также проект нового пятилетнего плана – седьмого такого плана со времени основания КНР.

Наконец, 24 сентября, подводя итог целому ряду перемен, состоялся 5-й пленум ЦК КПК

двенадцатого созыва – с участием только что избранных новых членов. Пленум избрал вместо десяти ушедших шесть новых членов политбюро. Теперь в политбюро всего 20 членов и два кандидата. Были избраны также пять новых членов секретариата ЦК.

Что же произошло в китайском руководстве? Кто ушел и кто стал на их место? Большинство ушедших – престарелые ветераны партии. Многие из них вместе с покойным Мао участвовали в знаменитом Великом походе китайской Красной армии 1934–1935 гг. – именно тогда были заложены основы их популярности, именно тогда начался их путь к вершинам власти, которой они в конце концов достигли. На них, выросших рядом с Мао, лежит немалая доля ответственности за те беды, которые постигли страну во время правления "Великого кормчего". Практически все ушедшие от дел – противники нового курса, начатого Дэном, открытые или скрытые его критики.

Из политбюро выведены шестеро из девяти входивших в него представителей армии. В их числе – командующий Северо-восточным военным округом (у китайско-советской границы) Ли Дэшен (69 лет), маршалы Не Жунчжен (86 лет) и Су Сянцзянь (84 года). Последний лишь в прошлом месяце выступил с похвалами военной стратегии Мао. Ушел из политбюро, а также из Постоянного комитета политбюро 88-летний маршал Е Цзяньин. В прошлом ближайший советник Мао, он был одним из немногих ветеранов, поддержавших Дэна в его реформистском курсе. Видимо, причиной его ухода была не его политическая позиция, а действительно возраст: в последнее время он превратился в синильного старика, главным занятием которого стало выступать на различных собраниях с воспоминаниями о волнующих временах юности, когда коммунистов было мало, а реакционеров, с которыми надо было бороться, – много. Видимо, в утешение старому маршалу – и в награду за поддержку Дэна – его сын Е Сюаньпинь, губернатор провинции Гуандун и бывший мэр Гуаньчжоу (Кантон), был из кандидатов в члены ЦК переведен в полные члены.

Политбюро покинули также три бывших министра общественной безопасности. Ушла 81-летняя Дэн Инчао, вдова Чжоу Эньлая, самая высокопоставленная женщина в стране. Теперь в политбюро ЦК КПК женщин нет. Нет в нем и пред-

ставителей национальных меньшинств — единственный нектитаец, монгол Уланьфу (79 лет), тоже отправлен на пенсию.

Из числа наиболее известных членов ЦК, вынужденных его покинуть, отметим 72-летнего Хуан Хуа, бывшего переводчика Мао, одно время поднявшегося до поста премьер-министра Государственного совета (т. е. премьер-министра). Ушел из ЦК Ван Дусин (69 лет), бывший глава телохранителей Мао. Во время "культурной революции" он взлетел до поста заместителя председателя КПК. Правда, он же в 1976 г. сыграл решающую роль в аресте "банды четырех", в том числе вдовы Мао Цзян Цинь.

В числе отправленных на пенсию членов ЦК — два министра: министр обороны Чжан Айпин (75 лет), сыгравший значительную роль в модернизации китайской армии, и министр культуры Чжу Мучжи (74 года). Интересно, однако, что оба они сохранили свои министерские посты.

Именно Чжу Мучжи, выступая на партконференции, назвал конец системы пожизненных постов для партийных руководителей "символом зрелости китайской коммунистической партии". Он отметил, однако, что ряд ветеранов партии должны остаться, несмотря на их преклонный возраст. Имелся в виду, конечно, прежде всего сам Дэн Сяопин. "Я с уверенностью могу сказать, — заявил Чжу, — что товарищ Дэн Сяопин и некоторые другие старые руководители будут продолжать свою работу в центральных руководящих органах партии". На этом сделал также особый упор генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан в своей речи, открывающей конференцию: "В интересах партийного дела, чтобы большинство ветеранов ушло на пенсию. Также в интересах партийного дела, чтобы некоторые из них остались". Помимо Дэна остался сам Ху Яобан (69 лет) и премьер Госсовета Чжао Цзяян (66 лет). Оба они — верные сторонники политической линии Дэн Сяопина.

На смену ушедшим ветеранам в ЦК избрана "молодежь", технократы, большинство которых зарекомендовали себя как энергичные хозяйственные руководители, эксперты в различных областях промышленности, сельского хозяйства, политического руководства. Средний их возраст — 50 лет; в год Великого похода они только родились. 76% из них — люди с высшим образованием (для сравнения отметим, что в 40-миллионной КПК в целом — лишь 4% людей с высшим образованием).

Стоит остановиться на некоторых новых лицах

в ЦК и особенно в политбюро — ведь именно им, вероятно, и предстоит осуществлять политику Китая в конце этого и начале следующего века.

Особое внимание привлекает, несомненно, 56-летний Ху Цици, член секретариата ЦК, насчитывающего восемь человек, бывший мэр Тяньцзиня. Все единогласно прочат его на пост будущего лидера партии, когда Ху Яобан по старости уйдет. Выпускник механико-математического факультета Пекинского университета Ху Цици, если он поднимется до высот партийной власти, будет первым лидером партии, который не участвовал в установлении коммунистической власти в Китае и не имеет никакого военного опыта. В секретариате ЦК он исполнял обязанности постоянного секретаря и, фактически, заместителя генсека. Он — правая рука Ху Яобана. Человек с внешностью ученого, "очкарик", с мягкими манерами, бегло говорящий по-английски (первый среди китайских руководителей такого ранга), Ху Цици является твердым сторонником экономических и социальных реформ Дэн Сяопина.



Ху Цици

Второй новый член политбюро, привлекающий всеобщее внимание, — 57-летний Ли Пэн, общепризнанный кандидат на замещение, в будущем, Чжао Цзяяна на посту премьер-министра Госсовета (т. е. премьер-министра). Выпускник Московского энергетического института, он занимал последовательно посты министра энергетики и заместителя премьер-министра Госсовета. Ли Пэна считают "отцом" китайской ядерной программы. Во время недавнего визита в США председателя КНР Ли

Сяньняня, сопровождавший его Ли Пэн произвел на американских специалистов глубокое впечатление своими знаниями современной технологии в области ядерной энергетики. Ли Пэн, как и Ху Цили, — убежденный ”дэновец”.



Ли Пэн

Среди остальных новых членов политбюро нужно отметить Тянь Цзыюня (56 лет), экономиста, который помогал нынешнему премьеру Госсовета Чжао Цзыяну, когда тот, будучи в 70-х годах партийным руководителем провинции Сычуань, экспериментировал со многими из хозяйственных реформ, впоследствии положенных в основу всекитайских экономических реформ Дэн Сяопина. В политбюро введены также министр иностранных дел У Сюецян и секретарь политико-юридической комиссии ЦК Цяо Ши. Заместитель премьера Госсовета Яо Шинь переведен из кандидатов в полные члены политбюро. Все они последовательно поддерживали реформы Дэна.

Новые члены ЦК — также почти сплошь ”дэновцы”. Среди них стоит отметить недавно назначенного министра общественной безопасности Жуан Чунву (52 года), научно-технического атташе при посольстве в ФРГ и заместителя мэра Шанхая. Из числа переведенных из кандидатов в члены ЦК выделим заместителя министра иностранных дел Цян Цицэня, ответственного за ведение переговоров об урегулировании отношений с Советским Союзом, и Ван Мыня, писателя, в 1957 г. отправленного при Мао в ссылку во

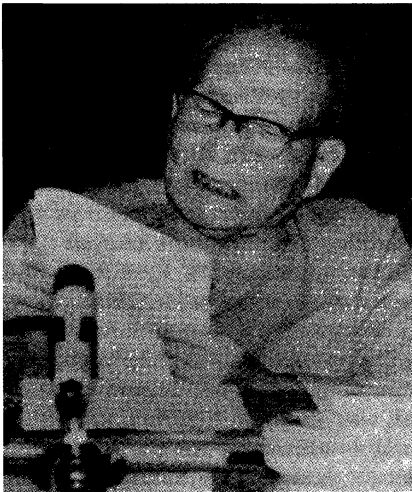
время кампании против ”правых”. Прочие новоизбранные члены (им за 40 или за 50) министры или замминистры китайского правительства, секретари партийных комитетов или губернаторы провинций.

Причины столь массовой ”мирной чистки” в верхних эшелонах власти достаточно ясны и не оставляют места для двойного толкования. Все наблюдатели сходятся на том, что 81-летний Дэн хочет быть уверенным, что начатые им реформы его переживут. В 1987 г. предстоит очередной съезд КПК, и ожидается, что генсек Ху Яобан и премьер Чжао Цзыян уйдут по возрасту в отставку. Дэн хочет быть уверенным, что замена их произойдет плавно и без эксцессов, и преемники их пойдут еще дальше по пути реформ. Разумеется, сейчас, после ввода Ху Цили и Ли Пэна в политбюро, позиции обоих как законных наследников нынешних руководителей значительно укрепились. Позиции реформистов вообще сейчас достаточно сильны: и в ЦК, и в политбюро Дэн имеет твердое большинство. Путь к дальнейшим реформам расчищен. Дэн и не скрывает удовлетворения. Встретившись после пленума ЦК с сингапурским премьером Ли Куан Ю, он заявил: ”Теперь у меня меньше забот. Основы будущего Китая заложены”.

Однако победу Дэна все еще нельзя считать окончательной. Интересно посмотреть не только на тех, кто ушел, но и на тех, кто остался. А остались не только сам Дэн и его ближайшие соратники, но и многие твердокаменные маоисты. Так, в состоящий ныне из пяти человек постоянный комитет политбюро наряду с тремя реформистами — самим Дэн Сяопином, Ху Яобаном и Чжао Цзыяном — входят и два противника Дэна. Первый — это председатель КНР Ли Сяньнянь. Еще недавно он призывал партийных активистов ”не допустить, чтобы завоевания революции были выброшены на свалку”. Второй критик Дэна в постоянном комитете политбюро — 80-летний экономист Чэнь Юнь. Чэнь был избран в политбюро еще в 1934 г., более чем за 20 лет до того, как туда попал Дэн. Чэнь сам был жертвой чисток ”культурной революции”, но тем не менее остался убежденным маоистом.

На заключительном заседании партконференции Чэнь Юнь выступил с большой речью, в которой подверг критике экономические реформы Дэна. Чэнь напомнил делегатам, что ”мы все еще коммунистическая страна”, что основой эконо-

мики должно оставаться центральное планирование, а не рыночное регулирование, "слепое позволяющее предложению и спросу определять производство". Чэнь критиковал политику Дэна за чрезмерное расширение кредитования, резкий подъем цен, уменьшение резервов иностранной валюты. Особенно резко он обрушился на Дэна за уменьшение роли партии в области идеологии и пропаганды, что, по его мнению, привело к развитию взяточничества, спекуляции, кумовства и т. п. Он намекнул также на то, что в последние годы Дэну пользуется слишком большой свободой. Речь Чэня была широко опубликована в китайских газетах.



Чэнь Юнь

Пожалуй, наиболее удивительным является сохранение в руководстве (или, точнее сказать, возрождение) фигуры, которая, казалось, уже сошла со сцены. В ЦК сохранен Хуа Гофэн (64 года). Избранный самим Мао наследник, сначала премьер Госсовета, а затем председатель КПК после смерти Мао в 1976 г., он через год был оттеснен Дэном, а позднее и выведен из политбюро. Дэну насмешливо называл его "господином Чегоизволите" за его слепую преданность Мао и его идеям. В 1981 г. он полностью исчез с горизонта. И вот сейчас вынырнул вновь.

Остался в ЦК и "твердокаменный" идеолог партии Ху Цяому. В секретариате ЦК сохранился 70-летний Дэн Лисюнь, хотя его еще в июле уволили с поста заведующего отделом пропаганды за речь, в которой он резко критиковал реформы Дэна Сяопина. Это Дэн Лисюнь, вместе с Ху

Цяому, возглавлял в 1983 г. кампанию против "духовного загрязнения", идущего с Запада. Тогда лично от Дэна Лисюня сильно досталось Сартру, Фрейдю, Кафке, еврокоммунистам и китайской интеллигенции.

Сохранение части "твердокаменных" в руководящих органах можно толковать по-разному. По мнению одних, это означает, что позиции Дэна еще не абсолютно сильны, ему еще нужно считаться с догматиками и делать им вынужденные уступки. Другие, однако, полагают, что Дэну намеренно сохраняет у руководства таких людей, чтобы всегда была возможность выслушать и альтернативную точку зрения. Дэну явно не хочет, чтобы его победа была "чрезмерной".

Особое внимание Дэна Сяопина, естественно, привлекает армия, традиционно играющая большую роль в китайской политике. Мы уже говорили об уходе из политбюро группы военных — политических противников Дэна. Из ЦК выведен также генерал Чжан Чжисю (67 лет), бывший командующий китайскими войсками, размещенными вдоль вьетнамской границы. Это он пытался в 1979 г. "преподать вьетнамцам урок": в большой степени по его вине на границе происходили вооруженные столкновения. Дэну удалось его ухода, обвинив его в том, что генерал "культивирует психологию осажденной крепости".

В то же время на своих постах оставлены престарелые командиры, преданные Дэну: начальник генштаба Ян Дэчжи (75 лет) и командующий Пекинским гарнизоном Цин Цзивей (74 года).

Всем этим переменам предшествовала проведенная еще в июне перетряска командующих военными округами. Восемь из 11 командующих были либо уволены в отставку, либо переведены на другое место. Сейчас в ЦК введено не менее восьми новых членов — армейских командиров (однако в политбюро — ни одного!). Тем не менее, ушло из ЦК гораздо больше, и сейчас военных в этом органе — около 13%. Напомним, что в 1982 г. их было 19%, а в 1977 г., сразу после смерти Мао, — 27%. Таким образом, доля военных в ЦК постоянно уменьшается.

Дэну вообще неоднократно выражал убеждение в том, что китайская армия чрезмерно раздута. Сейчас в ней 5 миллионов человек. Дэну и его коллеги уже заявили, что в течение ближайших двух лет ее численность должна быть сокращена на четверть. Разумеется, такие планы едва ли встретят сочувствие у армейского руководства.



Ху Гофэн

Дэн Сяопин может столкнуться с большими трудностями, если он встретит сплоченную оппозицию со стороны армии. Сейчас у него хорошие личные контакты с армейскими руководителями, которые, помня о его роли во времена Великого похода и в период установления власти КПК в Китае, рассматривают его как равного. Дэну, однако, важно добиться такой же репутации и для своих преемников. Он хочет поставить армию под непосредственное руководство генсека Ху Яобана. Дэн планирует дать Ху Яобану важный пост в Центральной военной комиссии ЦК КПК, а позднее уступить ему пост председателя этой комиссии. Похоже, однако, что в ближайшем будущем, из-за сопротивления военных, этим планам не суждено осуществиться. Недавно Дэн опубликовал в армейской газете пространную статью, в которой восхвалял "выдающееся организационное руководство" нынешнего генсека в период борьбы с Гоминданом. Статьей, однако, для создания авторитета у военных недостаточно. Сам Ху Яобан в интервью гонконгской газете объяснил: "Чтобы добиться чего-нибудь у военных мне или премьеру Чжао Цзыяну надо сказать пять фраз. Дэн добивается того же самого лишь одной фразой".

У планируемого наследника Ху Яобана — Ху Цили будут, похоже, не меньшие трудности с военными. Он вообще не имеет никакого военного опыта и даже не служил в армии. Сейчас Дэн хочет несколько смягчить удары, которые он нанес или собирается нанести военным. Объявлено о кампании "Любить Народную армию", однако едва ли это послужит военным адекватной компенсацией за понесенные потери.

Несмотря на все эти трудности, Дэн Сяопин явно чувствует себя спокойно. Он уверен, что

сможет обеспечить преемственность своей политики. Еще в апреле 1984 г. Дэн сказал, что "уже сейчас Ху Яобан и Чжао Цзыян делают работу вместо меня. Даже если небеса упадут, Ху и Чжао удержат их". По окончании последнего пленума ЦК Дэн вновь обратился к этому по-китайски цветистому образу: "Даже если небеса упадут, — заявил он в беседе с сингапурским премьером, — найдутся люди, которые их подержат".

Возможно, у него есть основания для такой уверенности. Не исключено, однако, что оптимизм этот несколько наигран. У Дэна противников много. О "консерваторах" уже говорилось, но критика раздается и с другой стороны. Многие, особенно молодежь, указывают все чаще и чаще, что интенсивные экономические реформы не сопровождаются столь же энергичной либерализацией в области политических прав. Основы системы пока не затронуты — все важнейшие решения принимаются фактически небольшой группой руководителей, составляющих постоянный комитет политбюро.

Все говорит за то, что Дэн тщательно спланировал передачу власти своим сторонникам. Однако история коммунистических стран учит, что даже самые искусно подготовленные переходы власти из одних рук в другие нередко кончаются крахом. История Советского Союза дает тому множество примеров. В современной китайской истории самый яркий пример — падение выпестованного преемника самого Мао — Хуа Гофэна, у которого, казалось, в руках находились все козыри.

В конце XIX в. молодой император династии Цинь, известный под именем Гуаньсюй, пытался осуществить целую серию реформ, намереваясь одним рывком модернизировать феодальный Китай. С этой целью он назначил на многие ведущие посты молодых, энергичных, как мы сейчас сказали бы, "технократов". Попытка эта, известная под названием "Сто дней реформ", провалилась. Политическая система осталась незатронутой и быстро нанесла ответный удар. Император был низложен, и все вернулось на круги своя.

Неважно, насколько компетентные и просвещенные лидеры придут к власти в Китае. Если они не решатся провести серьезные политические реформы системы, их попытки модернизировать экономику скорее всего будут обречены на провал. ●

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ СОБЬЕШЬ С НОГ

Сейчас, когда в Китае происходят события, меняющие облик этой страны, внимание всего мира привлечено к личности престарелого китайского лидера, ставшего инициатором самых смелых в истории коммунистических стран реформ. О Дэн Сяопине, которому в августе исполнился 81 год, рассказывает американский журналист Гаррисон Солсбери.

Публикуемый отрывок — глава из книги "Великий поход", которая должна вскоре выйти по-английски в издательстве Harper & Row. Еще в 1972 г. Г. Солсбери обратился к тогдашнему премьеру Чжоу Эньлаю с просьбой о разрешении пройти по следам Великого похода китайской Красной армии. Журналист был убежден, что обращение к истокам китайской революции поможет ему многое понять в нынешних событиях, происходящих в Китае. Тогда ответом на его просьбу была лишь улыбка. Но Г. Солсбери был настойчив, и в прошлом году он такое разрешение получил. Результатом его путешествия и явилась книга "Великий поход".

В 1934—1935 гг. Красная армия — примерно 80 тысяч человек, — окруженная войсками Гоминдана близ побережья, вырвалась из окружения и начала невероятно трудный марш внутрь страны — через снежные горы и болотистые равнины. За год армия прошла около 10 тысяч километров и, наконец, укрылась в пещерах Северного Шаньси. Выжило из 80 000 всего четыре тысячи. Ветераны Великого похода и составили потом главным образом верхний эшелон власти КНР. Сейчас эти люди уходят с политической сцены (см. "Политический дневник").

Автор публикуемого отрывка, лауреат Пулитцеровской премии Гаррисон Солсбери, возможно, известен русскоязычному читателю по его книге "900 дней. Осада Ленинграда". Правда, книга издана не в СССР, а только за рубежом. Другие книги этого выдающегося американского журналиста на русский язык не переводились.

В начале Великого похода над Дэн Сяопином нависла грозная туча. Его сняли со всех военных и политических постов, его яростно "прорабатывали" на партийных собраниях, держали под вооруженной охраной, публично обличали. От него ушла жена. Кривая его карьера проходила тогда довольно низко, хотя потом бывало и ниже.

Главной причиной неприятностей Дэна послужили его безудержный темперамент и манера говорить открыто — качества, которые он сохранил в течение всей жизни. Дэн родился в провинции Сычуань, жители которой всегда славились своей вспльчивостью, и Дэн Сяопин не составил исключения. Тот факт, что Дэн был рьяным сторонником Мао Цзэдуна, над которым тогда тоже сгущались тучи, еще больше усложнял дело. Сам Мао отступил от линии Москвы, заявив, что коммунисты могут захватить власть в Китае, заручившись только лишь поддержкой крестьянства, даже не пытаясь установить контроль над городами. Москва послала для руководства китайской Красной Армией немца-эмигранта Отто Брауна, но Браун почти ничего не знал ни о Китае, ни о методах ведения партизанской войны. Под его руководством коммунисты теряли свои позиции, и в конце концов вынуждены были оставить свою неофициальную столицу Жуйцзынь, расположенную в 400 километрах к северо-востоку от Кантона.

Тридцатилетний Дэн начал Великий поход в качестве простого работника политотдела армии. Как и тысячи других красноармейцев, все свое снаряжение он нес на себе.

Но Мао увидел в нем недоюжные задатки. Много лет спустя Мао Цзэдун, пропустивший Дэна через мясорубку культурной революции, тепло говорил о нем, называя его "иглой, завернутой в вату", это означало, что Дэн — человек резкий, но и утонченный. "Его мышление, — сказал Мао, — округло, а действия — угловаты".

Дэн вырос в традиционной китайской семье. Его отец был начальником милиции, созданной местными помещиками. У Дэна были еще младшие брат и сестра. Мать умерла, когда дети были маленькими, и их вырастила мачеха. (Хотя Дэн говорил о необходимости точно фиксировать исторические события, он сам отказался писать свои мемуары и отверг предложение опубликовать его официальную биографию).



Дэн — молодой рабочий в Лионе (Франция), 1925 г.

В молодости Дэн ушел из дому. В 16-летнем возрасте он присоединился к группе из 92 китайских студентов, уехавших во Францию для работы и учебы. В Париже он работал сначала на заводе Рено, а затем кочегаром на паровозе. Денег у него было мало, еды не хватало. "Я был счастлив, когда мог позволить себе круассан и стакан молока," — вспоминал Дэн. Дэн считал, что эта скудная диета и послужила одной из причин его маленького роста, примерно 1,5 м. С парижских времен на всю жизнь сохранил Дэн любовь к французской еде и, в особенности, к булочкам, круассанам. В 1974 г., когда Дэна послали в Нью-Йорк представлять Китай на экономической конференции ООН, ему выдали карманные деньги — 30 юаней, или около 16 долларов. Дэн решил потратить эти деньги на круассаны. Хуан Хуа, постоянный представитель Китая в ООН, предло-

жил ему подождать и купить круассаны на обратном пути в Париже: тогда они будут более свежими. Дэн воспользовался советом: он купил сто круассанов и раздал их тем, кто полюбил их с тех далеких парижских времен, в том числе Чжоу Эньлаю. Во Франции Дэн научился и готовить; он готовил еду для себя и других китайских студентов, живших вместе в старом доме.

Большую часть времени, проведенного за границей, Дэн работал, а не учился. Его товарищи, французские рабочие, познакомили его с марксизмом. Дэн вступил в ФКП, а позже — в европейское отделение китайской компартии, созданное Чжоу Эньлаем и другими молодыми китайцами. В те дни Дэн сблизился с Чжоу Эньлаем. Он принимал активное участие в работе Лиги юных социалистов, также созданной Чжоу. Он раздавал листовки, вырезал трафареты для множительного аппарата.

Проведя несколько месяцев в Москве, в Университете имени Сунь Ятсена, Дэн вернулся в Китай. Шел 1926 год. Он создал военную тренировочную школу, а затем ушел в шанхайское подполье, где некоторое время был генеральным секретарем ЦК (тогда это был совсем небольшой пост). Первое серьезное партийное поручение Дэн получил в 1929 г.: его послали в Южный Гуанси для организации крупной партизанской операции.

Когда в августе 1931 г. его назначили партийным секретарем в Жуйцзинь, ему пришлось нелегко. В провинции бушевала кампания "против реакционеров" — одна из тех периодических чисток, которые потрясают подпольные революционные движения. Раз-

ведка КПК пришла к убеждению, что агенты Гоминдана пытаются просочиться в ряды коммунистического движения. Более трех тысяч "подозрительных" было арестовано, некоторых тут же расстреляли. Дэн положил конец этой "охоте за ведьмами". Он распорядился тщательно расследовать дела всех арестованных. Большинство вернули на прежние посты. Ряд сотрудников, уличенных в злоупотреблениях или ошибках, был уволен. Расстрелы прекратились. Все это до жути походило на события "культурной революции", когда 30 лет спустя сам Дэн стал одной из видных ее жертв. Как в Жуйцзине в 1931, так и в Пекине в 1977–78 гг., Дэну удалось положить конец истерии и освободить невиновных.

Дэн Сяопин недолго оставался партийным секретарем Жуйцзиня. 7 ноября 1931 года было провозглашено временное китайское советское правительство, и Жуйцзинь стал "красной столицей". Несколько месяцев спустя — Дэн не помнит точно, когда — его перевели на другой, менее значительный пост партсекретаря района Хайчан, а вскоре после этого он стал руководить также партийными организациями еще двух районов — Суньву и Аньюань. Звучало все это более внушительно, чем было на деле. Все эти районы были захвачены недавно и лишь частично, Красная армия так и не смогла овладеть их центрами.

К зиме 1932–33 г. у Дэн Сяопина опять начались неприятности. Антимаоистская фракция, которую возглавлял секретарь ЦК Бо Гу, начала прибираться к рукам Центральный советский район и повела кампанию с целью лишить Мао остатков его власти.

Началом кампании послужило опубликование анонимной статьи в закрытом партийном бюллетене — возможно, ее написал Бо Гу или один из его сторонников Лоу Фу. "Большевики" не осмелились напасть на самого Мао. Вместо этого, следуя классическим канонам китайской политики, они напали на Лоу Миня, партсекретаря провинции Фуцзянь, рьяного сторонника Мао. Дэн Сяопин упомянут не был, но всем было известно, что он разделял взгляды Лоу Миня и поддерживал Мао. Почти сразу Лоу Минь был лишен своего поста, а Дэна перевели в отдел пропаганды партийного комитета провинции Цзяньси.

Открытая кампания против Дэна началась 15 апреля, когда в газете "Красный Китай" была опубликована статья Лоу Фу. Автор называл имена, и первым было имя Дэна, которому был приклеен ярлык последователя "линии Лоу Миня". Затем следовало имя Мао Цзэтан, брата Мао Цзэдуна; Мао Цзэтан и еще двое потеряли свои посты.

Дэна отправили для "проработки" в главный политотдел Красной армии. Что случилось там, точно не известно. Проработки были делом серьезным, нередко они проходили с применением физического насилия. Жертв проработки сажали под арест, и, по всей видимости, Дэн не был исключением. В журнале центрального бюро КПК "Борьба" появилась статья Ло Мана. Статья призывала к "безжалостному нападению и жестокой борьбе" против Дэна и других сторонников "линии Лоу Миня".

Ло Ман, секретарь оргбюро КПК, яростно требовал наказать Дэна. Именно в это время жена Дэна А Цзинь развелась с ним и вышла замуж за Ло Мана. Трудно сказать, отразилось ли это на суровом отношении Ло Мана к Дэну. А Цзинь родилась в Кантоне, о ней вспоминают как о талантливой женщине, но немного индивидуалистке. Она, как и Дэн, была партсекретарем в Жуйцзине, где они и поженились в 1931 г. Она и Ло Ман вместе завершили Великий поход, но потом разошлись.

Дэна обвиняли в том, что он следует "линии кулака"; он считал, что нужно экспроприровать богатых крестьян и передать их землю беднякам, но при этом оставить в покое середняков. Кроме того, он стоял за сохранение территориальных воинских формирований в провинциях, "большевики" же настаивали на объединении всех вооруженных сил под центральным руководством. Дэн являлся, кроме того, сторонником стратегии Мао — заманить противника на свою территорию, а затем, окружив его, уничтожить.

Под воздействием этих нападок Дэн написал две или три самокритичных статьи, где признавался, что недооценил "наступательную линию". Но его обвинителям этого было мало. "Больше я ничего не могу сказать, — уперся Дэн. — То, что я пишу, — правда". Дэн стоял на своем и сдвинуть его было нельзя.

Однажды, когда охранники вели Дэна обратно в камеру, он встретил Тан Ичжень, жену заместителя председателя Советского района Лу Диньи. "Я так голоден, — сказал ей Дэн. — Мой желудок совсем пуст". Тан пожалела его и купила ему за серебряный доллар двух цыплят. Она приготовила их и распорядилась, чтобы охранники привели Дэна к ней домой пообедать. Дэна привели, он съел одного цыпленка, а второго забрал обратно в камеру, чтобы съесть позже. Лу проделал весь Великий поход и остался в живых, но его сердобольная жена Тан погибла.

Во время проработок Дэн вел себя так же, как и в последующие годы. Он был готов признать свои ошибки, но если он верил в свою правоту, то отказывался признать, что был неправ. Он поддерживал стратегию Мао и в этом был непоколебим.

О том, что случилось потом, существует с полдюжины версий. Согласно одним версиям, Дэна послали на принудительные работы в деревню. Генерал Янь Шанкунь говорил, что Дэна "послали в массы", но что он там делал, генерал не знает. В наиболее достоверном сообщении говорится, что Дэна отправили "инспектором" в Нанкунь, довольно далеко от Жуйцзиня. Что именно Дэн инспектировал, никто не знает. Все, однако, согласны, что пост Дэна был очень незначительным. На нем Дэн оставался очень недолго, возможно, не более 10 дней. В области шла партизанская война. Силы коммунистов и Гоминдана яростно сражались на ничейной земле; по словам одного специалиста по китайской военной истории, "все там перепуталось". В Жуйцзине боялись, что "что-то может случиться" — иными словами, там опасались перехода Дэна на сторону Гоминдана. Поэтому его снова отозвали в центр.



Дэн во время китайско-японской войны в Яньани, 1941 г.

После этого Дэна перевели на должность генерального секретаря политического управления Красной армии. На этом посту он оставался два-три месяца, затем, как говорят, его по собственному желанию освободили от занимаемой должности, и он стал рядовым политработником. Другие рассказывают, что Дэна назначили по собственному желанию на должность редактора армейской газеты "Красная звезда". Однако во время Великого похода выпускать "Красную звезду" было невозможно, поэтому Дэну оставалось лишь маршировать вместе со всеми.

Все изменилось, когда отступающая Красная армия дошла до Цзуньи и там задержалась на десять дней. Пока солдаты отдыхали, руководители спорили о том, куда идти дальше. Все большее и большее число их склонялось на сторону Мао Цзэдуна. Среди участников всех заседаний был и аккуратно конспектирующий все выступления редактор издающейся

"Красной звезды" Дэн Сяопин. К этому времени у него уже был титул генерального секретаря Центрального Комитета. Его обязанности состояли в основном в канцелярской работе — подшивке бумаг, отправлении и получении донесений, подготовке черно-

виков приказов. До сих пор не найдено ни одного документа, на котором стояла бы подпись Дэн Сяопина — генерального секретаря ЦК.

Когда в конце января 1935 г. Красная армия ушла из Цзуньи, Мао Цзэдун крепко держал бразды правления в своих руках. Отто Брауну оставалось выступать лишь в роли зрителя. К этому времени Дэн уже не шел в общем строю. Ему дали лошадь. Вскоре после этого Мао распорядился, чтобы все сотрудники вспомогательного аппарата получили назначения на передовую. Дэн Сяопин возглавил отдел политической пропаганды в Первой армейской группе. К тому моменту, как Красная армия дошла до Северного Шэньси, Дэн серьезно заболел: у него обнаружился тиф. В течение долгого времени он не мог возобновить работу.

После завершения Великого похода карьера Дэна пошла в гору. Он был политкомиссаром 129-ой дивизии, дравшейся и против националистов Чан Кайши, и против японцев, а затем изгнавшей Чан Кайши с материка (тогда она называлась уже Второй полевой армией). Первого октября 1949 г., когда Мао провозгласил образование Китайской Народной Республики, Дэн стоял на трибуне на пекинской площади Тяньаньмынь. Мао сделал его своим "проконсулом" в обширной "империи" юго-западного Китая. В 1952 г. Дэн вернулся в Пекин. Не было такой работы, которой бы он не занимался. Секретарь ЦК КПК, член Политбюро — Дэна хватало на все. В 1957 г. Дэн приехал в Москву, чтобы вместе с Мао померяться силами с Никитой Хрущевым. В Китае Дэн отвечал за сельское хозяйство, промышленность и образование.

Дэн Сяопин не изменился. Он по-прежнему оставался прямым и честным. Он предвидел, что политика Большого скачка, — маоистской программы ускоренной индустриализации, начатой в 1958 г., — приведет к катастрофе и открыто заявил об этом. Позже Мао жаловался, что Дэн и другие критики обращались с ним, "как с покойным отцом на похоронах". Один из помощников Мао выразился так: "Спорить с Дэном на равных труднее, чем приклонить лестницу к небу".

Очень скоро Дэна стали называть "идушим по капиталистическому пути", и после сентября 1966 г. он вообще исчез из поля зрения. Его посадили под домашний арест, ему не разрешалось поддерживать никаких контактов с окружающими. Детей его послали в деревню на физическую работу. Его старшего сына, которому тогда было двадцать с небольшим, хунвэйбины

выбросили из окна четвертого этажа. Он остался инвалидом на всю жизнь. У него парализована нижняя часть тела. Никакой медицинской помощи он не получил. Дэна, его вторую жену Чжуо Линь и мачеху, которая вырастила его после смерти матери, — всех их в октябре 1969 г. послали в Цзяньси, откуда начинался Великий поход.

Дэну было 65 лет, но он мыл полы, колол дрова, разбивал большие куски угля, чтобы было чем топить печь, обогревавшую его небольшой кирпичный домик. В свое время



Дэн и Мао в провинции Шаньдун, 1959 г.

ему пришлось работать руками на заводе Рено во Франции; сейчас он с женой по утрам снова должен был трудиться на заводе — он работал на станке, она отбивала ржавчину с мотков проволоки. На завод и обратно их сопровождал вооруженный конвой. Им не позволялось говорить без разрешения. Вторую половину дня они работали в своем саду — выращивали овощи, разводили кур. Они копили деньги в надежде, что им удастся взять к себе своих пятерых детей. В конце концов им удалось забрать к себе младшую дочь Маомао, которая тоже работала в производственной бригаде в Шэньси.

В конце дня, когда зонтичные деревья начинали отбрасывать в их маленьком дворе длинные тени, Дэн выходил на прогулку. Быстрым шагом ходил он вокруг своего маленького двора, слегка опустив голову и погрузившись в размышления. Так гулял он каждый день, пока не протоптал в красноземе дорожку.

Его дочь Маомао следила за ним из окна. Не спускали с него глаз и охранники. "Наблюдая его уверенные и быстрые шаги, — говорила впоследствии Маомао, — я думала про себя, что его вера, его идеи и решительность должны были становиться все тверже и яснее, подготавливая его к грядущим битвам".

Дэна не пытали. Ему разрешили захватить из Пекина некоторые книги. Вечерами он читал — иногда Маркса или Ленина, иногда книги по истории Китая, а иногда и беллетристику, китайскую или зарубежную. Его мачеха занималась рукоделием. По радио они слушали вечерние выпуски новостей.

Возможно, он даже играл с женой и мачехой в бридж. Когда он находился у власти, он часто играл в бридж, и некоторые международные мастера считали его игроком мирового класса. В игре его привлекали не деньги, а победа. Дэн играл не ради денег, а ради выигрыша — проигравший должен был лезть под стол. Если проигрывал Дэн, его партнеры, бывало, говорили: "Тебе этого можно и не делать". Он отвечал: "Нет, я полезу — таковы правила игры". И он лез под стол.



Дэн произносит речь. Пекин, 1984 г.

В 1971 г. Дэн получил разрешение привезти к себе своего сына-инвалида Дэн Пуфана. Пуфан жил в ужасных условиях в государственном доме инвалидов, расположенном к северу от Пекина. Он был вынужден постоянно лежать на спине, и, чтобы заработать немного денег, научился плести проволочные корзины. Дэн массирует своего сына, помогает ему мыться. Он начал осаждать власти просьбами разрешить его сыну поехать в Пекин для лечения. До 1973 г. Дэн не мог ничего добиться, но затем Пуфану разрешили поехать в Пекин. В конце концов Дэну удалось по-

слать сына в США для обследования и постановки диагноза. Американские специалисты заявили, что Пуфан слишком долго находился без лечения и что полностью восстановить функции нижних конечностей уже нельзя. Сейчас Пуфан живет в Пекине и возглавляет Китайскую организацию помощи инвалидам.

5 ноября 1971 г. Дэна и его жену вызвали на партсобрание, где читали политический отчет. Со времени их ареста в 1966 г. такое случилось с ними впервые. К тому времени Маомао и Пуфан жили уже с ними. Дэн с женой вернулись с собрания в сопровождении вооруженных охранников и не сказали детям ничего. Потом Чжоу Линь сделала знак дочери, и та последовала за матерью в кухню. Там мать, по-прежнему молча, начертила на ладони дочери четыре иероглифа. Они поведали, что произошло еще с одним ветераном Великого похода, ветераном, который стал одним из злейших врагов Дэна. Иероглифы гласили: "Линь Бяо умер".

В феврале 1974 г. Дэн Сяопина вызвали в Пекин. Долгая эпоха Мао подходила к концу. Худшие времена "культурной революции" остались позади. Здоровье Мао Цзэдуна ухудшилось. Он ослабел телом и умом. У Чжоу Эньлая был обнаружен рак.

Мао снова обратился к маленькому человеку, которого нельзя сбить с ног. Конечно, Мао мог бы убить Дэна, как он убил многих. Однако он вернул Дэна из ссылки и сказал о нем: "Дэн — редкий и талантливый человек. У него есть идеи. Он не набрасывается на проблемы вслепую и не раздумывая. Он находит решения. Он занимается сложными проблемами с чувством ответственности". Дэн, сказал Мао, хороший боец, он знает, как бороться с русскими. Такого, как он нелегко найти.

По мере того, как здоровье Чжоу Эньлая ухудшалось, Дэн забирал все больше и больше власти. Он сгорал от нетерпения, пытался использовать каждую секунду. Лучше, чем кто бы то ни было, он знал, что случилось с его страной. Он знал, кого убили. Он знал способных генералов и государственных деятелей, сидевших за решеткой. Он также знал, какую опасность представляет собой жена Мао Цзянь Цин и остальные члены так называемой "банды четырех", которые были все еще близки к Мао и отравляли сознание стареющего руководителя.

Несмотря на всю свою быстроту и ловкость, Дэн не мог ускорить ход времени. После смерти Чжоу Эньлая в январе 1976 г., когда толпы народа безутешно оплакивали его смерть на площади Тяньаньмынь, "банде четырех" удалось снова одержать верх над Дэном — но ненадолго. В октябре того же года, после смерти Мао, "банда четырех" пала, и Дэн вернулся к власти.

Дэн Сяопин — харизматический руководитель. Выполнению стоящих перед ним задач Дэн отдает всю свою энергию и спо-



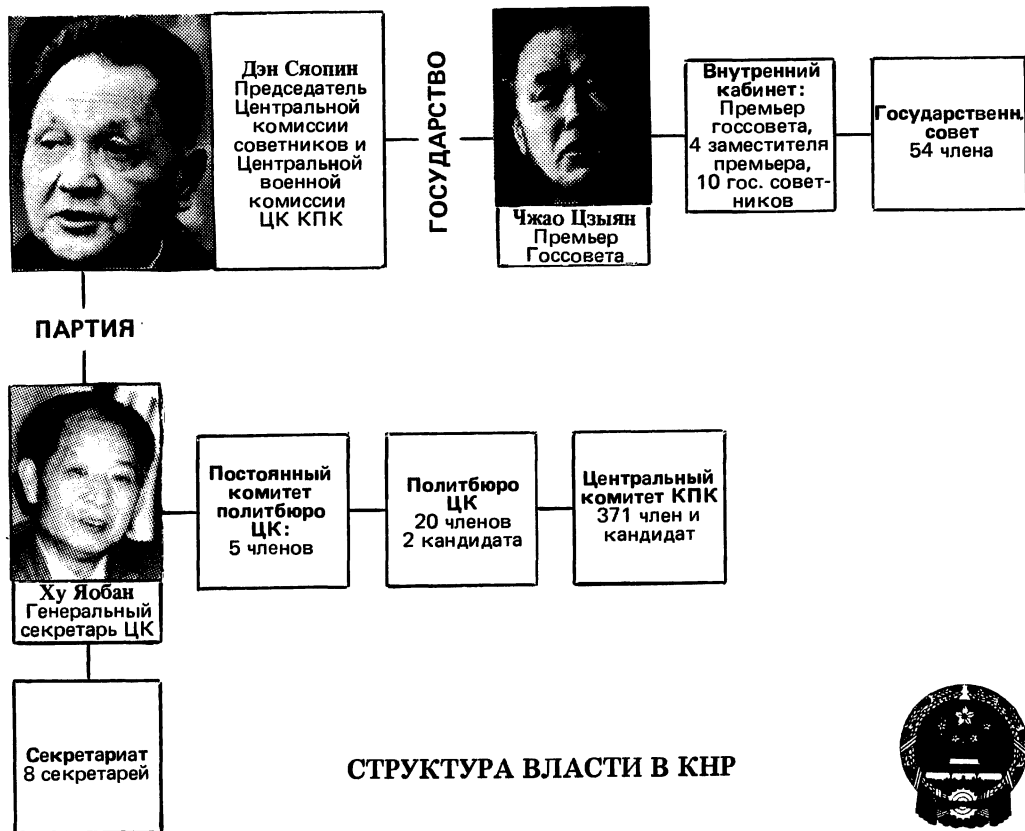
Дэн с внучкой, 1985 г.

собности оригинального мыслителя. Не прошло даром и то, что было выношено во время долгих вечерних прогулок по дворику во время ссылки. Идеи эти просты. Во-первых, снова поставить страну на ноги. Привести армию в форму. Добиться, чтобы заводы работали как следует. Добиться, чтобы молодежь пошла в школы. А потом перейти к главной, самой главной задаче — добиться того, чтобы к XXI веку Китай оказался в двадцатом столетии. "Моя задача, — говорит Дэн, — попытаться прожить подольше". Не для

себя, но для Китая. Искушавшись в океане, говорит Дэн своим друзьям, он чувствует себя "свежим, как рыбка".

У Дэна в начале его нового Великого похода есть тайный союзник. Это молодое поколение — в особенности, молодежь из таких семей, как его собственная, молодежь, прошедшая сквозь ужасы "культурной революции". Никогда еще в Китае совместный опыт не укреплял настолько связь между двумя поколениями. Не только люди старшего поколения, подобные Дэну, переосмысливали опыт китайской революции. Молодежь помогала им, привнося новые идеи, новый подход, зачастую почерпнутые из неожиданного источника — из опыта Соединенных Штатов. Тысячи молодых китайцев учились в США. Если сейчас в Китае широко внедряются идеи частной инициативы, материальной заинтересованности, поощряются индивидуальность и предприимчивость, — все это неслучайно. Тысячи китайцев возвращаются домой и делятся со своими родителями впечатлениями от жизни на Западе.

Наряду с новым Великим походом Китай начал сейчас проводить политику, которую Дэн называет "политикой открытых дверей". Дверей, открытых для идей, для технологии, для торговли, для опыта других культур и других идеологий. Только черпая из опыта других стран, может Китай создать новый порядок, только таким образом может он удовлетворить свои нужды, — а нуждается сейчас Китай буквально во всем. ●





Процесс омолаживания советского руководства продолжается. В конце сентября вместо 80-летнего Н. Тихонова председателем Совета министров СССР был назначен Н. Рыжков, в середине октября 74-летнего Н. Байбакова сменил на посту председателя Госплана Н. Талызин. Последний сразу же был возведен в ранг первого заместителя премьера и кандидата в члены Политбюро.

По западным понятиям, смена главы правительства, тем более великой державы — событие мирового значения. Однако уход Николая Тихонова особого волнения не вызвал. Во-первых, этого ожидали. Во-вторых, должность председателя Совета министров СССР давно утратила свое первоначальное значение.

К концу правления Брежнева Политбюро, ЦК и Совет министров стали подозрительно напоминать геронтологический центр. Андропов, человек тоже не очень молодой, не мог не понимать, что в таком составе высшее руководство функционировать не может. Правда, начата при нем "смена вех" была при Черненко приостановлена. Однако Горбачев, едва придя к власти, еще энергичнее взялся за дело. Один за другим летели на пенсию первые секретари обкомов, министры и первые их заместители, председатели госкомитетов. Было ясно, что уход верховных старцев — Тихонова и Байбакова — предreshен, что это лишь вопрос времени.

И времени недолгого. Когда на апрельском Пленуме ЦК КПСС в состав Политбюро вошли Е. Лигачев и Н. Рыжков, это был уже прямой сигнал. По традиции в состав высшего партийного органа должны входить всего два человека, соединяющие членство в Политбюро с должностью секретаря ЦК; всем прочим членам поло-

жено выполнять какие-то государственные функции: министра, председателя Совмина или его первого заместителя, председателя Президиума Верховного Совета...

Между тем "принцев партийной крови" стало уже четверо: сам Горбачев, Романов, Лигачев и Рыжков. Легко было догадаться, что двум последним уготовлена роль сменщиков и, значит, кому-то из членов Политбюро предстоит освободить места. Первым пришла очередь Романова; как изящно выразился Андрей Вознесенский, "видный лоб летит с третьей скоростью..." Его место — второго секретаря ЦК КПСС и наиболее вероятного наследника "самого" — занял Лигачев. После этого стало уж вовсе очевидным, что Рыжкову отведено третье место в партийно-государственной иерархии — место предсовмина.

И вряд ли дело тут только в возрасте. Все советские вожди стремились к тому, чтобы их ближайшее окружение составляли люди, о которых можно было сказать не только "лично известен", но и "лично обязан". Предполагается, видимо, что эта формула служит хоть какой-то гарантией преданности. Романов был не просто чужим человеком, он был еще и соперником — отсюда "третья скорость". Тихонов, конечно, соперником не был, более того он, судя по всему, готов был служить новому хозяину верой и правдой.

Но этого нынче недостаточно. "Человек Брежнева", в лучшем случае он мог рассчитывать на приличный уход. Похоже, его верноподданническое письмо ("Я бесконечно благодарен... Сейчас бы только работать и работать...") произвело впечатление, и ушли его с соблюдением приличий. Но никак не сверх того. Президиум Верховного Совета отметил "крупный вклад товарища Тихонова Н. А..." Однако благодарности ЦК он

не удостоился. Как сказал поэт: "Была без радости любовь, разлука будет без печали".

Теперь о самой должности. Известно, что признанный лидер большевистской партии В. И. Ленин стал и главой первого советского правительства. Правда, сам Ленин выдвинул на этот пост кандидатуру Л. Д. Троцкого, но это, разумеется, был жест. Троцкий, естественно, отказался и, в свою очередь, предложил Ленина. В те далекие времена еще сильна была буржуазная традиция: считалось, что лидер партии, пришедшей к власти, должен быть главой правительства. Иначе, зачем партия брала власть?..

Сталин был первым, кто глубоко осознал природу партии "нового типа" — партии, высшей целью которой была сама власть, власть ради власти. Потому-то тот, кто хотя бы ненадолго уходил, оставляя без присмотра внутрипартийные рычаги и колесики, рисковал потерять все. Так случилось с Г. Маленковым, а потом и с Н. Хрущевым — слишком увлеченный своей ролью госдеятеля, он позволил себе забыть о действительном хозяине страны, партаппарате.

Конечно, фигура главы государства достаточно импозантна, и падкий на почести Леонид Ильич не удержался от соблазна. Но благосклонно приняв титул председателя Президиума Верховного Совета, он озаботился сохранить свои позиции в партии и одновременно нейтрализовал другую конкурирующую фигуру — председателя Совета министров. Сначала Косыгина отпихнули от внешней политики, а затем заменили уж и вовсе бесцветным Тихоновым: этот, кажется, вообще не подозревал, что премьер-министр может иметь какое-то касательство к международным делам...

Горбачев учел уроки истории и сразу же показал, что внешние атрибуты власти ему без надобности. Но это вовсе не означало, что международные дела он был готов делить с кем-то другим. Легкий пируэт — и Громыко стал зампредседателем, проявляющим свои дипломатические таланты в беседе с главой Мадагаскара. Переговоры же с президентом Франции Ф. Миттераном Горбачев взял на себя. Правда, в число сопровождавших попал и Шеварднадзе, новый министр иностранных дел, министр при нем...

Понятно, никого не удивило, что новый премьер-министр в переговорах во Франции не участвовал. Может быть, его права и велики, но четко ограничены сферой хозяйства. Он, как го-

ворили раньше, главноуправляющий, главупр. Значит, даже в хозяйстве Рыжков будет лишь распоряжаться, но не решать. Право решать, то есть что-то менять в этом хозяйстве, остается за Политбюро, которое, впрочем, тоже начинает напоминать бюро при одном человеке.

И все-таки отличается ли нынешний премьер от своего предшественника чем-то, кроме возраста? Сказать трудно. Советская система делает все, чтобы сохранить за своими руководителями статус "неизвестных отцов", людей, лишенных малейших признаков индивидуальности. Послужные же списки бывшего и нынешнего поразительно похожи. Оба окончили технический вуз; оба начинали рядовыми инженерами и дошли до директора предприятия; оба были заместителями: сначала министра, затем — председателя Госплана...

Нет, различие, пожалуй, только в возрасте. Но это существенное различие. Николай Александрович Тихонов столько лет возглавлял нынешнюю систему управления хозяйством, что вряд ли уже способен воспринять что-то другое. Николай Иванович Рыжков стал заместителем министра лишь десять лет назад, до того он работал на Уралмаше и, надо думать, не забыл, каково приходилось заводу в условиях действующей системы хозяйствования. Ясно, он вовсе не реформатор — иначе он так и остался бы сменным мастером. Но, видимо, он все-таки более восприимчив к переменам, хотя бы к самой возможности перемен. В условиях системы, которая до того окостенела, что практически утратила способность к развитию, это не так уж мало. ●

А. Б.

МУСУЛЬМАНСКИЙ САМИЗДАТ

В течение долгого времени почти ничего не было слышно о политзаключенных из "мусульманских" республик и областей Советского Союза: Средней Азии, Азербайджана, Северного Кавказа. Национальное движение, жестоко подавленное в 30-е годы вооруженной рукой, как будто не давало о себе знать. Национальное недовольство проявлялось лишь, так сказать, на бытовом уровне. Мусульманская религия во многом разделила судьбу православия: ее иерархи пошли по пути сотрудничества с советской властью, рядовые верующие мирились со своим ущемленным положением.

Возникновение правозащитного движения в 60-е гг. привело к оживлению православия, его "диссидентского крыла". Похоже, за последние годы положение начинает меняться и у мусульман. Списки политзаключенных все чаще пополняются мусульманскими именами. В основном — это распространители и печатники "нелегальной" религиозной литературы, прежде всего Корана, а также "подпольные" муллы, руководящие религиозными школами. С начала 80-х гг. даже советская пресса регулярно сообщает о процессах над мусульманами. Обвинение, как правило, стандартное: "занятие незаконным промыслом" или "спекуляция", хотя известно и несколько случаев чисто политических обвинений.

Так, летом 1982 г. в Ташкенте была арестована большая группа издателей и распространителей брошюры "Об исламской вере": слесарь Абузакар Рахимов, Елдаш Мухаммедов, Махмуджан Розиев, А. Саидхарикходжаев и ряд других. В том же году, тоже в Ташкенте, за руководство "нелегальной" школой Корана в одном из пригородов узбекской столицы арестовали Саидкарима Азамова. В начале 1983 г. в Таджикистане на 4 года лагерей осудили Ниглока Рахимова (он отправлен в политический лагерь в Мордовию).

В этом же году стало известно еще о трех таких процессах. Весной 1985 г. в Самаркандской области были арестованы два жителя колхоза "Гулистан": колхозник Мардан Пулатов и его дочь Джамия Камбарова, шофер автоколонны. Их обвинили в "спекуляции". Отец и дочь продавали мусульманскую религиозную литературу: "Намазлик" ("Книга молитв"), "Ислам дини нима?" ("Что такое ислам?") и др. Литературу они получали от молодого муллы Закира Таджикибаева из г. Наманган, который открыл в своем доме религиозную школу. К распространению религиозной литературы он, как утверждает следствие, привлек своих учеников Ахтама Дустмухамедова из Ташкента, Нанджи Ядгарова из Самаркандского р-на и Мухиддина Пулатова из Акдарьинского р-на Самаркандской обл., а также Хайбуллу Азамова из Ташкента.

Мусульманский "религиозный самиздат", в отличие от "классического" самиздата, печатается не на пишущей машинке. Чаще всего "издатели" используют государственные типографии, где тиражи религиозной литературы печатаются нелегально, или же подпольные печатные станки. Показательны в этом отношении два бакинских

"мусульманских" процесса, состоявшихся в начале этого года.

Двое русских — слесарь предприятия системы Миннефтехимпрома А. Глухов и заведующая типографией этого предприятия Л. Беляева — наладили массовое производство мусульманской религиозной литературы. Они использовали офсетную машину "Ромайор", на квартире у Л. Глухова была оборудована переплетная мастерская.

Поставлял им предназначенные для размножения тексты на арабском языке житель г. Назрань Чечено-Ингушской АССР М. Муцологов. Назрань, город в Верхней Ингушетии — это традиционный центр деятельности братства Батал-Хаджи, суфийской секты, которую советская пресса проклиная особенно активно за "мусульманский фанатизм". Муцологов же получал от бакинцев отпечатанный тираж и распространял его на Северном Кавказе среди мусульман. М. Муцологов и Л. Беляева были приговорены к 4 годам лагерей каждый, А. Глухов — к 7 годам.

На втором бакинском процессе обвинялись занимавшийся печатанием русский — электрик из Бактуннельстроя А. Галкин и поставщик и распространитель готовых текстов Г. Сулейманов из г. Хасавюрт в Северном Дагестане. Обвинение утверждало, что в 1981—1984 гг. они "реализовали литературу" на 63930 руб. Даже если предположить, что каждая книга шла за 5 руб., это означает, что в Дагестане было распространено около 13 тысяч экземпляров религиозных книг. Книга была на арабском языке — значит, нашлось необходимое количество читателей. А ведь спрос далеко не удовлетворен!

Оживление интереса к мусульманству в СССР едва ли связано с "мусульманским ренессансом" Хомейни. Интерес к Ирану традиционно силен в Азербайджане — ведь часть его находится по ту сторону границы. Азербайджанцы-мусульмане всегда были почитателями покойного шаха Реза Пехлеви и встретили хомейнистскую революцию с неодобрением. Последующие события эти чувства только углубили.

Скорее всего, подъем мусульманского движения в Советском Союзе — часть общего подъема национальной и религиозной оппозиции в нашей стране. Если какие-либо внешние события и оказали на него влияние, то это, конечно, прежде всего — Афганистан. Советские мусульмане с симпатией следят за борьбой своих непокоренных братьев. ●

Каменщицец Р. Бахтамов



НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

I.

О пользе предисловий. — Чайник в системе производительных сил. — Булыжники фактов. — За что боролись? — Счет на миллиарды. — Под грохот больших барабанов. — После дипломатичного "вместе с тем". — Кувалдой по новой технике. — Этот ужасный сон. — Те, кто знают нечто. — Долго ли простоишь на одной ноге?

С годами память слабеет: порой забываешь то, что читал вчера. Но книгу Джерома К. Джерома "Трое в одной лодке", которая попалась мне лет сорок назад, я, наверняка, уже не забуду. То есть сама книга была обычная — очередное переиздание тридцатых годов, зато предисловие! Автор предисловия предпринял единственную в своем роде попытку — рассмотреть происходящее в лодке с позиций марксистского учения о базисе и надстройке.

Помните ли вы эпизод, когда герои, нагнувшись над чайником, ждут, чтобы он закипел? Вода, естественно, не закипает. Кто-то из героев меланхолически замечает, что таков характер чайника: не закипать, когда его ждут.

Марксистский критик усмотрел в этом нечто более глубокое. По его убеждению, история с чайником — неоспоримое доказательство того факта, что капитализм изжил себя. В самом деле, если буржуазия, сидящая в лодке, не в состоянии справиться с созданными ею производительными силами (чайником), то ясно, что капитализм обречен и на смену ему должен прийти новый строй, социализм.

Похоже, что за прошедшие годы вопрос, в состоянии ли буржуазия управляться со своими производительными силами, как-то утратил актуальность. По моим наблюдениям, капиталистические чайники закипают. Кроме чайников, капитализм создал кое-что еще, и нет никаких признаков того, что он с этой техникой не справляется.

С социализмом дело обстоит сложнее. Конечно, ученые и инженеры и при социализме не вовсе утратили умение работать. Вопрос в другом — в способности социалистического общества усваивать новое, использовать его в системе собственных производительных сил.

В предыдущих заметках ("Страна и мир", № 8) я достаточно подробно говорил о состоянии научно-технического прогресса в СССР. Но с тех пор, как сам Горбачев поставил нашей экономике оптимистический диагноз "вялый прогресс" (пессимист сказал бы: "прогрессивный паралич"), на страницы газет обрушилась лавина новых фактов — тяжелых, как булыжники.

Возьмем, к примеру, историю, рассказанную Р. Лыневым в статье "Потерявши — платим" (*Известия*, 6 августа 1985). В конце шестидесятых годов группа специалистов издательства "Известий" сконструировала автомат, который отсчитывал экземпляры газеты, складывал их и упаковывал. Автомат был запатентован в ряде стран. Затем... затем 17 лет шла борьба. За что? Редакция газеты сражалась за внедрение новинки на собственном комбинате. В конце концов машину купили за границей.

Может быть, газетный автомат в масштабах страны такая мелочь, что высшие власти просто его не заметили? Но изобретения, судьбе которых посвящена статья И. Карпенко "Новая машина" (*Известия*, 15 августа 1985), заметны с любой высоты.

Первое из них — электронно-ионная технология. Было подсчитано, что внедрение этой технологии только в трех отраслях промышленности давало бы стране к 1980 г. экономию более 2 миллиардов рублей в год, а к 1990 г. — 5–6 миллиардов. Напомним, что в настоящее время в СССР общая экономия от внедрения всех изобретений не превышает 720 миллионов рублей в год.

Еще показательнее второе изобретение, о котором идет речь в той же статье Карпенко, — буровой автомат. Трудно сказать, сколько бы этот автомат сэкономил миллиардов; известно, однако, что он увеличивает скорость проходки скважин вдвое. Если учесть, что добыча нефти в стране падает, а на нефти держится сейчас не только экономика, но и политика Советского Союза (нефть дает, например, две трети валютных поступлений), то можно было бы ожидать, что внедрение автомата будет идти под грохот больших партийных барабанов.

Барабаны в самом деле бьют. В течение последних четырех пятилеток "Известия", как пишет И. Карпенко, "безуспешно пытаются" содействовать внедрению этих двух исключительно важных новинок. Пробовали вмешаться высокие инстанции: Госплан, Госкомитет по науке и технике. Где там... Не помогло.

Но допустим, что и это случайность. "Известия", однако, придерживаются другого мнения. "За последние четверть века, — пишет газета, — не было ни одного пятилетнего или годового плана, в котором не воздавалось бы должного технического прогрессу. Но вот удивительное обстоятельство: за те же годы ни разу не был выполнен план по новой технике. Ни пятилетний, ни годовой, ни квартальный. В сводках ЦСУ скупые сведения об этом неизменно оказываются в заключительных абзацах, после дипломатичного "вместе с тем"..."

Трудно поверить, что партия и правительство, которые при каждом удобном и неудобном случае трубают о любви к научно-техническому прогрессу, в действительности его не хотят. Значит, не могут?! Но эта мысль, пардон, уже совершенная крамола. Однако французская газета "Le Monde" опубликовала недавно выдержки из секретного доклада Военно-промышленной комиссии при Совете Министров СССР (журнал писал об этом в № 6, 1985). Из доклада следует, что, например, в 1979 году промышленяющие за границей органы добыли 3896 секретных технических документов и 156 образцов продукции. Большая часть этих трофеев (3453 документа и 140 образцов) была признана полезной. А внедрено? Соответственно 346 и 87... Спорить дальше просто невозможно. Ясно: хотят (иначе бы не воровали), и столь же ясно: не могут. Что-то такое случилось с базисом социализма, а заодно и с его надстройкой. Одержавший всемирно-исторические победы социализм очевидным образом не в состоянии справиться с созданными им производительными силами.

Применительно к прогрессу теряет смысл даже классическая формула социализма — "всем все до лампочки". Какая там лампочка, если "Правда" (от 11 августа) в статье под эпическим заголовком "Не та позиция" повествует, как в некоем институте круши-ли кувалдой образцы новой техники и уничтожали чертежи — свыше 1000 листов...

Должно быть, каждый советский вожь, вступая на пост главноуправляющего, видит кошмарный сон — подведомственное ему хозяйство. В этом хозяйстве все время творится что-то невероятное: ухают кувалды, разбивая новую технику; грохочут станки, перемалывая металл в стружку; скрипят перья, рапортуя о невиданных достижениях; сыплются сквозь щели зерно, фосфаты, цемент; мычат голодные и недоенные коровы; ржавеет под дождем и снегом импортное оборудование; текут в никуда миллиарды рублей; шумят и волнуются ("дадут — не дадут", "хватит — не хватит") очереди в магазинах.

Все понимают: надо что-то делать. Что-то менять. Но что и как? Это ведь только кажется, что достаточно распустить колхозы и дать предприятиям самостоятельность. А захотят ли работать люди, из которых десятки лет выбивали любовь к земле, к соб-

ственному хозяйству? Не сбегут ли они в город от своих развалюх, бездорожья, грязи, вечно пустых сельмагов? И что будут делать со своей самостоятельностью директора, которых столько лет отучали думать? Свободный рынок, конкуренция, прибыль — заманчивые вещи, могучие рычаги, но чего они стоят в стране, где всего не хватает? Конечно, с течением времени многое утрясется, но когда еще это будет... Жить-то надо сейчас. Хорошо ли, плохо, но пока Госплан планирует все: от блюмингов до иголок. А если все предприятия кинутся покрывать дефицит иголок и забудут о нитках, что будет тогда?..

Зуд реформаторства связывают с Хрущевым. Вспомним, однако, что и Брежнев начинал с реформ. Именно при нем была введена новая система планирования и экономического стимулирования, призванная вернуть ржавеющим шестеренкам утраченный динамизм. Пока идеологи и публицисты спорили, не вызовет ли тринадцатая зарплата (100—120 рублей в год!) взрыв частнособственнических инстинктов у стерильных советских пролетариев, реформа почилла в Бозе. И славы ее инициаторам не принесла.

Надо отдать справедливость покойному Брежневу: обжегшись на молоке, он с этого момента усиленно дул на воду. Где-то в конце шестидесятых годов появилась негласная установка: проект любого постановления ЦК и Совета министров должен был — до принятия — собрать полный комплект виз. Иначе говоря, его надлежало согласовать со всеми, кого это постановление прямо или косвенно задевало: с министрами, заведующими отделов ЦК и Совета министров, работниками Госплана, Госстандарта, Комитета по труду и зарплате, Комитета цен...

Так были пресечены непродуманные шаги. А заодно — и всякие вообще шаги, потому что каждый "визирь" выбрасывал из проекта то, что посягало на интересы его ведомства. Скажем, из проекта постановления о развитии изобретательства было выброшено все, что связано с расходом денег (министерство финансов), с созданием специализированных экспериментальных предприятий (промышленные министерства), выделением материалов (Госплан и Госснаб), расширением штатов (Комитет по труду) и т. д. Короче, кроме пунктов "поднять", "опустить", "призвать" и "обратить внимание", санкционированных отделом пропаганды (ему, по крайней мере, терять было нечего), остался один — о награждении почетным знаком и грамотой наиболее отличившихся. Гознак, по каким-то своим соображениям, против этого пункта не возражал.

Не надо, впрочем, представлять себе дело так, будто советские руководители, рвущиеся к реформам, оказались в плену ими же изобретенного механизма перестраховки. Нет, все обстоит много сложнее. Боязнь незапланированных экономических потрясений — само собой. Но неизмеримо сильнее — страх перед потрясениями политическими. От первых можно как-то уберечься с помощью специалистов — всех этих консультантов, референтов, экспертов. Но никак не от потрясений в политике. Тут любой партийный бонза даст специалисту сто очков вперед, ибо он знает "нечто".

Об этом "нечто" никогда не говорят вслух, но оно всегда подразумевается. Стабильность режима, неприкосновенность политической структуры, священная твердьня власти — вот о чем речь. Какие бы блестящие перспективы ни сулила предлагаемая экономическая мера, — она категорически отменяется, если содержит хотя бы смутную тень угрозы главному.

С другой стороны, развал зашел так далеко, что ни один главупр (а тем более — новый) не может делать вид, что ничего такого он не замечает. Все-таки на дворе двадцатый век, и проклятый Запад вечно что-то изобретает: кибернетику, информатику, роботизацию, интегральные схемы... Хочешь не хочешь, а приходится костенеющим языком выговаривать эти басурманские слова, обещая что-то такое преобразовать, изменить, наладить...

Но ведь менять и в самом деле надо! А коль скоро дело обстоит так, кому же этим заниматься, если не нынешнему генеральному секретарю — человеку сравнительно молодому, энергичному, получившему два высших образования? И вдобавок достаточно

умудренному опытом партийной работы, чтобы не дать ситуации выскользнуть из-под контроля.

Разумеется, Горбачев это понимает. Однако понимает он и степень риска. Любой неверный шаг может стать для него последним. Вот почему экономические меры нового генсека, как стеклышки поломанного калейдоскопа, не желают складываться в картинку. Единственная закономерность, которую удастся подметить, продиктована осторожностью. И сам Горбачев, и особенно люди, выступающие с его благословения, произносят самые радикальные речи; зато немногие решения, которые приняты за эти семь месяцев, поражают подчеркнутой, почти демонстративной традиционностью. Кажется, что Горбачев, занеся ногу, в последний момент передумал и решил доверить поиски брода другим — тем, кто пониже и кому легче падать. Но долго ли простишь на одной ноге?

II.

Пробный шар. — Единственная возможность. — Если бы в нашей металлургии... — С позиций нормальной психики. — Опыт лингвистического анализа. — В мире иррационального. — Маховик, крутящийся вхолостую. — Заветное слово сказано. — Маленькая лекция по экономике. — Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. — Безымянный диктатор. — Скорее наоборот.

В конце июля "Известия" напечатали статью Отто Лациса "Перестройка". Автор — крупный специалист в экономике, доктор наук. Обратим внимание на то, как статья подана. Начало — на первой полосе, затем почти вся вторая. В сочетании с выражениями вроде "сегодня это вопрос в принципе решенный" такая ширококвещательность придает статье характер весьма официальный. Но принадлежит она частному лицу, с него и спрос. Между тем разговор идет не более и не менее как о плане перестройки *всей экономики*.

Всякий проект начинается с обоснования. "Ну вот мы и вышли на первое место в мире по стали, нефти, цементу, минеральным удобрениям и многому другому, — по большинству видов продукции так называемых базовых отраслей. Но проблемы не ушли — они сделались сложнее. Работаем как всегда, а динамизма прежних лет не стало".

Причины? Во-первых, не осталось избыточной рабочей силы: и деревня, и "вторые члены семьи" подчищены под гребенку. Во-вторых, природные богатства, лежащие близко к поверхности, использованы; новые обходятся все дороже. В-третьих, обновлять основные фонды предприятий становится все труднее — слишком много построено. "Выход один: интенсивнее использовать то, что есть. Людей. Сырье. Мощности..."

Выясняется, правда, что такие попытки уже делались. Но почему-то интенсификация всегда оказывалась частичной, односторонней. Экономия на одном виде ресурсов съедалась перерасходом по другому виду, порой более ценному. "Вывод, звучащий сегодня на всех уровнях: научно-технический прогресс — это отныне не одна из многих возможностей роста, а единственная возможность. Легко ли? Конечно, нет. Выполнимо? Вполне".

Тут бы самое время поставить точку: выполнимо — и прекрасно. Выполним! Но тогда зачем перестройка? А вот зачем. Для характеристики того, как сегодня осуществляется научно-технический прогресс, О. Лацис приводит один пример. Только один — но какой!

"Если бы в нашей металлургии степень использования непрерывной разливки стали была бы такой же, как в Японии, то для достигнутого производства проката нам потребовалось бы стали примерно на двадцать пять миллионов тонн меньше. Это добрых пятнадцать процентов. А если еще улучшить сортамент и качество проката... А если не "производить" на заводах восемь миллионов тонн стружки в год... А если на стройках не зарывать в землю брошенное железо. А если машины делать полегче... А если лучше беречь машины в эксплуатации..."

Этот пассаж легко продолжить. Но и того, что сказано, достаточно, чтобы согласиться с доктором экономических наук: "Десятки процентов металла можно сэкономить на основе уже известных достижений науки и техники — притом отечественной. Ведь и технология непрерывной разливки стали создана в СССР, прочие страны у нас покупали лицензию".

Остановимся и подумаем. Тут ведь не только об экономии идет речь, разговор гораздо серьезней. Получается, что энное количество стали (30, 40, 50 процентов?) выплавлялось зря, просто потому, что система не способна рационально использовать достижения ее ученых и инженеров, труд ее рабочих. И опять-таки выплавленная сталь — не только сталь, это колоссальный труд, затраченный на добычу руды и угля, сооружение предприятий, перевозку, выплавку, прокатку, изготовление машин и прочее, и прочее.

Да и не в одном прогрессе дело. Не зарывать железо в землю и не перегонять металл в стружку можно и без участия прогресса. С точки зрения обыкновенного здравого смысла это вообще жуткая и загадочная история, — ведь зарывать железо труднее, чем не зарывать. Люди, которые тратят время и силы на уничтожение труда других, — может быть, тут пахнет уже не экономикой, а психиатрией?

Но статья О. Лациса все-таки не о чем-нибудь таком, о хозяйстве. И приводимое им объяснение сразу ставит все на свои места. Оказывается, и вялый прогресс, и закапывание железа в землю, и много другое — результат "всеобщей антизаинтересованности".

Наконец-то слово найдено! *Антизаинтересованность* — это ведь не просто отсутствие заинтересованности, как антилюбовь — не просто отсутствие любви, а нечто большее: ненависть. Для "заинтересованности" антонима в русском языке, кажется, нет. Равнодушие, безразличие, наплеватьство — все не то, слишком слабо.

Похоже, что с подобными ситуациями человечество раньше не сталкивалось. Только социализм сумел создать систему антизаинтересованности, антистимулов — систему, при которой люди активно заинтересованы в достижении антирезультата. Мистика...

Мистика, иррациональность вообще составляют главную особенность социалистической системы хозяйствования. Приводимый О. Лацисом пример достаточно показательен. В общих затратах промышленности три четверти расходов — это сырье, материалы, топливо, энергия и лишь около 14 процентов приходится на оплату труда. Так что для сбережения общественного труда экономия одного процента материалов дает в пять раз больше, чем экономия того же процента живого труда. И тем не менее автор совершенно прав, предсказывая, что "если у прораба на стройке есть возможность, заплатив рабочему лишние десять рублей, подобрать на сто рублей брошенных материалов, он не станет раздумывать и "сбережет" десятку из фонда зарплаты".

Конечно, этот абсурд поддается рациональному объяснению. В свое время мы об этом писали ("Страна и мир", № 10, 1984, стр. 23–24), поэтому буду краток. В условиях "общественной" собственности на орудия и средства труда любые операции с сырьем, материалами, энергией и проч. сводятся к движению цифр. Единственное, что имеет реальное значение, — это зарплата, ибо она должна быть компенсирована хоть каким-то минимумом товаров и услуг. Известно, что решить эту (по видимости простую) задачу социализм не в состоянии, ибо это тот редкий случай, когда он вынужден выйти из своего иррационального мира в чужой и враждебный ему материальный мир. Естественно, что режим всячески этому противится, особенно жестко контролируя именно зарплату.

Но это к слову. Основную причину бед советской экономики д-р Лацис усматривает — страшно выговорить — в системе планирования. Вообще-то критика действующей системы планирования не нова, в последние годы стало даже модным ругать одни показатели, предлагая взамен другие. Но автор статьи идет гораздо дальше. Напоминая, что споры на эту тему ведутся с 1960 года, он резонно спрашивает: "Четверть века — не до-

вольно ли времени, чтобы усомниться в плодотворности вообще этого занятия — поиска наилучших показателей плана по объему, спускаемого сверху?”

Ниже следует рассуждение, которое можно считать классическим, ибо оно перечеркивает всю систему управления хозяйством, действующую в СССР на протяжении десятков лет: *“Планировать напрямую “сверху” бывает не только бесполезно, но и вредно. Так, за последние четверть века самые высокие темпы роста производительности труда у нас были в восьмой пятилетке — той единственной, когда производительность труда предприятиям не планировали”*. И далее: *“Всех позиций плана в “натуре” сейчас двадцать четыре миллиона. Определять их кому-либо, кроме самых предприятий, невозможно даже с помощью самых быстродействующих компьютеров. А главное — не нужно”*.

Особенно ошутима катастрофическая беспомощность существующей системы там, где речь идет об использовании основных фондов и капиталовложений. *“За три первых года текущей пятилетки, — замечает О. Лацис, — национальный доход страны вырос на одиннадцать процентов, а производственные фонды — на двадцать два. Фондоотдача падала быстрее, чем росла производительность труда”*.

Страшный факт. Он означает, что деньги, вкладываемые в заводы, фабрики, машины, землю, перестают работать, что огромный хозяйственный маховик крутится вхолостую.

Итак, действующая в нашей стране система управления хозяйством неэффективна и нуждается в коренной перестройке. Что же предлагается? Не надо, утверждает Лацис, спускать предприятию сверху объемы производства ни в рублях, ни в штуках. *“Главная задача центральных органов — планировать эффективность”*.

Пока рекомендация звучит довольно расплывчато. Автор, однако, поясняет, что общий норматив эффективности выражается через прибыль и рентабельность. Еще одно заветное слово произнесено вслух: прибыль — как главный критерий деятельности предприятия. Но какого предприятия?

В условиях свободного рынка прибыль действительно выступает как синтетический показатель: характеристика работы предприятия и одновременно стимулятор роста. Отсюда вовсе не следует, что прибыль сама по себе обладает магическими свойствами. Все зависит от конкретной социально-экономической обстановки. Вполне, так сказать, марксистская истина.

Основа западной экономики — смешанная собственность, свободный, насыщенный (и даже перенасыщенный) товарами рынок, конкуренция. В этих условиях высокая прибыль есть свидетельство того, что предприятие действительно выпускает продукцию, нужную потребителю, а техника, технология, организация труда и производства более или менее соответствуют общему промышленному уровню.

Другой, не менее важный фактор — степень зависимости предприятия от прибыли, то есть от того же рынка. Высокая прибыль обеспечивает не только высокие доходы владельцам предприятия, но и высокие заработки рабочим и служащим, стабильность их положения, возможность модернизации. Напротив, падение прибыли ниже некоторого уровня угрожает самому существованию предприятия. Владелец оно грозит разорением, рабочим — потерей места. Как справедливо заметил академик В. Трапезников, *“перед каждой фирмой стоит вопрос: быть или не быть”*.

Нет нужды доказывать, что в Советском Союзе все обстоит иначе. Представим себе, что предприятие, выпускающее некое дефицитное изделие, произвольно повышает цену с трех до пяти рублей. Поскольку в условиях голодного рынка у покупателя нет выбора, ясно, что он все равно купит товар. Так же ясно, что прибыль предприятия существенно возрастет. А о чем это будет свидетельствовать? Да ни о чем.

Возьмем обратный случай. Допустим, что выпуск данного изделия приносит предприятию лишь убытки. Грозит ли это кому-нибудь разорением? Конечно, нет. Закрытием предприятия, увольнением? Тоже нет. Самое большее — уберут директора. И даже

не снимут с работы (ведь он наверняка чья-то "номенклатура"), а переведут на другое место. На еще какое-нибудь неприбыльное предприятие.

Говорят, что мир капитала жесток. Это верно, ибо здесь имеют дело не с иррациональными числами, а с реальной жизнью. Однако жестоким этот мир делает не столько капиталист, сколько потребитель — тот самый безымянный массовый человек, который на рынке выступает в роли диктатора. Один, сто, тысяча потребителей ничего не решают (их можно задобрить, уговорить, обмануть), но если миллионы потребителей скажут товару "нет", предприятию, хозяевам и работникам придется худо. Никакие знакомства, связи, звонки из ЦК правящей партии его не спасут. Конечно, банк может предоставить ему заем. Но это уже последний шанс...

Пойдут ли советские руководители на то, чтобы передать свои собственные диктаторские полномочия рядовому потребителю, установить прямую (и обратную) связь между ним и предприятием? Если нет, то все разговоры о полном хозрасчете и полной самостоятельности лишены смысла.

И тем не менее программа перестройки в том виде, как ее излагает доктор Отто Лацис, интересна. Интересна, прежде всего, тем, что дает надежду на вывод советского хозяйства из призрачного мира идеологических функций в мир экономических реальностей.

Однако статья — даже большая, серьезная, официальная — всего лишь статья. Когда автор пишет, что вопрос о перестройке в принципе решен, что теперь только "от плановых органов и научных учреждений" зависит, когда все это будет осуществлено на деле, он явно лукавит. Подобные вопросы в Советском Союзе решаются на самом высшем уровне и оформляются в виде постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР. Так вот, ничего похожего пока нет, не видно и никаких признаков того, что в скором времени оно появится.

Скорее наоборот. Есть серьезные основания подозревать, что Горбачев уже усомнился в декларированной им программе радикальных перемен и склонен решать проблемы советской экономики в рамках привычных административных методов хозяйствования. Свидетельство тому — два наиболее важных постановления по этим вопросам, принятые в последние месяцы.

III.

Анекдоты и жизнь. — От французского *ingénieur*. — Менеджер по-советски. — Магия цифр. — Передовой опыт Ирака. — Как это делается. — К вопросу о карманах. Чего нет, того нет. — Цифры или выходящие товарищи? — По пути, начертанному партией...

Положение инженера в Советском Союзе — тема анекдотов, а еще больше — историй, поразительно напоминающих анекдоты. В семье "торговых работников" зятю-инженеру демонстративно подавали на обед черный хлеб: пусть знает, что на большее он не заработал. В крупном научно-исследовательском институте инженеры кончали работу на час раньше срока и под бдительным оком уборщиц приводили помещение в порядок. В другом институте, проектно, инженеру, чтобы выйти в уборную, следовало получить разрешение начальника отдела...

В 60-е годы "Литературная газета" — под рубрикой "Инженер и время" — популярно объясняла руководителям партии и правительства, что французское слово *ingénieur* буквально творец, изобретатель, что использование инженеров в качестве делопроизводителей, рассыльных, уборщиц, сортировщиков гнилого картофеля нерационально, что система оплаты их труда, мягко говоря, не совсем... Тем, кто ссылается на то, что "советская печать сама это критикует", полезно ознакомиться с результатами данной критики. В 70-е годы советские вузы начали готовить инженеров по новой специально-

сти — организаторов производства, менеджеров. Оклад этим специалистам был определен соответственный — 88 целковых.

Может быть, с тех пор положение изменилось? "Конструктор за двадцать лет активного труда, — писала 23 июня 1985 г. "Правда", — может поднять свою зарплату на двадцать пять рублей. И каких бы высот в своей работе он ни достиг — это потолок". В "Известиях" от 17 июля помещена беседа корреспондента с главным инженером крупнейшего объединения "Ижорский завод". Отметим, что объединение работает в условиях эксперимента, позволяющего значительно повысить оплату труда инженеров. Какovy же, интересно, оклады двух с половиной тысяч конструкторов и технологов, оплачиваемых "по экспериментальным нормам"? В среднем — 208 рублей в месяц. А у рабочих? 210.

Но что там газеты, если сам Горбачев дважды, в апреле и июне, публично признал, что жизнь "требует кардинального изменения ситуации, сложившейся с инженерно-техническими и научными кадрами". А так как известно, что у нынешнего генсека, в виде исключения, слова не расходятся с делом, то уже в июле ЦК КПСС, Совет министров СССР и ВЦСПС приняли историческое постановление "О совершенствовании оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности".

Не смейтесь — действительно историческое. Прежде всего потому, что принято оно в исторический момент. В ближайшее время ("времени на раскачку не осталось, оно исчерпано прошлым", — сказал Горбачев) предстоит перейти с экстенсивного пути развития на интенсивный; от эволюционных методов научно-технического прогресса — к революционным; от бесхозяйственности — к хозяйственности; от низкокачественной продукции — к высококачественной и все такое прочее. Естественно; решающая роль в этом переходе отводится партийным организациям. Но, наверное, что-то будет зависеть и от ученых, конструкторов, технологов? Так что решение повысить оплату их труда было как нельзя более своевременным.

Еще раз напомним. Сейчас "средний" инженер получает в месяц около 200 рублей; даже по самым снисходительным расчетам это никак не больше 200 долларов. В Соединенных Штатах, которые Советскому Союзу предстоит в который раз "догнать и перегнать", тот же средний инженер зарабатывает примерно 2000 долларов в месяц. В ФРГ — примерно 1800 долларов; в Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Японии поменьше, но, конечно, не двести. Даже у нас, в бедном и воюющем Ираке инженер получает не меньше 200—250 динаров — что-то около шестисот рублей по нынешнему курсу. Конечно, мы не касаемся весьма скользкого вопроса о том, что можно купить за границей на 200 динаров и в СССР — на 600 рублей.

В постановлении, правда, речь идет не о повышении, а о совершенствовании оплаты, но разве это не одно и то же? О, нет. Скорее это напоминает цирковой фокус. Такой, знаете, когда в кармане у соседа слева оказывается бумажник, взятый у соседа справа...

Посмотрим, однако, как это делается. Отныне руководителям конструкторских и технологических организаций, научно-исследовательских учреждений, объединений и предприятий разрешено устанавливать надбавку научным работникам, конструкторам и технологам: за выполнение наиболее сложных и ответственных работ — в размере до 50 процентов должностного оклада, другим высококвалифицированным специалистам — до 30 процентов.

Не слишком много, конечно, но все-таки. Однако тут же следует оговорка: "в пределах планируемых фондов заработной платы". Простите, но это значит... Вот именно: это значит, что либо часть инженеров нужно уволить, либо повышение зарплаты одних должно сопровождаться снижением оклада других.

А если — представим себе такую ситуацию — сокращать некого, и люди работают так, что снижать и без того нищенскую их зарплату никак невозможно, что тогда? Тогда тем, кто выполняет "наиболее сложные и ответственные", а равно и другим, придется

обойтись без надбавки. Государство согласно проявить великодушие и расплатиться за "революционные сдвиги" из чужого кармана, но платить из своего — извините...

Но для нас в данном случае важны не столько фокусы, сколько сама методология. Напрасно читатель будет искать в постановлении хоть отдаленные признаки экономического подхода, хоть какую-то зависимость между оплатой инженеров и результатами их труда — скажем, прибылью предприятия. Чего нет, того нет. К примеру, группа инженеров западной фирмы, сумевшая увеличить доходы фирмы на миллион долларов, может быть абсолютно уверена, что оклад каждого из участников повысится в три, пять, а то и в десять раз. Члены аналогичной советской группы могут рассчитывать лишь на то, что если кому-то из них и повысят зарплату, то непременно за счет другого...

И еще одно обстоятельство. Вопрос "повышать — не повышать" будут решать не цифры (доходов, прибыли и т. п.), а вышестоящие товарищи. А мы знаем, что руководствуются эти товарищи прежде всего "государственными (то есть политическими, если не откровенно шкурными) соображениями, деловые были всегда на последнем месте.

Наконец, министерствам и ведомствам поручено "улучшать планирование фонда заработной платы, устанавливать нормативы его образования, как правило, на пятилетний период, исходя из намеченных объемов..."

Вот это уже нечто из ряда вон — даже по советским понятиям. О какой самостоятельности предприятий может идти речь, если партия и правительство берутся определять объемы работ и фонды зарплат на пять лет вперед?! Похоже, что все эти разговоры о научно-техническом прогрессе — одно, а практика — совсем другое. Прогресс, как все остальное в Советском Союзе, должен идти путем, начертанным партией. На пять лет вперед.

IV.

Об усилении воздействия на ускорение. — Уроки одного эксперимента. — Искусство имитации. — Пусть ищет другую. — Из практики Арамиса. — Две модели экономики. — Бывают же чудеса на свете. — ...Не считая собаки.

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, напечатанное в газетах 4 августа, названо многообещающе: "О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса".

"Об усилении... на ускорение..." — не слишком благозвучно и даже не очень грамотно. Но это форма, а нас интересует суть. Бросается в глаза противоречие. В своих докладах генеральный секретарь говорил о разработке новых методов хозяйствования, а из постановления следует, что такие методы уже существуют и надо лишь обеспечить их широкое распространение. О каких же методах идет речь?

Оказывается, все о том же крупномасштабном экономическом эксперименте, который ведется со времен Брежнева. Лавров он никому не принес, да и не мог принести: то, весьма скромное "расширение самостоятельности" предприятий, которое декларировалось на бумаге, сразу же было перемолото мощной системой администрирования.

Любопытно, что советская печать пишет об этом с полной откровенностью. Вот, например, как оценивает результаты эксперимента профессор Р. Карагедов: "Эксперимент предусматривает как ключевую меру значительно усилить роль предприятий в разработке планов на всех стадиях планирования... Завод "Сибэлектротяжмаш", получив контрольные цифры, внес... обоснованные расчетами предложения по ряду показателей. Но они даже не были рассмотрены. Без какого-либо участия руководителей и работников объединения "Электроагрегат" был определен его годовой план. План довели до коллектива в сентябре прошлого года, после чего он менялся более десяти раз..." (Правда, 9 августа 1984). Профессор уныло перечисляет факты нарушения инстанциями "суверенных" прав предприятий: навязывание произвольных планов... изменение планов...

несбалансированность производственной программы и мощностей... необеспеченность сырьем и материалами... пренебрежение установленными нормативами... прямое изъятие средств, принадлежащих предприятию... Особенно остроумно обошлись с Алтайским вагоностроительным заводом: ему спустили сверху не только все его расчетные показатели, но и... встречный план. Зачем ему в самом деле трудиться, выискивая "внутренние резервы", если сверху виднее?

Но, пожалуй, еще эффектнее случай с московским заводом "Динамо". 26 декабря 1983 г., то есть за пять дней до окончания года, Всесоюзное промышленное объединение "Союзэлектротрансмаш" неожиданно вбило ему в план пятьсот (!) крановых электродвигателей. Результаты? Завод поставлен перед угрозой лишиться всех фондов и уплатить 5 миллионов рублей штрафа.

Когда корреспондент "Известий" спросил руководителей объединения, как это совместимо с экспериментом, ему не без раздражения ответили вопросом: — "При чем здесь экономический эксперимент?.. Нам приказано включить в план завода пятьсот электродвигателей. Мы и включили" (*Известия*, 23 июля 1984).

Такого рода "экономические" методы теперь собираются распространить и на другие отрасли промышленности. Зачем? Ответ, в общем, напрашивается. Действительная перестройка системы управления связана с риском, и успех ее отнюдь не гарантирован. Обстановка же в мире сложная. Вот Горбачев и решил не рисковать, а попытаться вытянуть экономику страны давно испытанными "волевыми" методами. Но страна ждет перемен, и сам генеральный секретарь их обещал. Вот постановление и призвано создать иллюзию реформ, имитировать "бурде", бурную деятельность.

А как же с "усилением на ускорение"? Отныне изготовление опытных образцов и освоение серийного производства новой техники будет включаться в план. И все? С новой техникой — все.

Дальше идут меры, относящиеся к качеству продукции. Сводятся эти меры к знакомому набору слов-лозунгов: "поднять", "повысить ответственность", "обязать". Иначе говоря, курс взят не на отмену, а на усиление все тех же административных методов хозяйствования.

Суть этих методов особенно наглядно проявляется в выборе критериев качества. Кому принадлежит последнее слово в оценке качества изделия на Западе? Конечно, потребителю. А в Советском Союзе? Разумеется, аттестационной комиссии, то есть инстанциям. А если продукция, отнесенная к высшей категории качества, потребителю не понравится, что тогда? Смешной вопрос. Пусть ищет другую...

Отныне, если верить постановлению, в СССР будет существовать продукция лишь высшей и первой категории качества. А куда денутся изделия второго и третьего сорта? Легко догадаться. Тем более, что такой опыт уже есть. Когда понадобилось, незабвенный Арамис уверенно перекрестил скоромную курицу в постную рыбу...

Столь же, прошу прощения, комичны и другие меры, предусмотренные постановлением. Скажем, заказы предприятия на материалы, необходимые для выполнения работ за счет собственных фондов (обновление оборудования, строительство жилья и пр.), отныне будут передаваться непосредственно территориальным управлением Госснаба. Что же, эти управления смогут свободно продавать материалы предприятию? Отнюдь. Во-первых, Госснаб обязан проверить обоснованность заявки. Во-вторых, он должен представить эти данные Госплану. В-третьих, Госплан может предусмотреть или не предусмотреть выделение Госснабу соответствующих ресурсов. И лишь в-четвертых — Госснаб будет вправе снабдить предприятие этими материалами, если, разумеется, они будут... Интересно, верит ли сам Горбачев, что колымага прогресса, ныряющая по таким колдобинам, догонит Америку?..

Пожалуй, единственное реальное нововведение, предусмотренное постановлением, — постоянный (на всю двенадцатую пятилетку) процент бюджетных отчислений от

прибыли предприятий. Замечательно, что смелости генсека хватило на то, чтобы ввести эту меру в одном ведомстве. И в каком — в Министерстве лесного хозяйства Белорусской ССР!

Анализ советской экономической системы — дело невероятно сложное. И не только потому, что система громоздка, запутана, противоречива, но и потому, что к сущности приходится пробиваться сквозь сплошную стену видимостей. Лишь в редчайших случаях кто-нибудь из советских официальных лиц позволяет себе приоткрыть краешек завесы. На сей раз нам повезло. Академик Вадим Александрович Трапезников, которого я уже цитировал, решил разъяснить читателю разницу между советской и западной моделями экономики.

С капитализмом ясно. Стимул "быть или не быть" заставляет фирму заботиться о новых видах продукции, новых технологиях... и, добавим мы, об удешевлении изделий. Поразительно — бывают все-таки чудеса на свете! — что в этом почему-то заинтересован и рядовой гражданин, потребитель. А при социализме?

"В нашей стране, — продолжает акад. Трапезников, — стимул "быть или не быть" в полную силу для всего народа действовал в период Великой Отечественной войны. В настоящее время он действует у нас в оборонной промышленности... В результате этого технология и качество продукции нашей оборонной промышленности оказываются более высокими, чем в гражданских областях" (*Правда*, 2 октября 1985).

Можно ли на фундаменте отсталой экономики построить в XX веке передовую военную промышленность — вопрос спорный. Бесспорно, однако, что индустрия войны — единственная сфера, которая интересует советских руководителей всерьез, ибо от нее зависит, быть им или не быть. Все же остальное — научно-технический прогресс, эффективность, качество товаров народного потребления, расхищение природных ресурсов, проблемы экологии — волнует их мало. Для них это та самая собака, которую не приняли в расчет самонадеянные герои Джерома К. Джерома. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

*А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
.....
Завтра станет ребячьей забавой.*

Иннокентий Анненский

СНЯТИЕ ОРЛОВ

В ближайшие дни на верхушках четырех башен Кремля будут установлены звезды. Как сообщили нам в строительной конторе Стальпроммеханизации, подъем звезд на башни будет произведен при помощи тех же башенных кранов, при помощи которых с башен были сняты три орла: с Боровицкой, Никольской и Спасской башен. Четвертый орел — с Троицкой башни — снят верхолазами, разобравшими его наверху и спустившими вниз по частям. Орлы Троицкой и Спасской башен сделаны из красной меди. На них сохранилась позолота. Орлы же с Боровицкой и Никольской башен сделаны из кровельного железа и потеряли какие бы то ни было следы золота. На орле с Боровицкой башни сохранились следы желтой краски. Отдельные части этого орла скреплены проржавевшей проволокой. Орел, находившийся на Никольской башне, давно уже потерял хвостовое оперение.

"Известия", 21 октября 1935 г.

ПОПРАВКИ

1. В № 8 за 1985 год на стр. 55 по вине редакции переставлены местами подписи под фотографией Н. Бора и В. Гейзенберга. Следует читать: слева — Вернер Гейзенберг, справа — Нильс Бор.

2. В № 9 за 1985 год по вине типографии переставлены страницы 95 и 94 в статье Г. Померанца "Жажда добра". Следует читать в обратном порядке: стр. 93—95—94—96.



ПУТЬ К КОММУНИЗМУ

Давно замечено, что любое действие рождает последствия двоякого рода: ожидаемые и неожиданные. Когда академик Татьяна Ивановна Заславская (руководитель отдела Института экономики Сибирского отделения АН СССР и автор широко известного на Западе Новосибирского меморандума) взялась внедрять бригадный подряд в алтайском колхозе "Путь к коммунизму", результат легко было предвидеть заранее. Не только потому, что любая форма личной заинтересованности лучше системы, когда всем все "до лампочки". Ясно, что хозяйство, которым занимается академик, сразу же оказывается в особом положении. Ему и кредиты дадут, и технику вне очереди, и фондов не пожалеют. Жаль, что академиков в стране меньше, чем колхозников: насколько это облегчило бы всем нам путь к коммунизму...

Так или иначе, но колхоз рассчитался с долгами, стал прибыльным, а доходы колхозников возросли в два-три раза. Результат, что и говорить, впечатляющий. Настолько впечатляющий, что "Комсомольская правда" решила направить в колхоз своего корреспондента, чтобы подробнее рассказать публике о последствиях эксперимента.

Тут-то и начались неожиданности. Оказалось, что стереотип — больше зарабатываешь, лучше живешь — тут неприменим, поскольку с ростом зарплаты сразу же возникла проблема: куда эти деньги тратить.

Журналист (в номере от 20 июля) аккуратно перечисляет будничные расходы семьи. Хлеб, сахар, соль, спички... Стоп, это все. Как все? Ведь в сельском магазине есть еще маргарин, крупа "Артек", время от времени появляется диковинный "сапог-чулок" образца десятилетней давности, но этот ассортимент даже колхозников почему-то не привлекает.

Что же делать с заработанными деньгами? Раз в год снаряжается экспедиция в Москву. Оттуда и привозят то, чего в сельпо не купишь, — от пальто до детских колготок. Обидно, конечно, тратить на это отпуск, но это еще полбеды. Хуже, что сколько ни привози, на год все равно не напасешься.

В селе Лосиха живет 1400 человек. Вклады на сберкнижках — миллион двести тысяч. Между тем товарный запас Лосихинского райпромторга — 288 тысяч рублей, из коих на 200 тысяч — баракло, не пользующееся никаким спросом.

Может быть, директор райпромторга — лентяй и неумеха? Отнюдь. Иногда он даже умудряется выбить для своего супермаркета сверх положенного ассортимента растворимый кофе и конфеты — "побаловать детишек". Тогда, быть может, Лосиха — какое-то особенно гиблое место, черный оазис в пустыне изобилия? Тоже нет. Здешний магазин, при всей его убогости, все же работает. А это не так мало, если учесть, что "сегодня в стране, — как сообщает "Комсомольская правда", — закрыто 35 тысяч сельских магазинов".

Что же остается? Остается пить. "С тех пор, как в гору пошла у колхозников зарплата, в гору пошла и продажа вина, — сокрушается журналист. — Четыре года назад процент спиртного в ассортименте продовольственных товаров Лосихинского РТП составлял 49,3%, а в прошлом году — 64,2%".

Итак, четыре года упорной работы, знания, опыт, наконец, авторитет академика позволили Т.И.Заславской наладить производство в одном отдельно взятом колхозе. Производство, но не

жизнь. Главный итог эксперимента плачевен: рост пьянства. Результат неожиданный — и закономерный. Теперь понимаешь, почему в интервью "Известиям" (см. "Страна и мир", 1985, № 6), Т.Заславская с такой горечью говорила о бесполезности и даже вреде "разрозненных экспериментов".

Если уж менять, то менять все. Та же "Комсомольская правда" это отлично понимает. О местном лосихинском заготовителе газета пишет: "Дали бы ему возможность самостоятельно хозяйствовать, он бы такую торговлю наладил!" А что делать, если не дают? Остается одно: путь к коммунизму... ●

Ежемесячный
научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

АВГУСТ 1985

ЛОЖКА ДЕГТЯ В МОРАЛЬНОЙ АТМОСФЕРЕ

"Я оглядел всех едущих со мной в вагоне: вот они, мои современники... И вдруг... ощутил некий диссонанс. Нечто постороннее. Какую-то "ложку дегтя" в моральной атмосфере такого уютного до сих пор вагона. Трое молодых людей, которые вошли только что, стали тому причиной... У одного из них на майке была надпись: "Армия США". У второго: "Военно-морской флот Америки". А я держал в руках вечерний выпуск "Известий", где сообщалось об очередном разбое американской военщины и ее натовских подручных... Не могу представить, чтобы во времена моей молодости в городском транспорте, на улице, на занятиях кто-то появился в майке с подобными "знаками отличия" или в коричневой рубашке штурмовика...

Я никогда не пойму и не смирюсь с теми не слишком щепетильными модниками, которые щеголяют в одежде, украшенной флагами государств — стран НАТО... Даже если согласиться с тем, что, дескать, содержательная сторона такой, с позволения сказать, наглядности им непонятна, неизвестна и ничуть не интересует. Это обстоятельство, если перейти на юридический язык, лишь усугубляет их вину... Не может, не должно быть в наших рядах людей аполитичных!

В идеологической борьбе не может быть никаких уступок."

Так пишет в научно-популярном журнале министерства юстиции полковник юстиции в отставке Ю.Архангельский, участник Великой Отечественной войны. Бывший солдат трибунальского фронта, боец славного "смерша", — он уже объявил войну союзнику советской армии в борьбе против фашизма — армии США. Носить майку с надписью "US Navy", оказывается, все равно, что носить рубашку штурмовика. Заодно примысливаются юридические конструкции вокруг вопроса о том, как одеваться, — тема, которую уголовный кодекс пока еще не затрагивает, но почему бы и нет? Почему бы не карать за одежду? В письме отставного полковника юридических войск есть и позитивная часть. Отечественная текстильная промышленность должна намотать на ус происки врага. Мы, со своей стороны, вносим конструктивное предложение: универсальное украшение для молодежной одежды — напечатанный крупными буквами лозунг "Мы — за..." Недостающее, как во всеобъемлющем штампе-резолуции незабвенного Пыхаева, заполняет секретарь комсомольской организации. Или какой-нибудь другой авторитет по вопросам патриотизма. ●

ГОЛОД ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО ГОДА

“Надо было лучше работать”

Коллективизация, декларированная цель которой состояла в увеличении сельскохозяйственного производства, привела к обратным результатам. Снизилась урожайность, сократилось поголовье скота — крестьяне потеряли интерес к обработке земли и сохранению ее плодородия, к работам в хозяйстве.

Однако, хотя валовые сборы сокращались, государственные заготовки зерна росли из года в год. В 1926—28 гг. — 112 млн. ц (14% всего урожая), в 1929 г. — 161 млн. ц (22,5%), в 1930 г. — 221 млн. ц (26,5%), в 1931 г. — 228 млн. ц (33%), в 1933—36 гг. — 264 млн. ц (39,5%).¹

Государство забирало не только зерно. Увеличивались поставки мяса, молока, яиц, и одновременно, словно шагреновая кожа, сокращалось их производство. Так, если в 1928 г. было произведено 4,9 млн. тонн мяса, то в 1933—1936 гг. — 2,6 млн. тонн; соответственно молока — 31 и 21 млн. тонн, яиц — 10,8 и 5,2 млрд. штук. Этот двойной процесс сокращения производства и роста заготовок тяжело отразился на деревне. Зерна, молока и яиц оставалось там почти в два раза меньше, чем до коллективизации, мяса — в три с лишним раза меньше.²

Советские историки, в целом одобряя (или, по крайней мере, оправдывая) политику все возрастающего изъятия зерна и других продуктов, все-таки позволяют себе задуматься над вопросом, когда она перешла допустимые пределы. С.Трапезников рассказывает, что тогдашний нарком земледелия Яковлев составил баланс с учетом потребления сельских жителей, “но в 1932 году в основу хлебозаготовок были положены другие принципы... Во многих колхозах было вывезено все продовольственное и даже семенное зерно, сорвано распределение доходов среди колхозников...”³

Повышенное изъятие зерна началось раньше. “К концу 1931 года обстановка в деревне ухудшилась в результате ошибок, допущенных при проведении хлебозаготовок: в основных зерновых районах был неурожай, а задания по сдаче хлеба были повышены по сравнению с урожайным 1930 годом”.⁴

В действительности заготовки были непомерно высокими уже и в 1929, и 1930 гг. Но главное — изменился подход государства к самому процессу поставок. Они перестали быть обычным налогом — частью дохода, изымаемой в пользу государства. Отныне — это священный долг. Первоочередная обязанность. Главная заповедь. В стране утверждается новый порядок распределения зерна: в первую очередь — государству; если останется — в семенные фонды; если и после этого что-то сохранится — на корм скоту и питание колхозников в период полевых работ; наконец, в самую последнюю очередь зерно выдается на пропитание самим сельским жителям.

Глава из подготовленной к изданию книги “Collectivisation and Population Losses in the Ukraine and the USSR”

¹ Ю.А.Мошков, Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации, М., 1966, стр. 226.

² Народное хозяйство СССР, 1922-72, стр. 216-218; Сельское хозяйство СССР, М., 1960, стр. 86-89, 196, 328-329.

³ Трапезников С.П., Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана, М., 1965, стр. 400.

⁴ Хроника основных событий экономической жизни, М., 1967, стр. 222.

Крестьянам, не выполнившим план поставок зерна государству, есть не полагалось. Бригады горожан и активистов выносили из избы не только последний мешок картошки, но и горшок уже сваренной каши. На скорбно недоуменное восклицание хозяев: "А мы-то что есть будем?" — уполномоченные спокойно отвечали: "Работать надо было лучше."

Это означало, что всю ответственность за разрушение сельского хозяйства, за нелепые и просто бессмысленные реорганизации партия и правительство возлагали на сельского жителя. Он был виновен и в том, что сократилось производство, и в том, что государство пожелало в два-три раза увеличить поборы, и, конечно, в том, что хотел есть.

Претензии партийного руководства к колхозному крестьянству сформулировал Сталин, отвечая на письмо Шолохова. Шолохов жаловался, что на Дону хлебозаготовки проводятся с помощью пыток. Сталин возражал: "Наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма... Но это только одна сторона дела... А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили "итальянку" (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели "тихую" войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов..."

Конечно, это обстоятельство ни в коей мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками, и виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали."¹

Уверенность правительства, что сельское население является его врагом, саботирует его политику и должно быть за это наказано, — один из главных факторов, обусловивших трагедию.

Три обстоятельства, таким образом, определили страшные размеры катастрофы 1932—1933 гг. и тяжелейшее существование сельского населения в последующие годы: падение производства, рост заготовок, репрессии против крестьянства.

1. Падение сельскохозяйственного производства — результат уничтожения наиболее эффективных хозяйств, безграмотности новых руководителей деревни, абсурдности многих мероприятий, навязанных селу сверху, отсутствия заинтересованности крестьянина в урожае.

Одновременно с падением производства шло разрушение системы учета продукции. В 1930 году ЦСУ было закрыто, многие видные статистики арестованы. В последующие годы удар обрушился уже на рядовых работников системы учета, обвиненных в сознательном занижении данных. Была поставлена под сомнение и традиционная методика оценки урожайности, в частности — результаты контрольных обмолотов в начале уборки, которые обычно дают несколько завышенную (но уж никак не преуменьшенную) характеристику валовых сборов.

В ряде мест (например, в Днепропетровской области) данные об урожаях 1932 г. были засекречены, так как, исходя из них, выполнить план заготовок зерна было просто невозможно. Высшее партийное руководство это не устраивало. Поэтому оно требовало вообще не принимать во внимание данные статистики, называя их "кулацкой арифметикой". С.Косиор, обосновывая этот подход, писал в январе 1933 года: "Если бы данные статистики были верными, то нам не удалось бы изъять из села и половины зерна, которое мы уже получили". Это доказательство "от противного" строилось на том, что власти — может быть, впервые в истории — сочли возможным отобрать у деревни все имеющееся там зерно.

¹ "Правда", 10 марта 1963 г.

2. Начиная с 1930 года государство претендует на все большую долю урожая, оставляя сельскому жителю все меньше и меньше. Это вынуждает крестьянина менять структуру потребления, учиться есть не хлеб, сало и яйца, а картошку, овощи, крапиву, лебеду, заправляя их в лучшем случае молоком. Особенно резкой перестройки новые условия потребовали от жителей южных районов страны (Левобережье и степь Украины, Кубань, Южная Сибирь и Нижняя Волга), где пшеница, свинина и птица составляли основу питания. Напротив, в северных районах, где картошка, овощи и молоко всегда играли важную роль, повышенное изъятие зерна привело не к столь трагическим последствиям. Пожалуй, в самом худшем положении оказались жители Казахстана и Бурятии. Переход к коллективному хозяйству означал резкое сокращение потребления мяса, основной пищи кочевников. Обобществление скота и его массовый падеж вызвали в этих районах острейший голод — может быть, самый сильный в стране.

3. Мы уже говорили, что власти рассматривали крестьянина — и колхозника, и единоличника — как врага, которого следовало "проучить." Отсюда — целая серия мер, направленных против сельского населения. Главные из них — обложение различными налогами и займами, взывание огромных штрафов за несвоевременное или неполное выполнение плана поставок и выплаты налогов. Нередко размеры поборов превышали стоимость собранного зерна.

Деревни и целые районы, не справившиеся с заготовками, заносились на черную доску. В 1932 году это означало: запрет торговли зерном, прекращение работы магазинов и других государственных учреждений (в том числе поликлиник), наказание руководителей села, использование — для помощи в проведении заготовок — буксирных бригад из числа горожан и жителей других районов. "Помощь" выражалась в обысках и всякого рода репрессиях. Кроме того, с провинившихся взымались мясопоставки на 15 месяцев вперед.

Интересно, что власти при заготовках не допускали замены зерна мясом. Зерно, естественно, было дешевле мяса, и уплатить налоги скотом деревне было сравнительно просто. Такой расчет, кстати, вполне отвечал действующему законодательству. Однако еще выгоднее было просто отобрать скот у крестьян, не имеющих хлеба. Делалось это под предлогом его "разбазаривания".

Ограниченность поголовья, принудительное изъятие скота государством, запрет торговли — все это привело к тому, что в 1932—1933 гг. сельский житель оказался в гораздо худшем положении, чем в иные голодные годы (1891 или 1921).

В числе других специальных мер, направленных против села, отметим отказ государства помочь нуждающимся областям семенами и продовольствием, отказ, оформленный официальным правительственным постановлением. В том же ряду стоят и необычайно жестокие законы против "хищений" в колхозе. Едва ли не каждое такое действие грозило сельскому жителю расстрелом. К разряду хищений были отнесены, например, сбор на полях неубранной картошки, свеклы, оставшихся под снегом колошкеев.¹ Тем самым была до предела ограничена возможность крестьян использовать для питания суррогаты — средство, в котором они всегда прибегали в трудное время.

Обыски в домах и во дворах (все равно — колхозников или единоличников) с целью обнаружить спрятанные продукты были явлением заурядным. Как отмечал Шолохов в уже упомянутом письме, обыски нередко сопровождались пытками и издевательствами. Свидетели отмечают и случаи прямого уничтожения найденных продуктов в доме крестьянина: отобрав зерно и картошку, "помощники" заливали керосином бочки с соленой капустой и огурцами.

Весь этот чудовищный комплекс мер и привел к голоду в невиданных прежде размерах. В 1931, 1932 и особенно в 1933 г. голод охватил большинство зерновых районов

1

См. подробнее: Максудов С., Голод 1933 года в постановлениях партии и правительства. "СССР: внутренние противоречия", вып. 10, 1984.

южной (производящей) полосы, но прежде всего — Украину, Северный Кавказ, Крым и Нижнюю Волгу, а также кочевые районы Казахстана.

Ради куска хлеба

Страшны и многообразны формы голода. Трудно и страшно писать о них. Голод стал нормой жизни. Мало кто в стране получал хотя бы минимально удовлетворительное питание. Разве что самые высшие руководители и людоеды. Но обе эти категории составляли ничтожную часть населения. Миллионы людей ложились спать с мыслями о еде. Миллионы голодных вспоминали караваи и окорока, существовавшие в доброе старое время. Миллионы были готовы на все ради куска хлеба.

Общее недоедание, отсутствие мяса, масла, молока, яиц, овощей, рыбы, а часто картошки и хлеба — были уделом каждого, независимо от того, жил он в городе или в деревне.

Когда в 1933 году была разрешена продажа хлеба по коммерческим ценам, тысячи людей с утра до ночи толпились в очередях у магазинов. Стояли, вцепившись друг в друга, опасаясь отойти, страшась потерять место. Очевидец рассказывает, как он с самым первым поездом отправлялся из пригородной деревни в Харьков для того, чтобы занять в коммерческом магазине очередь за хлебом. При этом чаще всего хлеб кончался раньше, чем подходила его очередь. За хлебом по карточкам тоже надо было часами выстаивать в очередях, но зато вероятность "отовариться" там была выше.

Голод разделил людей. Многие утратили одно из важнейших человеческих качеств — сострадание, желание помочь ближнему. "Самому мало", — такой ответ обычно слышали люди, не имевшие ничего. Совсем ничего. Тут нужны были океаны человеческой доброты и отзывчивости, а встречались лишь скудные, хотя и драгоценные капли. Фотографии сохранили нам фигуры людей, деловито шагающих по своим делам мимо скрючившегося в канаве ребенка; женщин с хозяйственными сумками, спокойно беседующих о чем-то своем, а неподалеку у дороги валяются трупы; возчиков, восседающих на телегах, из которых торчат руки и ноги...

Сколько их было — безнадежно молящих глаз, протянутых за подаванием рук, разрушенных надежд. Шестилетняя Таня Покидько сорвала на грядке у соседа, Турки Гаврилы, головку чеснока. Турка избил ее так, что она, добравшись до хаты, умерла. Ее отец Степан, бывший красный партизан, взял четырех уже опухших детей и пошел просить помощи у районного начальства. Получив отказ, он оставил детей в кабинете секретаря райисполкома Полонского, сказав: "Лучше вы их съешьте, чем я буду смотреть, как они мучаются." Детей отдали в интернат, где двое из них вскоре погибли. Степан повесился на березе во дворе райисполкома, а его жена Одарка, съев слишком много лягушек, скончалась.

Соседка семейства, Федорчук, пожалела маленьких Николая (шести лет) и Олю (двух лет) и обещала давать им по кружке молока в день. Однако молока дети не получили. Омелий, глава семьи, сказал жене: "У соседей у всех дети давно уже умерли, а мы будем их кормить. Себя надо, пока не поздно, спасти."

Мальчик 7-8 лет украл на базаре печеную рыбу. Толпа остервенело бежит за ним, догоняет, топчет ногами и расходится только тогда, когда детское тельце перестает дергаться.

Селянин Василь Лучко жил на хуторе Лукашенко Полтавской области с женой Оксаной, дочкой 11 лет и двумя сыновьями — шести и четырех лет. Жена его, энергичная сельская активистка, ездила за продуктами в Полтаву, Миргород. Однажды сосед Василь зашел к нему и увидел, что его старший сын повешен на дверях.

— Шо ты сделал, Василь?

— Повесил хлопца.

- А где другой?
- В кладовке лежит, я еще вчера повесил его.
- Зачем ты это сделал?
- Есть нечего. Ксанка как привозит хлеба, все дает детям, детям. А теперь как привезет, она и мне даст.

Можно бесконечно пересказывать эти истории о людях, потерявших человеческий облик. Как охрана застрелила мать троих детей за то, что женщина воровала по ночам мерзлую свеклу, как ее труп был оставлен для устрашения на улице, рядом с домом. А ее маленькие дети умерли от голода.

Как вдоль железной дороги на коленях стояли крестьяне, крича: "Хлеба, хлеба!" а железнодорожная охрана спускала шторы на окнах, запрещая не только бросить им кусок хлеба, но и просто смотреть на них.

Как на секретаря сельрады села Шиловка Полтавской области напали ночью три людоеда. Секретарь с трудом отбилсь, а утром в домах этих "людей" нашли головы и руки зарезанных детей, чугунки с человеческим мясом.

Сотни очевидцев рассказывают о страшных событиях того времени. В это трудно поверить и невозможно не верить, ибо человеческая фантазия не способна выдумать такое.

Но и обычные истории про добрых, отзывчивых людей, помогавших другим, когда это было возможно, нельзя читать без слез. Вот агроном рассказывает, как он ехал в скором поезде Шепетовка—Баку. На станции Гребенка в вагон сели две крестьянки с детьми. Маленький хлопчик лет четырех, которого мать держала на коленях, заныл: "Мама, кушать..." Женщина посмотрела на ребенка взглядом, исполненным боли, развязала котомку, достала из нее что-то черное, испеченное как коржик, отломала по маленькому кусочку и дала детям. Пассажиры зашевелились, полезли в сумки и чемоданы, доставая у кого что есть.

— Дивись, мамо, хлиб! — закричала девочка, когда кто-то протянул краюшку стандартного клейкого хлеба, который выдавали по карточкам. Дети разом кинулись на него, хотели вырвать каждый себе и есть... только есть. Глаза их загорелись, как у голодных зверят. Это продолжалось одно короткое мгновение. Со всех концов вагона пассажиры несли еду, и в следующую минуту дети уже жадно ели, завистливо глядя на то, что им приносили.

Обе матери не выдержали и разрыдались. Следом заплакали и дети, а потом, наверное, и все женщины в вагоне. Мужчины отворачивались, смахивая слезы. Наступила психическая разрядка, что-то прорвалось. То, что люди думали каждый про себя, передалось всем, овладело целым вагоном.

Женщинам в этой истории повезло. Нашелся сердобольный железнодорожник, который купил им билет, хотя у них не было справок из сельсовета. Но тысячи и тысячи крестьян пешком уходили из родных мест, не смея рассчитывать на железную дорогу. Шли, падали, вставали и опять шли.

Очевидец вспоминает. Народ спешит по своим делам: кто на работу, кто в кино, трамваи ходят, а голодные среди народа ползут — дети, дядьки, дивчины, и кажется — это не люди, какие-то больные собаки или кошки паскудные. Какая-то женщина поползла поперек тротуара, ее дворник ногой ударил, она на мостовую скатилась. И не оглянулась даже, ползет быстро, старается, откуда еще сила. И еще платье отряхивает, запыхалось, видишь.

Некоторым удавалось устроиться на работу на шахтах и на стройках; начальство, нуждавшееся в рабочих руках, порой закрывало глаза на социальное происхождение. Однако многие уже были не пригодны для тяжелого физического труда. Они просили милостыню, собирали объедки, часами выстаивали у домов. Милиция вылавливала крестьян на вокзалах, на рынках, на улице, грузила на машины и увозила. Куда? В не-

которых случаях в совхозы и на другие государственные предприятия, нуждавшиеся в рабочей силе, чаще же всего — просто подальше от города.¹

Многие приезжали в город, чтобы выменять вещи на продукты. Эти мешочки проникали далеко на север, добирались до Москвы, повторяя в обратном направлении маршруты гражданской войны. На железнодорожных станциях их ловили и все отбирали.

Сергей Фурса рассказывает, как на станции Юзовка милиция обыскивала людей и забирала у них все, что находила. У одного крестьянина отобрали пять фунтов крупы и две буханки хлеба. Он умолял оставить их, объясняя, что дома у него больная жена и дети, просил окружающих за него заступиться. Ничего не помогло. Через полчаса он бросился под поезд.

К инженеру Ломака в Брянскую область приезжала сестра. Он покупал ей крупу и муку, и она отвозила их домой на Украину. Один раз на станции Купянск железнодорожная милиция отобрала все продукты. Картошка, посланная багажом, также была конфискована ГПУ.

Но самые страшные трагедии разыгрывались, когда, вернувшись домой, добытки не заставали в живых близких. Смерть царила в селе. Братские могилы на несколько десятков человек выкапывались впрок, — никто не сомневался, что через несколько дней их заполнят и понадобятся новые. Как рассказывает Лев Копелев, телеги, собирающие тела скончавшихся, стали обычной приметой деревенского быта. Будто так и должно быть: ни прощания с покойником родных и близких, ни отпевания. Заботливая власть присылает на дом своих уполномоченных, интересуясь, не помер ли еще хозяин или кто другой из семьи, и если умер, помогает сбросить мертвое тело в большую общую яму.

Что люди ели? Правильнее спросить, чего они не ели. Желуди считались деликатесом; отруби, полова, мороженая свекла, листья сушеные и свежие, древесные опилки — все шло в ход, наполняя человеческие желудки. Кошки, собаки, вороны, дождевые черви и лягушки стали мясным рационом человека.

Весной, когда появилась трава, дизентерия и понос стали даже большей опасностью, чем голод. Но и нормальная человеческая еда грозила искалеченным людям смертью. Один из научных работников Харьковского технологического института, отправленный вместе с группой студентов в село, рассказывает:

“Когда вышли ужинать, со всего села начали сбежаться голодные дети и даже взрослые и просить хлеба или затирки. Студенты, пораженные страшным видом голодных детей, стали давать им куски хлеба и сваренную затирку. Дети и взрослые с жадностью бросились на еду... Через полчаса или час после этого дети, которые после долгого голодания с жадностью наелись хлеба, с криком и плачем стали падать на землю и корчиться от боли. Среди студенток начались истеричные крики... Тогда руководство приказало студентам зайти в помещение школы, а детей отвести в село...”

Пошли в поле полоть буряки. И тут снова несчастье. Колхоз прикрепил к нашей бригаде одного селянина, точить тяпки. Колхозник молча выполнял свое задание до обеда. Во время обеда студенты от щедрого сердца дали ему немало хлеба и вареной каши, не опасаясь беды. Голодный человек хорошо поел, а через какие-нибудь полчаса тут же умер у всех на глазах...”

Люди разучились есть. Еще один свидетель рассказывает, как в большом селе Киевской области выдали весной по килограмму гречки на человека. Люди ели ее, не помолов (да и негде было), а некоторые — прямо сырой. И многие умерли от этого вполне диетического продукта.

Весной для работающих в поле восстанавливается общественное питание. Правда, не везде и в очень ограниченных размерах, так как прошлогодние угрозы по поводу

¹ Факты, приведенные ниже, взяты из воспоминаний людей, переживших те страшные годы. Часть этих воспоминаний опубликована, часть хранится в архивах зарубежных украинских организаций.

”напрасной траты зерна” всем памятно. Так, например, директор райзо Черноусского района приказал перебрать посевной материал и непригодную картошку продать колхозникам. За эту вольность его сняли.

Директор МТС и начальник ее политотдела просили разрешения ввести в ”своих” колхозах общественное питание. За антигосударственные тенденции директора исключили из партии. Положение сельского населения в середине 30-х годов было настолько ужасно, что попавшие в тюрьму считались счастливыми: у них был, хотя и крошечный, но надежный кусок хлеба.

Вот история, рассказанная Иваном Солоневичем — обитателем одного из островов ГУЛАГа в районе Беломорско-Балтийского канала. И он, и другие заключенные сливали остатки щей в кастрюлю, чтобы подкормить ими ребятишек из соседней деревни. Как-то, вернувшись с работы, Солоневич обнаружил, что щи замерзли и превратились в глыбу сплошного льда. ”Я решил занести кастрюлю на кухню, поставить ее на плиту, и когда лед слегка оттает, выкинуть всю эту глыбу вон и в пустую кастрюлю получить свою порцию каши.

Я взял кастрюлю и вышел из палатки. Была почти уже ночь. Пронзительный морозный ветер выл в телеграфных проводах и засыпал глаза снежной пылью. У палаток не было никого. Стайка детей, которые в обеденную пору шныряли здесь, уже разошлась. Вдруг какая-то неясная фигурка метнулась ко мне из-за сугроба, и хриплый, застуженный детский голосок пропищал:

— Дяденька, дяденька, может, что осталось, дяденька, дай...

Это была девочка лет, вероятно, одиннадцати. Ее глаза под спутанными космами волос блестели голодным блеском. А голосок автоматически, привычно, без всякого выражения продолжал скулить:

— Дяденька, дааай!

— А тут только лед.

— От щей, дяденька?

— От щей.

— Ничего, дяденька. Ты только дай. Я его сейчас... отогрею... Он сейчас вытряхнется. Ты только дай...

В голосе девочки звучали суетливость, жадность и боязнь отказа. Я соображал как-то туго и стоял в нерешимости. Девочка почти вырвала кастрюлю из моих рук. Потом она распахнула рваный зипунишко, под которым не было ничего, только торчали голые острые ребра, прижала кастрюлю к своему голому тельцу, словно своего ребенка, запахнула зипунишко и села на снег.

Я находился в состоянии такой оцепелости, что даже не попытался найти объяснение тому, что эта девочка собиралась делать. Только мелькнула ассоциация о ребенке, о материнском инстинкте, который каким-то чудом живет еще в этом иссохшем тельце. Я прошел в палатку отыскивать другую посуду для каши своей насущной.

В жизни каждого человека бывают минуты великого унижения. Такую минуту пережил я, когда, ползая под нарами в поисках какой-нибудь посуды, я сообразил, что эта девочка собирается теплом изголодавшегося своего тела растопить эту полупудовую глыбу замерзшей, отвратительной, свиной, но все же пищи; и что во всем этом скелетике тепла не хватит и на четверть этой глыбы.

Я очень тяжело ударился головой о какую-то перекладину под нарами, и почти оглушенный от удара, отвращения и ярости, выбежал из палатки. Девочка все еще сидела на том же месте, и ее нижняя челюсть дрожала мелкой частой дрожью.

— Дяденька, не отбирай! — завизжала она. Я схватил ее вместе с кастрюлей и потащил в палатку. В голове мелькали какие-то сумасшедшие мысли. Я что-то, помню, говорил, но думаю, что и мои слова пахли сумасшедшим домом. Девочка вырвалась в истерике у меня из рук и бросилась к выходу из палатки. Я поймал ее и посадил на нары. Ли-

хорадожно, дрожащими руками я стал шарить на полках под нарами. Нашел чьи-то объедки, пол-пайка Юрино хлеба и что-то еще. Девочка не ожидала, чтобы я протянул ей все это. Она судорожно схватила огрызок хлеба и стала запикивать себе в рот. По ее грязному личику катились слезы еще не остывшего испуга. Я стоял перед нею пришибленный, полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к самому себе.”¹

Но главной заботой лета 1933 г. была охрана урожая. Ставилась задача сохранить каждое зернышко. Не от птиц или грызунов. От людей. На полях были сооружены дозорные вышки. Конные разъезды притаились в засадах. Сельским жителям не должно было достаться ни одного колоска колхозного хлеба. Страшный закон от 7 августа, грозивший расстрелом за все, не зря был прозван в народе законом о колосках.

Даже с собственного поля колхозник не имел права унести ни одного зернышка. Специальное распоряжение запрещало жатву раньше времени, и вдова — мать шестерых пухнувших от голода детей, срезавшая у себя на огороде несколько колосков, — получила три с половиной года заключения в трудовой колонии. Здесь она и умерла через две недели. Хищение зафиксировали голова сельрады, председатель колхоза и агроном. Они смолотили снопы, взвесили их, затем через несколько дней, когда пшеница дозрела, вновь повторили операцию и определили, сколько граммов зерна государство недополучило (или могло недополучить) из-за преступного желания матери накормить своих детей. Труд государственных чиновников, каждый из которых съел в тот день больше хлеба, чем собиралась несчастная мать скормить своим детям, оправдал себя. Они доказали, что преступные действия вдовы лишили государство 100 граммов причитающегося ему зерна.

Охрана урожая стала делом государственной важности. В операции участвовали не только взрослые, но и совсем маленькие дети. Как утверждал С.Косиор, в то лето 500 тысяч пионеров сторожили поля от своих родителей.

Правда, другие очевидцы рисуют менее патетическую картину.

”Разговаривая друг с другом, усталые колхозники шли с поля. И вдруг, что за явление? На краю деревни они догоняют странное сборище детей, старух и стариков под охраной головы сельрады Зозули Самойло, вооруженного ружьем и пистолетом, верхом на коне. Плетется толпа медленно. Детишки в запачканных, сто раз зашпанных портках и рубашках, все босиком и почти у каждого через плечо котомка, а в ней — вещественные доказательства этих великих преступлений. Важных преступников вышел встречать сам начальник районной милиции Смирнов. ”Тони их всех в сарай, а завтра разберемся, кого куда!” А утром несколько детских трупов похоронная бригада увезла на кладбище. Мертвые уже вне закона.”

ТАСС уполномочен заявить...

Много усилий тратилось на то, чтобы скрыть происходящее. Конечно, о голоде знала вся страна, но правдивой и полной информации ни у кого не было. Н.Хрущев, занимавший тогда высокий пост в Московском горкоме партии, пишет, что достаточно подробно узнал о масштабах голода лишь через несколько лет. П.Григоренко, отправившийся в деревню спасать отца, только там смог оценить весь ужас происходящего.

ТАСС выпустил специальное опровержение, категорически отмечая все сообщения о голоде, появившиеся за границей. Агентство клеймило позором черную клевету на прекрасную советскую действительность. Пришлось решительно ограничить поездки иностранных корреспондентов.

Чтобы скрыть от населения чудовищные подробности голода, дела о людоедстве были изъяты из компетенции обычных судов.²

¹ Иван Солоневич., Россия в концлагере., 1958, стр.161-163.

² Украинский сборник, № 2, 1955, стр. 97.

Харьков
22.5. 1933 г.
№ 17 (198) к

Сов.секретно
Всем нач. облотделов ОГПУ УССР и облпрокурорам.
Копия: Райотделам ОГПУ и райпрокурорам.

Отдел кодификации законов при Наркомюсте СССР письмом своим от ... с.г. за № 175-К разъяснил:

Ввиду того, что существующим уголовным законодательством не предусмотрено наказание для лиц, виновных в людоедстве, а поэтому все дела обвинения в людоедстве должны быть немедленно переданы местным органам ОГПУ. Если людоедству предшествовало убийство, предусмотренное ст.142 УК, эти дела также должны быть изъяты из судов и следственных органов системы Наркомюста и переданы на рассмотрение коллегии ОГПУ в Москве.

Это распоряжение примите к неуклонному исполнению.

Зам.Наркома
ОГПУ УССР *Карлсон*

Прокурор республики
Михайлик

Покров тайны был настолько непроницаем, что даже крупные руководители местного масштаба не были уверены, что в центре представляют себе реальное положение дел. Н.Хрущев вспоминает:

"Микоян рассказал мне, что товарищ Демченко, бывший тогда первым секретарем Киевского обкома партии, однажды приехал к нему в Москву. И вот что Демченко ему сказал: "Анастас Иванович, знает ли товарищ Сталин или хоть кто-нибудь в Политбюро, что делается на Украине? Так если нет, я приведу вам пример, чтобы вы имели об этом хоть какое-нибудь представление. Вот недавно в Киев прибыл поезд, нагруженный трупами людей, умерших с голоду. Это был поезд, подбиравший трупы вдоль железнодорожного полотна от Полтавы до Киева. Мне кажется, что хорошо бы, чтобы кто-нибудь проинформировал товарища Сталина про это положение."¹

Не только секретари обкомов обращали свои взоры на Кремль в это трагическое время. Сотни тысяч людей, ежедневно читавших в газетах о мудром вожде, писали ему в надежде, что он узнает и поможет.

"Я Вас любила и люблю, Иосиф Виссарионович. И я не верю, что Вы допустите, чтобы я погибла в расцвете моей молодости так трагично и бессмысленно от голодной смерти", — пишет комсомолка, ученица 8-го класса, дочь красного партизана из села Стовби-на Долина Харьковской области.

Девочка рассказывает вождю, что у них в доме уже больше месяца нет ни кусочка хлеба. Мы не знаем, умилялся ли товарищ Сталин, читая это наивное детское письмо, или хмурился. Во всяком случае, кусок не застревал у него в горле. Очевидцы вспоминают, что он охотно участвовал в многочисленных кремлевских пирах, вообще вождь человечества всегда любил покушать и не отказывал себе в этом невинном удовольствии. Правда, как свидетельствуют современники, где-то в начале 30-х годов товарищ Сталин перестал спать по ночам.

В заключение приведу маленькую историю о том, как преломились те далекие годы в нашем времени. У матери моего знакомого, живущего в Австралии, обнаружилось психическое расстройство, а, проще, душевная болезнь. В 30-е годы она работала бухгалтером-экономистом в Полтаве. Сейчас она потеряла память, и ее охватил страх. Бедная женщина боится соседей. Ей кажется, что они следят за ней, когда она ест. Она пугается и одновременно испытывает чувство вины: бедные, у них нет своего дома, им нечего есть. Иногда она печет пироги и нарочно ставит их на окно: пусть соседям будет что красть...

Демоны тех далеких и страшных дней терзают душу этой несчастной женщины. Мне кажется, что сегодняшнее советское общество переживает нечто подобное. Оно лишено памяти, но смутное ощущение вины и страха живет в его историческом подсознании. ●

¹ Воспоминания Н.С.Хрущева, Бостон, 1970, стр. 73-74.



Ханна АРЕНДТ

ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ

До сегодняшнего дня нам известны лишь две формы подлинно тоталитарного господства: диктатура национал-социализма после 1933 г. и диктатура большевизма после 1930 г. Эти формы господства радикальным образом отличаются от других форм диктаторского, деспотического или тиранического правления. И хотя они с определенной последовательностью развивались из партийной диктатуры, отличительные черты, придающие им тоталитарный характер, — это нечто новое, не являющееся производным от однопартийной системы. Цель однопартийных систем — не только захватить в свои руки бразды правления, но и, посадив во все правительственные учреждения членов партии, добиться, таким образом, полного слияния государства и партии; тем самым партия после захвата власти превращается в своего рода правительственную пропагандистскую организацию. Такая система является "тотальной" лишь в отрицательном смысле: правящая партия не допускает существования других партий и оппозиции, не допускает свободы политических убеждений. Партийная диктатура, захватив власть, оставляет нетронутыми существовавшие ранее отношения между государством и партией: правительство и армия сохраняют свою силу, и "революция" состоит лишь в том, что все правительственные посты заняты теперь членами партии. Во всех таких случаях власть партии покоится на монополии, гарантируемой государством, и у партии не остается больше собственного центра власти.

Революция, которую после захвата власти начинают тоталитарные движения, отличается куда более радикальной природой. С самого начала эти движения сознательно стремятся сохранить существенные различия между собой и государством, не допустить поглощения правительством своих "революционных" учреждений¹. Проблема захвата государственной машины без слияния с ней решается следующим образом: подниматься по ступенькам государственной иерархической лестницы разрешается только тем членам партии, которые не так важны для "революционного" движения. Вся реальная власть сосредоточивается в учреждениях самого движения, за пределами государственного и военного аппаратов. Именно в недрах самого движения, остающегося активным центром страны, принимаются все решения, — в правительственных учреждениях зачастую даже не знают, что вообще происходит. Тем членам партии, которые рвутся сделать карьеру в правительстве, стать министрами, всегда, без исключения, приходится платить за это "буржуазное" стремление потерей как влияния внутри движения, так и доверия со стороны его руководителей.

Тоталитаризм у власти использует государство в качестве ширмы, фасада, который представляет страну во внешнем, нетоталитарном мире. Тоталитарное государство как таковое является логическим наследником тоталитарного движения, у которого госу-

Глава из книги "Тоталитаризм" (см. "Страна и мир", № 7, 1985 г.).

¹ Гитлер часто говорил о соотношении между государством и партией и всегда подчеркивал, что важнее всего — не государство, а раса, или "объединенное народное сообщество". В своей речи на партийном съезде в Нюрнберге он выразил это в наиболее сжатой форме: "Не государство командует нами, а мы командуем государством". Очевидно, что на практике такая командная сила возможна только, если партия остается независимой от государства.

дарство заимствует организационную структуру. Тоталитарные правители обращаются с нетоталитарными правительствами точно так же, как они обращались с парламентскими партиями или внутрипартийными группировками до захвата власти; они снова сталкиваются — хотя теперь в большем, международном масштабе — с той же двойной проблемой: как защитить вымышленный мир движения (или тоталитарной страны) от столкновения с реальностью и как изобразить для внешнего, нормального мира видимость нормальности и наличия здравого смысла.

Над государством и за фасадом показной власти, в лабиринте бесчисленных учреждений, пронизывающая все слои управления, в хаосе беспорядка, спрятана реальная власть — власть сверхэффективной и всезнающей тайной полиции. Упор на полицию как единственный орган власти и, соответственно, умаление кажущейся большой мощи армии, характерные для всех тоталитарных режимов, могут быть, хотя бы отчасти, объяснены стремлением тоталитарного режима к мировому господству и сознательным пренебрежением различиями между собственной страной и иностранными государствами, между внутренними и иностранными делами. Вооруженные силы, подготовленные для борьбы с внешним агрессором, всегда являлись сомнительным инструментом для гражданской войны: даже в условиях тоталитарного режима вооруженным силам трудно смотреть на свой собственный народ глазами иностранного захватчика. В этом плане, однако, еще важнее то, что даже во время войны значение вооруженных сил становится сомнительным. Поскольку тоталитарный правитель проводит свою политику, исходя из убеждения в возможности создания в конечном итоге мирового правительства, в его глазах жертвы его агрессии являются бунтовщиками, изменниками; поэтому-то он и предпочитает, чтобы захваченными территориями управляла полиция, а не военные.

Еще до захвата власти движение оттаивает систему тайной полиции и шпионскую сеть в различных странах. Позднее агентура за рубежом получает больше денег и располагает большей властью, чем обычная военная разведка.¹ Часто агенты тайной полиции становятся негласными руководителями посольств и консульств за рубежом. Главные задачи такой агентуры — создание "пятых колонн", руководство отделениями движения, влияние на внутреннюю политику соответствующих стран. Агентура за рубежом должна подготовить почву, на которой тоталитарный правитель после свержения законного правительства данной страны или победы в войне сможет открыто вести себя в этой стране как дома. Иными словами, зарубежная агентура тайной полиции — это приводной ремень, с помощью которого видимая внешняя политика тоталитарного государства преобразуется в потенциальную внутреннюю политику тоталитарного движения.

Те функции, которые тайная полиция выполняет для подготовки тоталитарной утопии мирового господства, являются, однако, вторичными по сравнению с тем, что она делает для реализации тоталитарного замысла в своей стране. Господствующая роль тайной полиции во внутренней политике тоталитарных стран в большой мере содействовала возникновению неправильного понимания сущности тоталитаризма. Все деспотические режимы опираются на тайную полицию, больше боясь собственного народа, чем любых зарубежных государств. Эта аналогия между тоталитарным и деспотическим режимами справедлива, однако, лишь для первых этапов формирования тоталитарного правления, когда в стране еще существует политическая оппозиция. Тоталитаризм при этом использует и сознательно поддерживает нетоталитарные заблуждения — какими бы нелестными для режима они ни были. Гиммлер в своей знаменитой речи перед штабом рейхсвера в 1937 г. представил себя в роли обычного тирана, объясняя постоянный рост полиции тем, что в случае войны возникнет "четвертый театр военных действий — внутри самой Германии". Точно так же Сталину, едва ли не в то же самое время, почти что удалось

¹ В 1935 г. зарубежные агенты гестапо получили 20 миллионов марок, тогда как обычная шпионская служба рейхсвера обходилась бюджетом всего в 8 миллионов.

убедить старую большевистскую гвардию, в чьих "признаниях" он нуждался, в существовании военной угрозы Советскому Союзу, в том, что страна находится в чрезвычайном положении, при котором она должна оставаться единой, даже под властью деспота. Самое удивительное, что и то и другое говорилось уже после того, как вся политическая оппозиция была уничтожена, что секретные службы расширились, хотя уже не за кем было шпионить. Когда вспыхнула война, Гимmlеру не пришлось, да и не было необходимости, использовать войска СС в самой Германии, если не говорить об управлении концентрационными лагерями и надзоре за рабским трудом военнопленных. Войска СС в большинстве своем находились на Восточном фронте для выполнения "особых заданий" — как правило, массовых убийств — и для поддержки политики, которая часто шла вразрез с политикой военных и гражданской нацистской иерархии. Подобно советской тайной полиции, подразделения СС прибывали уже после того, как армия "умиротворяла" захваченные территории и справлялась с открытой политической оппозицией.

На первых этапах создания тоталитарного режима тайная полиция и отборные партийные формирования играют, впрочем, такую же роль, что и при других формах диктатуры и при известных террористических режимах прошлого. Чрезвычайная жестокость их методов не находит себе параллели, если говорить об истории современных западных стран. Первая стадия выслеживания тайных врагов и охоты на бывших противников обычно сочетается с вовлечением всего населения страны в открытые организации и превращением старых членов партии в добровольных секретных сотрудников. Таким образом, специально подготовленные кадры полиции освобождаются от необходимости заниматься новобранцами — "сочувствующими", с их сомнительными политическими симпатиями. Именно на этом этапе для того, кто вынашивает "опасные мысли", сосед постепенно становится более опасным врагом, чем настоящий сотрудник полиции. Первый этап заканчивается после ликвидации открытого или тайного сопротивления в любой организованной форме. В Германии это произошло примерно в 1935 г., а в Советском Союзе — около 1930 г.

Террор становится подлинным содержанием тоталитарных режимов только после полного уничтожения настоящих врагов и начала охоты за "объективными врагами". Под предлогом строительства социализма в одной, отдельно взятой стране или использования данной территории в качестве лаборатории для проведения революционного эксперимента, или создания Volksgemeinschaft (народной общности) — тоталитарный режим приступает к осуществлению своей второй заявки, заявки на мировое господство. И хотя теоретически такое господство возможно лишь при условии создания всемирного правительства, тоталитарные режимы на деле показали, что эта часть их утопии может на практике быть доведена до почти полного совершенства, ибо она временно не зависит от поражения или победы. Так, Гитлер даже в период военных поражений мог наслаждаться уничтожением евреев и созданием "фабрик смерти"; каков бы ни был исход войны, без нее никогда не удалось бы "сжечь мосты" и осуществить некоторые цели тоталитарного движения.¹

Отборные формирования нацистского движения и "кадровые работники" большевистского движения служат скорее цели полного господства, чем обеспечения безопасности правящего режима. Точно так же, как претензии на мировое господство лишь внешне напоминают империалистическую экспансию, претензия на тотальное государство лишь кажется знакомой ученому, изучающему деспотию. Если главное различие между тоталитарной и империалистической экспансией заключается в том, что первая не

¹ Это подтверждается тем, что указ об уничтожении всех неизлечимо больных был издан в день, когда началась война, и еще в большей степени — высказываниями Гитлера во время войны, которые приводит в своих дневниках Геббельс: "Война сделала для нас возможным решение целого ряда проблем, которые были бы совершенно неразрешимыми в обычное время"; "как бы война ни повернулась, евреи все равно окажутся в проигрыше".

делает различий между своей страной и чужими странами, то главное отличие деспотической тайной полиции от тоталитарной заключается в том, что последняя не стремится искоренить "опасные мысли" и не использует старый метод секретных служб — метод провокации.

Поскольку тоталитарная тайная полиция "выходит на оперативные просторы" лишь после усмирения страны, ее работа всегда кажется постороннему наблюдателю абсолютно ненужной, — либо, наоборот, приводит его к ошибочному суждению о существовании в стране подпольного сопротивления. В этой ненужности нет ничего нового: секретные службы всегда отчаянно стремились доказать свою необходимость и продолжать работать после того, как они выполнили свою основную, первоначальную задачу. Методы, которыми они для этой цели воспользовались, превращают изучение истории революций в довольно нелегкий труд. Например, во времена Луи Наполеона не было, кажется, ни одного антиправительственного выступления, которое бы не было инспирировано самой тайной полицией. Равным образом роль секретных агентов во всех революционных партиях царской России позволяет со значительной уверенностью предположить, что без провокационных действий агентов, "вдохновлявших" эти партии, развитие русского революционного движения было бы куда менее успешным. Иными словами, провокации в той же степени помогали поддерживать революционные традиции, в какой они мешали подготовке революции.

Эта двойная роль провокации послужила, вероятно, одной из причин того, что тоталитарные режимы отказались от провокаций. Более того, ясно, что провокация необходима лишь тогда, когда одного подозрения недостаточно для ареста и наказания. Никогда ни один из тоталитарных правителей, естественно, не мог и представить себе такое положение, при котором ему понадобилась бы провокация, чтобы арестовать того, кого он считал своим врагом. Существеннее этих технических соображений — тот факт, что тоталитарный режим, еще до захвата им власти, четко определяет своих идеологических противников; полицейская информация для установления категорий "подозреваемых" не нужна. Так, евреев в нацистской Германии или выходцев из дворянства в Советском Союзе и не подозревали в каких бы то ни было враждебных действиях; их объявили "объективными" врагами режима по идеологическим соображениям.

Разница между "подозреваемым" и "объективным врагом" и определяет основное различие между тайной полицией деспотического и тоталитарного государств. "Объективный враг" является таковым не потому, что стремится сбросить правительство, а потому, что самое правительство объявляет его врагом.¹ "Объективный враг" никогда не является лицом, чьи опасные мысли надо выявить, или чье прошлое оправдывает подозрение; он — всегда "носитель тенденций", своего рода "бациллоноситель". Практически тоталитарный правитель поступает как человек, постоянно оскорбляющий другого человека — пока все окружающие не уверятся, что оскорбляемый его враг; такого врага, не вызывая особых подозрений, можно и убить — в порядке самообороны... Без сомнения, это немного грубоватый, но вполне действенный прием — как подтвердит любой, знающий каким образом добившиеся успеха карьеристы устраняли соперников со своего пути.

Введение понятия "объективный враг" играет для функционирования тоталитарного режима гораздо более существенную роль, чем идеологическое определение соответствующих категорий. Если бы речь шла лишь о ненависти к евреям или буржуазным

¹ Ганс Франк, ставший позднее генерал-губернатором Польши, проводил характерное различие между лицом, "опасным для государства", и лицом, "враждебным государству". Первое означает наличие объективных качеств, не зависящих от его воли и поведения. Политическая полиция нацистов была озабочена не только враждебными государству действиями, но и всеми "намерениями — неважно, какова их цель, — которые объективно ставят под угрозу государство" (ср. Deutsches Verwaltungsrecht, SS. 420–430).

элементам, тоталитарные режимы могли бы, ликвидировав одно такое гигантское "преступление", вернуться к нормальной жизни, к нормальному способу правления. Как всем хорошо известно, на практике все происходит как раз наоборот. Понятие "объективных врагов" переживает первых идеологически определенных врагов движения; в зависимости от меняющихся обстоятельств появляются все новые и новые "объективные враги".

Нацисты, предвидя, что "окончательное решение еврейского вопроса" не за горами, предпринимают необходимые предварительные шаги для уничтожения польского народа, а Гитлер планирует даже "децимацию" — уничтожение каждого десятого немца, принадлежащего к определенным категориям.¹ Большевики, начав с бывших дворян, направили всю мощь своего террора на кулаков (в начале тридцатых годов); за кулаками последовали жившие в Советском Союзе поляки (между 1936 и 1938 гг.), потом крымские татары и жители Республики немцев Поволжья — во время войны. После войны наступила очередь бывших советских военнопленных и военнослужащих, находившихся в частях Красной армии за рубежом; после возникновения государства Израиль пришел черед и советских евреев. Выбор таких категорий жертв никогда не бывает полностью случайным; поскольку о них широко оповещают и используют с целью пропаганды движения за рубежом, они должны казаться настоящими врагами. Выбор той или иной категории может даже определяться специфической пропагандистской нуждой движения в целом. Здесь в качестве примера можно вспомнить о внезапном и совершенно беспрецедентном возникновении правительственного антисемитизма в СССР — возможно, эта вспышка антисемитизма должна была вызвать симпатию к Советскому Союзу у его европейских сателлитов. Показательные процессы, на которых от "объективно" определяемых врагов требуется признание вины, также служат этой цели; на таких процессах лучше всего судить тех, кто получил соответствующее тоталитарное "образование", — оно позволяет им "субъективно" понять собственный "объективный" вред; таким образом, они могут сознаться "для пользы дела".² "Объективным противником", по обстоятельствам, может стать любой, и таким образом, ликвидировав одну категорию, можно приступить к ликвидации другой. Эта концепция "объективного противника" точно соответствует фактической ситуации, повторяющейся в тоталитарных странах снова и снова: она показывает, что тоталитарный режим — не государство в любом традиционном смысле этого слова, но движение, на своем пути постоянно сталкивающееся с препятствиями, которые необходимо устранять. Если вообще позволительно говорить о каком-то юридическом мышлении в рамках тоталитарного режима, то центральной идеей такого мышления как раз и является идея "объективного противника".

Изменение положения тайной полиции в тоталитарном государстве тесно связано с этой трансформацией "подозреваемого" в "объективного врага". Секретные службы вполне заслуживали название "государства в государстве" — и не только при деспотических, но и конституционных и полуконституционных правительствах. Уже тот факт, что тайная полиция держит в своих руках секретную информацию, дает ей неоспоримое превосходство над правительственными учреждениями и представляет открытую угрозу членам правительства. Тоталитарная тайная полиция, напротив, полностью подчинена

¹ Еще в 1941 г. во время встречи в штаб-квартире Гитлера было предложено ввести для польского населения те же ограничения, при помощи которых евреев готовили к отсылке в лагеря уничтожения. Предлагалось изменить их имена, если они звучат по-немецки; ввести смертную казнь за половецкие сношения между немцами и поляками (*Rassenschande*), обязать поляков носить знак "P", подобно желтым звездам у евреев.

² Один бывший сотрудник НКВД сказал: "Мои начальники знают меня и мою работу достаточно хорошо. Если сейчас партия и НКВД требуют от меня признаться в таких вещах, у них для этого, должно быть, есть достаточные основания. Мой долг как лояльного советского гражданина — не отказываться от признаний, которых от меня требуют".

воле Вождя, и он один решает, кто окажется следующим потенциальным врагом; он один, как это делал Сталин, может решить, кто из сотрудников тайной полиции будет ликвидирован. Поскольку полиции больше не разрешают использовать провокации, ее тем самым лишают единственного доступного ей средства оставаться независимой от правительства. Сотрудники полиции оказываются в полной зависимости от высших властей, которые могут лишить их работы. Подобно армии в нетоталитарном государстве, тайная полиция в тоталитарных странах всего лишь проводит нужную политическую линию и теряет все prerogatives власти, которыми она обладала при деспотическом бюрократическом режиме.

Задача полиции в тоталитарном государстве — не раскрытие преступлений, а готовность арестовать определенную категорию населения, когда правительство решит это сделать. Главной отличительной чертой тайной полиции в плане политическом является то, что только она одна пользуется доверием высших властей; ей одной известно, какая политическая линия будет проводиться. И речь здесь идет не только о вопросах высокой политики (только сотрудникам ГПУ были известны в начале 30-х гг. подлинные цели советского правительства и только СС знала с начала 40-х гг., что все евреи должны быть уничтожены); условия обыденной, повседневной жизни в тоталитарном государстве таковы, что лишь агенты НКВД на промышленном предприятии знают, чего хочет Москва, когда отдает распоряжение расширить, например, производство труб. Возможно, правительству действительно нужно больше труб, возможно, Москва хочет уничтожить директора завода, или ликвидировать полностью всю заводскую верхушку, или даже сам завод, или, наконец, отдать приказ о расширении производства в масштабах всей страны, чтобы затем получить предлог начать новую чистку.

Одна из причин дублирования работы секретных служб, агенты которых не знают друг друга, заключается в том, что для осуществления полного господства необходима максимальная гибкость. Продолжим наш пример: отдавая приказ расширить производство труб, Москва, возможно, сама пока не знает, чего она хочет — труб, которые в любом случае всегда пригодятся, или же чистки. Дублирование секретной агентуры позволяет в последнюю секунду внести нужные изменения в план — и, таким образом, одни сотрудники готовят представления о награждении директора завода орденом Ленина, а другие — ордер на его арест. Эффективность работы тайной полиции и заключается в том, что такие взаимоисключающие действия могут проводиться одновременно.

При тоталитарном режиме, как и при других режимах, тайная полиция обладает монополией на определенную жизненно важную информацию. Однако при тоталитаризме информация, которой владеет только лишь полиция, претерпевает существенное изменение: полицию не занимает вопрос, о чем размышляют их будущие жертвы (как правило, их не интересует и вопрос, кем эти жертвы окажутся); полиции доверены важнейшие государственные секреты. Это автоматически означает резкий рост значения полиции, ее престижа, — хотя, наряду с этим, и приводит к явной потере реальной власти. Сейчас Вождю лучше известно все то, что может знать секретная служба. Из обладательницы реальной власти тайная полиция скатилась до уровня обычного исполнителя, палача.

С юридической точки зрения еще более любопытной, чем переход от подозреваемых к объективным врагам, является тоталитарная замена подозреваемого правонарушителя возможным преступлением.¹ Возможное преступление не более субъективно, чем

1

Типичной для такой концепции подозреваемого является история, о которой упоминает К.П. Победоносцев (см. "L'Autocratie Russe: Mémoires politiques, correspondance officielle et documents inédits... 1881–1884"). Генерала Черевина из III Отделения попросили вмешаться в пользу дамы, которая почти проиграла судебное дело из-за того, что противная сторона наняла адвоката-еврея. Генерал сказал: "В ту же ночь я приказал арестовать проклятого жида и держать его под арестом как политически подозрительное лицо... В конце концов, не могу же я обращаться одинаково и с моими друзьями, и с грязным жидом, который, может быть, сегодня и не виноват, но был виноват вчера или будет виноват завтра".

объективный враг. В то время как подозреваемого арестовывают потому, что исходя из его личностных особенностей (или предполагаемых личностных особенностей), власти считают его способным совершить определенное преступление, тоталитарный вариант возможного преступления основывается на логическом предвидении объективного развития события. Московские процессы старых большевиков из "ленинской гвардии" и высших руководителей Красной армии являются классическими примерами наказаний за возможные преступления. За фасадом вымышленных фантастических обвинений четко проступает следующее логическое построение: ход событий в СССР может привести к кризису, кризис — к свержению диктатуры Сталина. Это может ослабить вооруженные силы страны; может возникнуть ситуация, при которой новому правительству придется подписать перемирие, а возможно даже и заключить союз с Гитлером. На основании этого Сталин и объявил о существовании заговора с целью свержения правительства и заключения союза с Гитлером. Против этих "объективных", хотя и совершенно невероятных, возможностей выступали лишь субъективные факторы — такие, как преданность обвиняемых режиму, их усталость, неспособность понять происходящее, их твердая убежденность в том, что без Сталина все рассыплется, их искренняя ненависть к фашизму — иными словами, ряд практических деталей, у которых не было, естественно, последовательности, присущей их вымышленному, логичному, возможному преступлению. Основная посылка тоталитарного режима — "все возможно" — приводит, таким образом, путем последовательного устранения всех фактических ограничений, к абсурдному и ужасному следствию — к тому, что любое преступление, о котором могут помышлять вожди, должно быть наказано, — вне зависимости от того, было оно совершено или нет. Возможное преступление, как и объективный враг, находится, естественно, вне компетенции полиции, которая не может ни обнаружить, ни выдумать, ни спрогнозировать его. И в этом случае тайная полиция полностью зависит от властей. Она больше не является "государством в государстве".

Только в одном отношении тоталитарная тайная полиция все еще очень напоминает секретную службу нетоталитарных стран. По традиции, со времен Фуше, тайная полиция наживалась на своих жертвах и могла дополнить свой официальный и разрешенный государством бюджет поступлениями из неофициальных источников — просто беря на себя роль партнера в тех видах деятельности, которые она по долгу службы должна была искоренять (например, азартные игры или проституция). Такие нелегальные способы финансирования — от взятки до откровенного шантажа — играли важную роль в деле освобождения тайной полиции от контроля властей и превращении ее в "государство в государстве". Любопытно отметить, что финансирование деятельности полиции с помощью дохода, получаемого от ее жертв, оказалось самой долговечной чертой работы полиции. В Советском Союзе НКВД почти целиком зависит от рабского труда заключенных — этот труд, похоже, не приносит никакой пользы и не служит иной цели, кроме финансирования громадного аппарата секретной службы. Гиммлер первоначально финансировал свои войска СС, поставлявшие кадры для нацистской тайной полиции, путем конфискации еврейской собственности. Позже он заключил соглашение с министром сельского хозяйства Дарре; согласно этому контракту Гиммлер получал несколько сот миллионов марок, которые Дарре зарабатывал ежегодно, покупая сельскохозяйственные продукты за рубежом по дешевым ценам и продавая их в стране по твердой цене. Конечно, во время войны этот источник регулярного дохода иссяк. Альберт Шпеер, преемник Тодта, и крупнейший работодатель в Германии после 1942 г., предложил Гиммлеру в 1942 г. аналогичную сделку: если Гиммлер согласится освободить из-под контроля СС рабочих, насильно вывезенных в Германию, чей рабский труд оказался крайне неэффективным, то организация Шпеера будет отдавать определенную часть доходов на нужды СС. К таким более или менее обычным источникам дохода

Гиммлер добавил старые методы шантажа, которые секретные службы использовали во время финансового кризиса: подразделения СС создавали группы "друзей СС" там, где они размещались. Эти группы должны были "в добровольном порядке" снабжать необходимыми суммами местных ээсовцев. Следует заметить, что нацистская тайная полиция не эксплуатировала заключенных с целью извлечения дохода. Если не говорить о последних годах войны, когда Гиммлер не решал уже в одиночку вопрос об использовании рабского труда в концентрационных лагерях, работа в них "была абсолютно бессмысленной и преследовала лишь единственную цель — увеличить страдания и муки несчастных заключенных"¹.

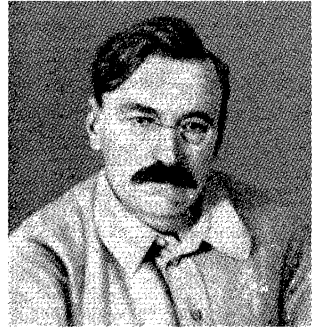
Однако эти финансовые махинации являются единственным и не очень важным остатком традиций тайной полиции. Они становятся возможными из-за общего пренебрежения тоталитарных режимов экономическими и финансовыми проблемами. Поэтому методы, которые в нормальных условиях были бы незаконными и отличали бы тайную полицию от других, более почтенных правительственных учреждений, не означают более, что речь идет об учреждении, пользующемся независимостью, не контролируемом другими властями и живущем в атмосфере грязных сделок, махинаций и риска. Напротив, положение тайной полиции в тоталитарном государстве полностью упрочено. Ее работа целиком входит в работу правительства. Тайная полиция не только не стоит вне закона, она является воплощением закона, а ее престиж — вне всяких подозрений. Она не организуется более убийств по собственной инициативе, не провоцирует преступлений против государства и общества и ревностно выступает против всех форм взяточничества, шантажа и незаконных доходов. Лекция на тему морали, подкрепленная весьма ощутимыми угрозами, какую Гиммлер мог позволить себе прочитать своим людям в разгар войны — уникальна в истории тайной полиции. Гиммлер заявил тогда: "У нас есть моральное право стереть с лица земли евреев, которые стремятся уничтожить нас, но у нас нет права обогатиться при этом каким бы то ни было образом — идет ли речь о меховой шубе, часах, одной марке или сигарете". Полиция, если и занимается еще "опасными мыслями", то об опасности этих мыслей самим подозреваемым ничего не известно. Регламентирование всей интеллектуальной и творческой жизни требует постоянного пересмотра стандартных образцов, что, естественно, сопровождается регулярным истреблением интеллектуалов, чьи "опасные мысли" представляют собой, как правило, определенные идеи, еще вчера бывшие вполне ортодоксальными. Поэтому, если чисто полицейская функция тайной полиции, в принятом значении этого слова, становится ненужной, то экономическая ее функция, которая, как иногда полагают, заменила полицейскую, представляется еще более сомнительной. Нельзя отрицать, что НКВД периодически отправляет определенный процент советских граждан в лагеря, известные под приукрашенным названием исправительно-трудовых. И хотя вполне возможно, что таким образом Советский Союз пытается разрешить проблему безработицы, всем известно, что производительность труда в этих лагерях несравненно ниже, чем на обычном советском заводе. Прибыли от этого труда едва хватает, чтобы оплачивать стоимость полицейского аппарата.

Политическая же функция тайной полиции — этого "наилучшим образом организованного и самого эффективного" из всех правительственных учреждений в аппарате власти тоталитарного режима, не является ни двусмысленной, ни излишней. Тайная полиция представляет собой истинный исполнительный аппарат правительства, через который передаются все приказы. С помощью сети секретных сотрудников вождь тоталитарного режима создает для себя, фигурально выражаясь, приводной ремень, которым управляются исполнительные органы власти. В отличие от многослойной структуры ви-

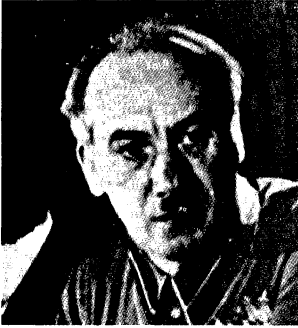
¹ Определенные исключения из этого правила делались лишь для покрытия затрат на содержание самих лагерей и на личные нужды членов СС. По-видимому, экономическую роль концлагеря начали играть только во время войны в результате острой нехватки рабочей силы.



Ф.Дзержинский (1917–1926) и И.Сталин



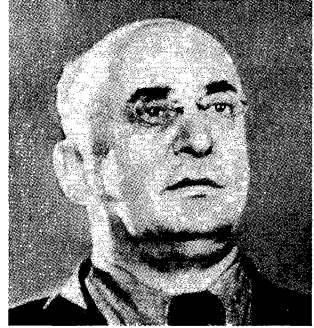
В.Менжинский (1926–1934)



Г.Ягода (1934–1936)



Н.Ежов (1936–1938)



Л.Берия (1938–1946)



И.Серов (1953–1958)



В.Семичастный (1958–1961)



А.Шелепин (1961–1967)

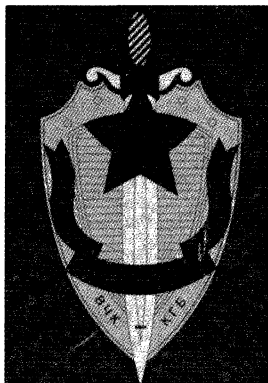


Ю.Андропов (1967–1982)



В.Федорчук (1982) и В.Чебриков (1982–?)

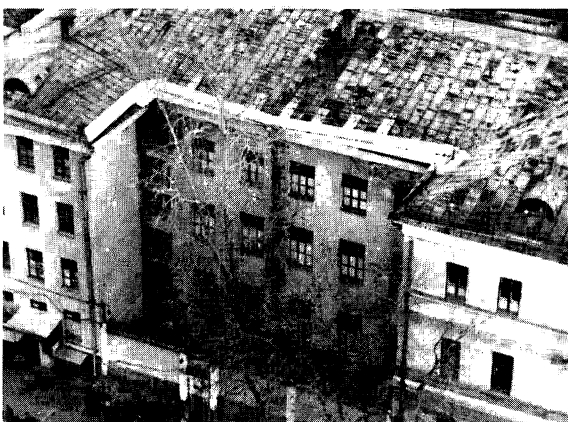
(В скобках – годы пребывания на посту шефа тайной полиции)



Славная эмблема



Площадь Дзержинского
в Москве
Здание КГБ СССР



Вверху: внутренний двор
здания КБ СССР на площади
Дзержинского (снято скрытой
камерой)

Слева вверху: следственный
изолятор КГБ "Лефортово"
(Москва)

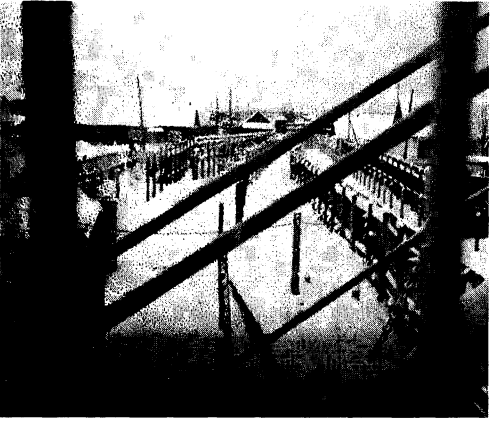
Слева внизу: институт
судебной психиатрии
им. Сербского в Москве.
4-е отделение находится
в ведении КГБ



Здание Краевого Управления КГБ
в г. Красноярске



Бутырская тюрьма (г. Москва)



Политический лагерь в пос. Кучино
Пермской обл.



Лагерь в пос. Нижний Сеймчан
Магаданской обл.



Заклученные в лагере
в г. Шахтерск Донецкой обл.



Заклученные спецсхбольницы
в г. Благовещенск за работой

димой иерархии, это учреждение полностью отделено и изолировано от всех других.¹ В этом смысле агенты тайной полиции представляют собой в тоталитарных странах единственный открыто правящий класс. Их стандарты поведения, их шкала ценностей пронизывают всю ткань тоталитарного общества.

С этой точки зрения неудивительно, что определенные своеобразные черты тайной полиции являются одновременно и общими чертами тоталитарного общества, а не просто особенностями тайной полиции в тоталитарной стране. Все население в тоталитарных условиях подпадает под категорию подозреваемых: каждая мысль, отличающаяся от официально предписанной и постоянно меняющейся генеральной линии, выглядит уже подозрительной, вне зависимости от того, к какой области человеческой деятельности эта мысль относится. Люди, просто в силу их способности мыслить, уже являются по определению подозрительными. Это подозрение нельзя устранить примерным поведением, ибо в способность человека к мышлению входит также и способность изменять свои суждения. Более того: поскольку в принципе невозможно с уверенностью определить, о чем человек думает — в этом отношении попытка является лишь отчаянной и заранее обреченной на неудачу попыткой достичь недостижимого, — подозрение уже невозможно устранить или ослабить. Таким образом, в тоталитарных странах взаимное подозрение пронизывает все социальные отношения и создает удушливую атмосферу даже за пределами непосредственной сферы действия тайной полиции.

При тоталитарном режиме провокация, когда-то специальность исключительно секретного сотрудника, становится методом обращения со своим соседом, методом, следовать которому вынужден каждый, хочет он того или нет. Каждый, так или иначе, является агентом-provokатором по отношению к другому, ибо ясно, что каждый будет считать себя агентом-provokатором, если даже обычный дружеский обмен "опасными мыслями" (или мыслями, которые тем временем стали опасными) станет известным властям. Сотрудничество населения в деле разоблачения политических противников и добровольная служба в качестве "подсадных уток" отнюдь не являются чем-то беспрецедентным. Однако в странах с тоталитарным режимом они так хорошо организованы, что работа специалиста становится практически ненужной. В условиях всеобщей слежки, где каждый может оказаться секретным сотрудником, и каждый чувствует, что за ним постоянно следят, больше того, в условиях, при которых карьера крайне неустойчива, в условиях, где неслыханные подъемы и падения стали каждодневным явлением, — в таких условиях каждое слово становится двусмысленным и может задним числом подвергнуться "истолкованию".

Продвижение по служебной лестнице представляет собой самую яркую иллюстрацию того, насколько методы тайной полиции пронизывают тоталитарное общество. Двойной агент при нетоталитарных режимах служил делу, с которым он должен был бы бороться, почти в такой же, а иногда и в большей, мере, чем власти. Зачастую ему хотелось сделать карьеру и в рядах революционной партии, и в рядах тайной службы. Чтобы добиться этого, ему нужно было лишь принять на вооружение методы, которые в нормальном обществе являются лишь тайной мечтой маленького чиновника, зависящего в своем положении от старших по службе: с помощью своих связей с полицией он вполне может устранить своих соперников и вышестоящих товарищей по партии, а с помощью

¹ Кадры советской тайной полиции в такой же мере находились в "личном распоряжении" Сталина, как кадры войск СС — в "личном распоряжении" Гитлера. И те и другие, даже будучи отправленными в действующую армию во время войны, жили по своим собственным законам. Специальные "законы о браке", которые должны были отделить СС от остального населения, были первыми и наиболее важными установлениями, которые ввел Гиммлер, предприняв реорганизацию СС. Даже до этих гиммлеровских законов, в 1927 г., эсэсовцам было официально запрещено "участвовать в дискуссиях на партийных собраниях". Нечто похожее было и у членов НКВД, которые всегда держались особняком.

своих связей с революционерами он может рассчитывать на устранение своего начальника в полиции. Если посмотреть, как делаются карьеры в современном советском обществе, то совпадение этих методов покажется удивительным. Не только почти все работники номенклатуры обязаны своими нынешними постами чисткам, устранившим их предшественников: во всех учреждениях продвижение по служебной лестнице устроится этим путем. Проводящаяся примерно каждые десять лет в масштабах всей страны чистка освобождает путь новому поколению, недавно пришедшему со школьной скамьи и карьеристски настроенному. Условия для продвижения, которые раньше должен был создавать полицейский агент, теперь создает само правительство.

Такая регулярная насильственная перетряска всей гигантской административной машины, хотя и не дает возможности вырастить компетентные кадры, имеет свои преимущества: она предотвращает стабилизацию условий, которая, по крайней мере в мирное время, чревата опасностью для тоталитарного правления. Устраняя понятия старшинства и заслуг, она предотвращает установление отношений преданности, обычно связывающих молодых сотрудников со старшими, от чьего мнения и доброжелательства зависит их продвижение. В 1939 г., после того, как гигантская чистка в Советском Союзе пришла к концу, Сталин отметил с удовлетворением, что "партия смогла продвинуть на ведущие государственные или партийные посты более чем 500 тысяч молодых большевиков". Унизительный способ продвижения по служебной лестнице путем бесчестного уничтожения своего предшественника оказывает на советского человека такое же деморализующее влияние, какое оказало на немецких интеллигентов устранение евреев. Это унижение делает каждого, занимающего пост, сознательным пособником преступлений правительства, его ставленником — нравится это ему или нет. В результате, чем более чувствителен униженный индивидум, тем ревностнее он будет защищать режим. Иными словами, эта система является логическим развитием принципа Вождя во всей его полноте наилучшей гарантией лояльности, ибо жизнь каждого нового поколения в рамках этой системы зависит от нынешней политической линии вождя, начинающего чистку, которая освободит рабочие места. Система обеспечивает также совпадение общественных и личных интересов (или, в нацистском варианте, отмену сферы личной жизни), которым так гордились защитники Советского Союза, поскольку все существование любого сколько-нибудь выдающегося деятеля полностью зависит от политических интересов режима. Когда же это фактическое совпадение интересов исчезает, и следующая чистка выметает работника из его кабинета, режим принимает меры к тому, чтобы этот работник исчез и из мира живых. Здесь можно провести близкую аналогию с двойным агентом: агент отождествлялся с делом революции (без которой он потерял бы свою работу), а не только с тайной полицией; и в этой области быстрый взлет мог окончиться только безвестной смертью, поскольку маловероятно, чтобы двойную игру можно было вести бесконечно. Тоталитарное правительство, создавая такие условия для карьеры, какие ранее существовали лишь среди отбросов общества, добилось одного из самых далеко идущих изменений в социальной психологии. Психология двойного агента, готового заплатить ценой сокращения жизни за несколько блестящих лет в верхах, по необходимости превратилась в личную философию всего послереволюционного поколения в Советском Союзе; в несколько меньшем, но все еще очень опасном объеме это же произошло в Германии после Первой мировой войны.

В таком обществе, живущем по меркам и с помощью методов тайной полиции, когда-то бывших монополией последней, и работает тайная служба тоталитарных государств. Только на начальных этапах, когда все еще идет борьба за власть, жертвами полиции становятся те, кого можно заподозрить в оппозиции. Тайная полиция начинает затем свою тоталитарную карьеру с преследования объективного врага, которым могут оказаться евреи или поляки (как это было в нацистской Германии), или так называемые "контрреволюционеры" (как это было в СССР). Такими врагами могут оказаться

люди, которые когда-то владели магазином или домом, или "их родители или родители их родителей, владевшие магазином или домом". Ими могут оказаться люди, служившие в одном из оккупационных подразделений Красной армии, или советские граждане польского происхождения. Только в последней и полностью тоталитарной стадии тоталитарное государство отказывается от концепции объективного врага и логически возможного преступления. На этой стадии жертв выбирают наудачу, и, даже ни в чем их не обвиняя, объявляют не заслуживающими жизни. Эта новая категория "нежелательных элементов" может состоять, как в нацистской Германии, из психически больных, или людей, страдающих заболеваниями легких и сердца, или — в Советском Союзе — из людей, случайно попадающих в процент (различный в различных областях), предназначенный к депортации.

Эта постоянная неуверенность отрицает свободу человека более эффективно, чем могла бы сделать любая тирания. При тирании нужно было, по крайней мере, быть врагом ее, чтобы быть ею наказанным. Свобода мнения не была уничтожена для тех, кому хватало храбрости рисковать своей головой. Теоретически и при тоталитарных режимах для оппозиции остается выбор; однако, такая свобода практически ничего не стоит, ибо, совершая добровольно некоторое действие, можно заслужить лишь такое "наказание", какому могут подвергнуться и все остальные. От свободы в этой системе осталась только последняя пока еще, видимо, вообще неустранимая свобода совершения самоубийства; свобода потеряла и свои отличительные черты, поскольку последствия пользования этой свободой точно такие же, от которых страдают и совершенно невинные люди. Если бы Гитлеру хватило времени воплотить в жизнь свою мечту о Всеобщем законе о здоровье немецкого народа, то немцу, страдающему легочным заболеванием, была бы предназначена такая же судьба, как коммунисту в ранние годы нацистского режима и еврею — в поздние годы. Точно так же противник режима в Советском Союзе, разделявший судьбу миллионов людей, посланных в концлагеря для выполнения соответствующей разнарядки, лишь снимал с полиции бремя случайного выбора. Невинный и виноватый оказывались в равной степени нежелательными.

Изменения в понятиях "преступление" и "преступник" определяют новые, ужасные методы тайной полиции в тоталитарном государстве. Преступников наказывают, нежелательные исчезают с лица земли. Все, что от них остается, — это воспоминания тех, кто знал и любил их. Одна из самых трудных задач тайной полиции — добиться того, что даже и эти следы исчезнут вместе с осужденным.

Охранка, предшественница ГПУ в царское время, изобрела, как сообщают, систему личных дел. На большой карточке, в центре ее, в красном кругу помещалось имя подозреваемого. Красные кружки меньшего размера обозначали политических друзей подозреваемого, а зеленые — неполитические знакомства его. Коричневые кружки означали тех, кто находился в контакте с друзьями подозреваемого, но не был известен ему лично. Линии между соответствующими кружками отмечали отношения между друзьями подозреваемого — политическими и неполитическими, — и между друзьями его друзей. Ясно, что ограничения такого метода определяются лишь размерами карточки; теоретически говоря, на гигантском листе можно показать связи всего населения. Это и является утопической целью тоталитарной тайной полиции. Полиция отказалась от своей вековой мечты, которую, как до сих пор полагают некоторые, должен был воплотить в себе "детектор лжи". Она не пытается больше выяснить, кто есть кто или кто что думает. Эта традиционная мечта — читать в душах людей — достаточна ужасна сама по себе, ее следствием с незапамятных времен были пытки и невообразимые жестокости. В оправдание этой старой мечты можно лишь сказать, что она была несбыточной. Нынешняя мечта тоталитарной полиции, оснащенной современной техникой, куда страшнее. Сейчас полиция мечтает, чтобы беглого взгляда на гигантскую карту, висящую на стене кабинета, было бы достаточно, чтобы определить, кто с кем связан и насколько близка эта

связь. Теоретически эту мечту нельзя назвать неосуществимой, хотя ее практическое воплощение окажется делом очень нелегким. Если бы такая карта или схема действительно существовала, то на пути полного господства тоталитарного режима над своими гражданами не стояла бы даже память. Такая карта позволила бы уничтожать людей без малейшего следа, — как если бы эти люди никогда не существовали.

Если доверять показаниям арестованных агентов НКВД, советская тайная полиция подошла к этому "идеалу" настолько близко, что это не может не вызывать страха. В ее сейфах хранятся секретные дела на каждого жителя громадной страны, где тщательно учтены многие связи, существующие между людьми: от случайных знакомств до близкой дружбы или родства. Только для того, чтобы обнаружить эти связи, и допрашивает полиция арестованных с таким упорством, ибо их преступления были в любом случае "объективно" установлены еще до их ареста. И, наконец, если говорить о памяти, столь опасной для тоталитарного режима, то, по мнению иностранных наблюдателей, "советский человек — прямая противоположность слону. Слоны, говорят, никогда ничего не забывают; советская психология сделала возможной исключительную забывчивость".

Чтобы показать, насколько важной для аппарата тоталитарного подавления является проблема бесследного исчезновения жертв, достаточно привести примеры, когда режим, по той или иной причине, сталкивается с памятью выживших. Во время войны один эсэсовский комендант совершил ужасную ошибку — он сообщил некоей француженке о смерти ее мужа в немецком концлагере. Следствием этой ошибки была лавина приказов и инструкций, обрушившаяся на всех комендантов концлагерей. В них подчеркивалось, что никогда и ни при каких обстоятельствах информация о происходящем в лагерях не должна достигать внешнего мира. Муж этой француженки должен был прекратить существование в момент ареста — точнее, в момент ареста он должен был оказаться вообще никогда не существовавшим. Таким же образом офицеры советской тайной полиции, с молоком матери впитавшие в себя советскую систему, могли лишь с нескрываемым изумлением смотреть на тех людей в оккупированной Польше, которые пытались выяснить, что произошло с их арестованными родными и близкими.

В тоталитарных странах все места заключения, где царствует полиция, — это подлинные "черные дыры"; случайно попав в такую дыру, человек исчезает без следа — от него не остается ни тела, ни могилы. Старомодный способ убийств, политических или уголовных, совершенно не эффективен по сравнению с этим новейшим методом уничтожения людей. Убийца оставляет за собой труп, и хотя он пытается замести следы преступления, он не в состоянии истребить память о своей жертве. Тайная же полиция проводит свои операции таким образом, что жертвы ее оказываются чудесным образом как бы никогда не существовавшими.

Связь между тайной полицией и тайным обществом очевидна. Первая всегда приводила в качестве аргумента в пользу необходимости ее создания опасность, исходившую от второго. Тоталитарная полиция впервые в истории не испытывала нужды в том, чтобы пользоваться этим старомодным предлогом всех тиранов. Анонимность ее жертв, которых нельзя назвать врагами режима и которые не известны преследователям до того момента, как правительство росчерком пера устраняет намеченные жертвы из мира живущих, а память о них — из мира ушедших, обеспечивает наивысшую секретность. Такой глубокой тайны не может гарантировать никакое строжайшее молчание, никакое, даже самое величайшее искусство двойной жизни, каковую должны вести члены тайных обществ.

Тоталитарные движения, которые в процессе захвата власти имитируют некоторые организационные черты тайных обществ и в то же время захватывают власть открыто, у всех на глазах, создают подлинное тайное общество лишь после того, как все бразды правления оказываются в их руках. Секретное общество тоталитарного режима — это

тайная полиция. Единственный строго охраняемый секрет тоталитарного государства, единственная тайна, известная лишь посвященным, — это деятельность тайной полиции и условия, существующие в концлагерях.¹ Конечно, населению в целом и членам партии в особенности известны общие факты. Они знают, что концлагеря существуют, что люди исчезают, что невинных арестовывают. В то же время каждый гражданин тоталитарного государства знает, что даже упоминать об этих "секретах" — величайшее преступление. Чтобы что-то с достоверностью знать, человеку необходимо понимание и подтверждение других людей; поэтому этот "секрет", о котором все знают и никто не говорит, теряет черты реальности и превращается просто в кошмар. Только посвященные, те, кто знает, какая категория людей окажется следующей в списке "нежелательных элементов", кто знает, как действуют сотрудники органов, могут говорить друг с другом о том, что на самом деле является реальностью для всех. Они одни могут верить в существующую реальность — это их секрет, и чтобы сохранить его, они и объединились в тайную организацию. Они остаются ее членами и тогда, когда их самих арестовывают, заставляют признаваться и наконец ликвидируют. Пока они хранят тайну — они принадлежат к элите и, как правило, они не выдают этой тайны даже тогда, когда сами сидят в тюрьмах и лагерях.

Мы уже отмечали, что один из многих парадоксов, не укладывающихся, с точки зрения нетоталитарного мира, в рамки здравого смысла, — это кажущееся иррациональным использование тоталитарным государством конспиративных методов. Тоталитарные движения, которые преследуются полицией, очень осторожно пользуются конспиративными методами для свержения правительства и захвата власти. Тоталитарный режим у власти, уже признанный всеми правительствами и, похоже, переросший свой революционный этап, создает в качестве основы власти и правительства подлинную тайную полицию. По-видимому, официальное признание представляется тоталитарному движению большей угрозой для его конспиративной сущности, угрозой внутреннего распада движения, чем проводящиеся спустя рукава полицейские мероприятия нетоталитарных режимов.

Вера тоталитарных вождей в человеческое всемогущество, их убеждение в том, что с помощью организации все достижимо, логически приводит их к постановке таких экспериментов, которые человечество еще никогда не пыталось осуществить, хотя в воображении они и представлялись возможными. Их чудовищные открытия в области возможного вдохновляются идеологической псевдонаучностью. Вожди тоталитарного движения создают секретное общество, которое уже не действует больше открыто, общество тайной полиции, или политических солдат, или идеологически подготовленных борцов, чтобы проводить чудовищные эксперименты в попытке определить границы возможного.

С другой стороны, тоталитарный заговор против нетоталитарного мира, притязание на мировое господство и при тоталитарных режимах, захвативших власть, и в самих тоталитарных движениях, вовсе не является секретом. Практически обо всем этом всем "симпатизирующим" говорится открыто. Им это преподносится в такой форме, как будто весь мир вступил в заговор, направленный против их собственной страны. Каждый гражданин страны, живущий за ее рубежом, рассматривается как секретный агент, обязанный слать домой соответствующие донесения, а каждый иностранец — как шпион своего правительства. Именно для практического воплощения этой дихотомии, а не для сокрытия каких-либо военных или иных секретов и создан "железный занавес", отделяющий жителей тоталитарного государства от остального мира. Подлинный же сек-

¹ "Мало что было несекретным в СС. Величайшим секретом была деятельность концлагерей. Даже сотрудники гестапо допускались в лагеря лишь по особому разрешению". (Eugen Kogon. Der SS-Staat, München, 1946). Арестованные сотрудники НКВД давали подписку не разглашать секретов НКВД.

рет — концлагеря, эти лаборатории, где ставится опыт по достижению тоталитарного господства, — столь же тщательно охраняется от собственных сограждан, сколь и от иностранцев.

Уже многие годы самой надежной гарантией сохранения в тайне массовых преступлений тоталитарных режимов служит нормальность нетоталитарного мира. Нормальные люди не знают, что все возможно, отказываются верить своим глазам и ушам, когда перед ними предстает нечто чудовищное. Тоталитарные режимы могут заходить столь далеко в построении своего перевернутого, искаженного мира еще и потому, что внешний нетоталитарный мир, к которому всегда принадлежит и значительная часть населения самой тоталитарной страны, принимает желаемое за действительное, отказывается взглянуть в глаза подлинного безумия, боится реальности — как "массы" боятся нормального мира. Это в общем нормальное нежелание верить в чудовищное постоянно поддерживается тоталитарными вождями, тщательнейшим образом следящими за тем, чтобы в печати не появлялись проверенные, надежные статистические данные, цифры, факты, чтобы о местах, где находятся погребенные заживо, циркулировали лишь слухи, появлялись лишь ненадежные и не поддающиеся проверке сообщения.

В результате итоги тоталитарного эксперимента известны лишь частично. Хотя у нас есть достаточно сведений из концлагерей, чтобы судить о возможностях полного господства, чтобы краем глаза заглянуть в пропасть "возможного", мы не можем сказать, до какой степени тоталитарный режим способен изменить природу человека. Еще в меньшей степени можем мы судить о том, насколько готовы нормальные люди, окружающие нас, принять тоталитарный образ жизни — иными словами, согласиться прожить более короткую жизнь, но зато осуществить свои карьеристские вождения. Легко понять, до какой степени тоталитарная пропаганда и даже некоторые тоталитарные институты отвечают нуждам новых масс; почти невозможно, однако, сказать, какая часть из них — если они впредь будут подвергаться постоянной угрозе безработицы, — с радостью подпишется под "политикой регулирования населения", состоящей в систематическом уничтожении избытка людей. Почти невозможно сказать, сколько из них, когда они полностью осознают свою растущую неспособность справляться с тяготами современной жизни, с радостью согласятся принять систему, полностью устраняющую собственную инициативу, но зато и всякую ответственность.

Иными словами, хотя мы знаем способы работы и специфические функции тоталитарной тайной полиции, мы не знаем, до какой степени "секрет" этого тайного общества соответствует тайным желаниям и вождениям масс в наше время. ●

МЕЖДУ ПРОЧИМ

"ПРАВДА" ПУТЕШЕСТВУЕТ БЕЗ ВИЗ

64-летний американский издатель Чарльз Кокс из города Сент-Пол в штате Миннесота вышел на пенсию, как все честно проработавшие всю жизнь пожилые люди, но не может сидеть без дела. Гольфа ему недостаточно.

Чтобы занять свой досуг, Кокс намерен выпускать английское издание газеты "Правда". Каждый номер будет в точности воспроизводить русский оригинал — включая мельчайшие заметки. Годовая подписка на английскую "Правду" (точнее, "Truth") будет стоить 630 долларов. Для сравнения — на русский оригинал можно подписаться в США за 34 с половиной доллара.

Уже приглашены опытные переводчики, заключен договор с типографией. Единственное, что смущает издателя, — задержка с доставкой оригинала: иногда после недельного перерыва из СССР прибывает сразу целая пачка газет.

Сообщая об инициативе Ч. Кокса, корреспондент из Сент-Пола пишет: "Издатель сказал, что он не запрашивал разрешения у советских властей, но не встретил никаких возражений, когда обсуждал этот вопрос с ними по телефону". Еще бы. Необходимость запрашивать разрешение у американских властей, естественно, даже не пришла в голову ни издателю, ни корреспонденту. Это только мы удивляемся.

ЖАЖДА ДОБРА

5. Обыкновенное и необыкновенное

С этой точки зрения можно подойти и к сравнению Пушкина с поэтами Запада и прежде всего с олимпийцем Гете, которого Вал. Непомнящий явно имел в виду. Я думаю, что Пушкин и Гете иногда относятся друг к другу, как обыкновенный русский и обыкновенный немец. Гете никогда не написал бы "Гавриилиады". Его полемика с христианством не имеет характера гениального хулиганства. Она продумана и пристойна. Повздорив за картами, Гете не снимал сапог и не бил партнера подошвой по лицу (с Пушкиным случалось). А добываясь близости с женщиной, Гете не писал бы об этом Шиллеру так, как Пушкин Соболевскому (кстати, и немецкий язык к тому менее располагал; но я ведь именно пишу об обыденно-русском и обыденно-немецком). Зато Гете не испытывал мук совести и не рвался с такой силой к сионским высотам. Гете добропорядочнее. В Пушкине больше "широты" (как понимал Достоевский) и мучительных попыток "сузить" себя (и углубить, причаститься к святости). Пушкин вышел на дуэль как бретер и умирал как христианин. Гете (судя по Фаусту) был уверен, что его без покаяния примут на небеса — за душевное величие и гений. Кажется, за это один из моих друзей, поэт Б. Ч., страстно любящий Пушкина, терпеть не может Гете.

Сходство гения с обыкновенным человеком — одна из любимых тем Вал. Непомнящего. Мне хочется повернуть ее по-своему. Это такое же сходство, как подобие человека Богу — или Будде (или народного характера — народному идеалу). То есть метафизически так оно и есть; но практически этого еще никогда не было. Парадокс гения и обыкновенности подобен одному из догматов северного буддизма: "Каждый человек по природе будда; но не каждый это сознает". Почти никто не сознает. И сознание гения приходит как благодать.

Бросается в глаза, что гений, каким мы его находим в истории, не похож на обыкновенность. Гений — это взлет, крылья, благодать Божия. А обыкновенность? Давайте прежде всего выделим из нее нравственную одаренность. Бывает какое-то поразительное чутье к добру и злу. Нравственные гении — очень скромные, незаметные люди, и сами не подозревают о своей необыкновенности. Но это вовсе не средние, не обыкновенные люди. На таких тридцати шести праведниках, по еврейской легенде, мир держится. Великая нравственная харизма — не меньшая редкость, чем великий дар к красоте или истине. А что такое обыкновенность сама по себе? Без нравственных гениев и талантов? Это — безблагодатность. Это неумение са-

мим почувствовать, где красота и где безобразие, где истина и где ложь. Это привязанность к стереотипам (в племенных и крестьянских культурах). А без стереотипов — толпа, стадо, которое вчера пасли пастыри, а сегодня пасет мода. Это —

Старица простая,
Не позабытая с тех пор,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дров, как лепту, на костер.

Это, на сегодняшний день, — массовая культура.

Вал. Непомнящий убежден, что все зло — от "необыкновенных" людей: "Сальери, конечно, человек "необыкновенный"; и если бы Моцарт был хоть немного таким же, все было бы в порядке, Сальери пошел бы "бодро вслед за ним". Но гений мешает ему жить тем, что он обыкновенен. И как у обыкновенного человека у Моцарта есть простой и твердый нравственный ориентир..." ("Поэзия и судьба", стр. 108)

Но разве Гайдн, за которым Сальери бодро шел вперед, не имел твердых нравственных принципов? Моцарт возмущает Сальери совсем другим: его, гуляку праздного, какая-то высшая сила вдруг переносит через пропасти, непреодолимые для посредственности. Это несправедливо. Это возмущает. Замысел убить Моцарта возник у Сальери до фразы о гении и злодействе. В завязке пьесы именно Сальери полон нравственного негодования (нет правды на земле...). Он возмущен Божьим даром бездельнику — даром, опрокидывающим профессиональную этику и в известной мере всякую этику (гений может быть дан грешнику, блудному сыну, в обход сыновей почтительных и трудолюбивых). Непосредственное присутствие Бога опрокидывает ориентиры Справедливости, расшатывает нравственный порядок, установленный Им самим. Гения надо убить, как Авеля, за то, что Бог принял его жертву. Гений недопустим, как Христос в царстве Великого Инквизитора. Моцарт в каком-то смысле вполне бог (ты, Моцарт, бог и сам того не знаешь. Я знаю, я!). Но одновременно он вполне обыкновенный человек (чье божество проголодалось). Гений уверен в своих крыльях и не хлопает ими поминутно, как петух. Пушкин отмечает и это; но он не доказывает, что обыкновенный человек — антоним романтического аморалиста и, следовательно, хороший человек. Бывает и так, бывает и не так. Порок не менее обыкновенен, чем добродетель. У посредственности нет искушения Люцифера: через меня прошла молния! И не подсуден мелочному человеческому суду! Зато есть другие искушения, целая куча искушений и грехов. Мицкевич и Аксаков содрогались от того, как Пушкин говорил о знакомых дамах. Что в этой похабщине необыкновенного? Самая обыкновенная грязь. Но именно в обыкновенной своей ипостаси гений может быть и очень грешен (быть может, всех ничтожней он...). А в необыкновенной — его тянет к высотам, к "вертикали" (но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...). Пушкин в своей необыкновенности, гениальности, Пушкин-поэт гораздо выше "Пушкина в жизни". И не только Пушкин.

И Гете, и Пушкин высоко взлетают над уровнем обыкновенности. Но спускаясь с него, один бывал филистером, а другой в юности доходил до разнузданности, да и в зрелые годы часто срывался. Это потом повторялось и в Толстом, и в Достоевском. Вообще, европейской выдержанности, европейской зрелой формы русскому человеку (и обыкновенному, и необыкновенному) очень не хватает (любимый герой Достоевского — угловатый подросток). Эта незавершенность, неотделимая от величия русской культуры, в конце Петербургского периода, в эпоху его разложения, обернулась пародией в проповеди Гришки Распутина: не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься!

Пушкин больше всех русских гениев достигал европейской завершенности в слове, но гармония его действительно тревожна, неустойчива, все время балансирует на грани дисгармонии. И можно сказать, вместе с Даниилом Андреевым, что личность Пушкина только кажется нам гармоничной — на фоне культуры, которой гармония редко дается:

”Многими исследователями отмечалось уже и раньше, — пишет Д. Андреев, — что гармоничность Пушкина — явление иллюзорное, что в действительности он представлял собой личность, исполненную противоречий и совершавшую сложный и излучистый путь развития, хотя направление этого пути, несомненно, лежало ко все большей гармонизации. Это, конечно, так. Но не менее важно то обстоятельство, что несмотря на эту противоречивость, вопреки, так сказать, фактам, Пушкин был и остается в представлении миллионов людей носителем именно гармонического слияния поэзии и жизни. И эта иллюзия тоже имеет свой положительный смысл (как и тысячи других иллюзий в истории культуры): этот солнечный бог нашего Парнаса, проходящий, то смеясь, то созерцая, то играя, то скорбя, то молясь, у самых истоков русской поэзии, этим самым сближает, в сознании множества, стихии поэзии и жизни, разрушает преграду, отделяющую человеческие будни, жизнь обыкновенных людей от сферы поэтических звучаний, торжественных, заоблачных и бесплотных” (“Роза мира”, кн. 10, “К метаистории русской культуры”, гл. 2, “Миссии и судьбы”).

Таков пушкинский миф русской культуры. А рядом с мифом — Пушкин, раздираемый на части страстями и мучительно недовольный собой.

К счастью, святое вдохновение вовсе не нуждается в том, чтобы мы были безгрешны; достаточно, чтобы грехи наши не были беспросветны, чтобы оставались щели, в которые дух Божий может войти. Эта открытость Духу в Пушкине была. И если бы суждена была ему долгая жизнь, он, наверное, достиг бы большей нравственной цельности. Но судьба решила иначе. Готового нравственного образца нам Пушкин не дает. Только внезапный взгляд в духовное небо: “Гений и злодейство — две вещи несовместные”. И Вал. Непомнящий, из собственной потребности в идеале, достраивает Пушкина нравственно, — примерно как многие пытались дописать неоконченные пушкинские стихотворения. Читаешь и чувствуешь: нет, это не Пушкин! Это — Ходасевич. Нет, это не Пушкин, — это Непомнящий!

6. Этически чистый напиток

В идеализации прошлого (пушкинского, древнерусского и прочего) смешиваются два обмана: один — возвышенный, другой — не очень. Первый обман (или самообман) — от потребности за что-то ухватиться (хоть за соломинку) — в том омуте, в котором мы ежедневно плещемся. Думаю, что именно это увлекает Вал. Непомнящего. Его лекции — прежде всего страстное желание выплыть, вырваться из клоаки. Но кругом кипят другие страсти, потемнее. С конца 60-х годов, когда стало ясно, что делать нечего, выплыл бесплодный и склочный вопрос: кто виноват. Захотелось доказать свое национальное алиби, свалить все зло на эндурцев (как это назвал Фазиль Искандер) и со спокойной совестью опускаться дальше. Вал. Непомнящий не чувствует здесь опасности и не видит необходимости подчеркивать в прошлом России ее *нерешенные* задачи, — а не условные, мгновенные, хрупкие решения, — чувствовать традицию как наследие нерешенных задач, как призыв к нашему собственному уму, к нашей собственной воле — найти решение. Конечно, опираясь на прежние попытки; но не выдавая порывов и начатков за окончанный труд. Видимо, некоторые ошибки здесь неизбежны, и в сторону идеализации, и в противоположную сторону (у меня — в первых частях "Снов").

Исторической оскомине нужен этически чистый напиток. Это, наверное, массовая потребность, и дай Бог, чтоб современные юноши, думая, делать жизнь с кого, делали бы ее с Пушкина — так, как его описал Непомнящий. Но временами идеальный образ выходит каким-то уж слишком идеальным: "В замечательной статье "Судьба Пушкина" (1897), — пишет В. Непомнящий, — Владимир Соловьев осуждает его за гнев, за поединок, за выстрел в Дантеса: все это, — говорит он, — было недостойно человека, который написал "Пророка".

Он не учитывает не только ряда причин, житейских и социальных, по которым иное поведение было для Пушкина совершенно невозможно; не учитывает он также, что в той ситуации, которая сложилась, иное поведение было бы актом не величия, а гордыни; он не учитывает, что смирение тут было бы ложным, надмирное поведение недопустимым: ведь все же не личное тут было столкновение и не личная месть, — это было сражение, битва, это была война за отечество. Пинежане почувствовали это: в их сказе народный гений ведет себя как народный герой" (стр. 125).

Я понимаю Владимира Соловьева и понимаю Ю. М. Лотмана, для которого духовных проблем, волновавших Соловьева, вообще нет, а есть только социальный слой жизни, и в этом слое Пушкин вел бой за утверждение независимости поэта от власти, и своей смертью он бой выиграл — поставил поэта выше Александрийского столпа. Я понимаю, наконец, М. О. Гершензона: "Душа Пушкина под конец была насыщена и готова для драмы, так что пошлейшей интриги оказалось довольно, чтобы взорвать его и испепелить" ("Мудрость Пушкина", М., 1919, стр. 100). "Его кровавый закат был прекрасен. В последний час его врожденная страстность вспыхнула великолепным бешенством, которое теперь еще потрясает нас в истории его дуэли" (там же, стр. 75).

Но Вал.Непомнящего я не понимаю. Каким образом можно идти к христианскому идеалу нравственности через смертный грех? Разве только через сознание греха и покаяние? На смертном своем одре Пушкин это понял. Зачем же двигаться назад и оправдывать порыв гнева, в котором умирающий христианин раскаивается? То, что сказительница с Пинегги смешивает воспитанника Царскосельского лицея со сказочным богатырем и христианство с язычеством, совершенно естественно для нее, но ничего не доказывает (кроме того, что истинное и народное не всегда совпадают).

Не убеждает меня Вал. Непомнящий и в истории женитьбы Пушкина. "Женщин он знал, как никто, и выбор делал безошибочно. Увлечения его были многочисленны. Но для него, больше всего любившего свою несравненную Музу, та или иная земная женщина оказывалась слишком ярко ограничена своей земной определенностью. Его пленяла сама стихия женственности — безбурная, мирно объемлющая и приемлющая, — "гений чистой красоты", чистейшей прелести, чистейшей до безличности, до бесконечности, как снежно-белый лист бумаги под его пером" (стр. 128). На самом деле Пушкин посватался к Олениной, получил отказ, посватался к Наталье Николаевне, получил неопределенный ответ. Пока суд да дело, влюбился в Екатерину Ушакову и посватался к ней. Она любила Пушкина и соглашалась выйти замуж. Но потом (когда Пушкин нарушил ее запрет и пошел к гадалке) взяла свое слово обратно. После отказа Ушаковой Пушкин опять посватался к Гончаровой и женился. Личного выбора немногим больше, чем в истории Эдипа. Выбирала судьба, которая вела Пушкина на Черную Речку.

Но последуем дальше: "Он верил, что это трогательное и чистое существо привяжется к нему: ведь его любили многие.

Но, говорят, она была глуховата к его поэзии.

Это не странно, и это не по глупости или темноте. Не по глухоте, к примеру, у него самого был посредственный музыкальный слух, а у апостола музыки Блока и того хуже. Так часто бывает с поэтами: в них достаточно своей музыки, на другую их уже не хватает. А ее не хватало на поэзию" (стр. 126—127).

Здесь хочется перейти на стихи:

Быть женщиной — великий шаг.
Сводить с ума — геройство...

Как только мы возвращаемся к прозе, напрашиваются возражения. Во-первых, можно ли путать музыкальный слух с любовью к музыке? Слух у меня посредственный и улавливает только простые песенки. А люблю я Баха и Моцарта, которых запоминать не умею. И во-вторых, что означают слова "субстанция женственности" (стр. 126)? Какое-то особое личное обаяние? Но источники об этом ничего не говорят. Не то же ли это самое обаяние, которое привело Додона к Шамаханской царице? Как можно связать то, что Вал. Непомнящий пишет в "Народной тропе", с тем, что тот же Вал. Непомнящий в той же книге, пишет анализируя "Сказку о золотом петушке"? И раскрывая в ней иронию Пушкина над собственной женитьбой?

”Только привычка и продолжительная близость могут доставить мне привязанность Вашей дочери, — писал Пушкин своей будущей теще, — я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом только свидетельство спокойного равнодушия ее сердца. Но сохранит ли она это спокойствие среди окружающего ее удивления, поклонения, покушений? Ей станут говорить, что только несчастная случайность помешала ей вступить в другой брак, более равный, более блестящий, более достойный ее, — может быть, эти речи будут искренни, и во всяком случае, она сочтет их такими. Не явится ли у нее сожаление? Не будет ли она смотреть на меня, как на препятствие, как на человека, обманом ее захватившего? Не почувствует ли она отвращения ко мне? Бог свидетель, — я готов умереть ради нее, но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной завтра же выбрать себе нового мужа, — эта мысль — адское мучение!” (апрель 1830). Насколько это проще и вернее, чем риторика ”Народной тропы”:

”Во встрече его гения с ее красотой была заложена жизненная катастрофа — потому что их союз заключал в себе нечто абсолютное.

В области идеала они абсолютно дополняли друг друга: она стала для него зеркалом красоты его гения. Посягнуть на ее честь значило, в его глазах, посягнуть и на честь его Музы...” (стр. 127) и т. д., и т. п.

Ничего, кроме иронии, это во мне не вызывает. Ни капли того чувства, с которым сердце откликается на четыре слова, с которых Дельвиг начал одно из писем: ”Великий Пушкин, малое дитя!” Или на рассказ о том, как поэт играл с Павликом Вяземским в дураки — визитными карточками. Достоинство фамилий (кто шестерка, кто десятка) было неясно, друзья ссорились, и однажды их застали за детским занятием: Павлик плевал в Пушкина, а Пушкин — в Павлика.

Как уст румяных без улыбки,
 Без грамматической ошибки
 Я речи русской не люблю...

Пушкин без ошибок, без срывов, Пушкин абсолютно серьезный, правильный, образованный — перестает быть Пушкиным.

7. На плахе справедливости

В ”Народной тропе” действительность выгнута в сторону, прямо противоположную ”Прогулкам” Синявского-Терца. Синявский совершенно разрывает человека и поэта, и поэт (Медный Всадник) растаптывает человека (Евгения). Непомнящий (по крайней мере, в ”Народной тропе” — в других статьях такого перегиба нет) полностью втискивает поэта в человека и человека — в нравственный идеал. Каждый поступок приобретает высший смысл, каждое сочинение — четкую мораль: ”Свобода, которую предоставляет Пушкин, распространяется лишь на сферу интеллектуальную и эстетическую; сами же эти формы находятся в виду нравственных ориентиров, которые у Пушкина чрезвычайно определены и тверды” (стр. 106).

Но какая же может быть свобода эстетической или интеллектуальной интерпретации, если нравственный смысл строго задан? Это сразу низводит нас на уровень "идейного смысла". Суть ведь не в том, кем задан, а что задано, что жестко фиксировано. И если фиксировано одно, то фиксировано все. Истина, добро, красота не могут быть совершенно отделены друг от друга. Отграничив, сделав твердой одну из трех великих ценностей, мы непременно внесем жесткость и дебелисть в другие. Выходит какой-то законченный в латы, жесткий, несвободный Пушкин:

"Конечно, в гимне Председателя не все просто: конечно, слова об "упоеании в бою", о "залоге" бессмертия, таящемся в мужественном противостоянии человека смерти, заключают в себе великую правду, но...

— Я был во время жесточайшей холеры 1849 г. в Париже, — пишет Герцен (далее подробно описывается, как нехорошо было в Париже. — Г. П.). — В Москве было не так. — И дальше Герцен с восхищением и гордостью рассказывает о самоотверженности и энтузиазме населения Москвы в борьбе с эпидемией (опять сокращаю десяток строк, решительно не относящихся к делу. — Г. П.).

Теперь мне хочется спросить у тех, кто восторгается поведением Вальсингама, кто путает *философскую констатацию* — пусть глубокую и пронзительную — с *нравственной высотой*: хотели бы они, чтоб грянула чума? И если бы это произошло — стремились бы они по мере сил помочь близким и дальним или проводили бы время как Вальсингам, подводя под это глубокие философские основания и воспевая смерть, поскольку соседство с нею таит в себе залог бессмертия? И не было ли бы первое — силой духа, а второе — стыдно?

Зачем же лгать самим и делать вид, что в искусстве — иная нравственность, чем в обыкновенной жизни? Ни искусство вообще, ни Пушкин в частности оснований для этого не дают. В противном случае ничего "прекрасного" в искусстве не было бы; оно было бы несовершенным, неправильным, лживым, кривым зеркалом жизни и человеческой души. Если бы Вальсингам в финале трагедии не задумался глубоко над собой, он был бы холодным чудовищем, клеветой на человека" (стр. 105—106).

Это — из разбора телевизионной постановки маленьких трагедий. Вал. Непомнящего возмутило то, что гимн чуме был переставлен из середины в финал. Возможно, при этом получился сдвиг от Пушкина к Цветаевой. Но с Цветаевой Непомнящий не спорит, — он признает, что она имела право на "своего Пушкина". Почему же за цветаевского Вальсингама сечь режиссера?

Увлечшись полемикой, Непомнящий не замечает, что его розги оказались слишком длинными. Примерно так Рылеев спрашивал самого автора "Цыган": почему Алеко водит медведя? Зачем он не стал, по крайней мере, кузнецом?

Как это далеко от духа Пушкина — и как опасно близко к позднему Толстому! И пушкинский, и цветаевский Вальсингам внутри поэзии. Поэтична и постановка "Пира" (я сам, к сожалению, не видел ее, но смотрело несколько моих друзей, их приговор единодушен). Обрушиваясь на постановку, Непомнящий теряет интонацию Пушкина (хвалу и клевету приемли

равнодушно), теряет интонацию Моцарта (признавшего свободу интерпретации за слепым скрипачом) и повторяет Сальери:

Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери...

Лучше бы оставить эти повторы Кожинову и Палиевскому...

Нет в искусстве "иной нравственности", но есть взлет над уровнем всякой нравственности. ("Поэзия выше нравственности, или, по крайней мере, совсем иное дело". Пушкин — Вяземскому.) Есть истина, которую можно выразить только метафорой, и недопустимо реализовывать метафору и рассуждать, что следует делать во время эпидемии — ухаживать за больными или песни петь? Это оскорбление поэзии — и оскорбление Пушкина. Кстати, священник вовсе не зовет к организации санитарной службы. Он проповедует покаяние; что, с точки зрения здравого смысла, отразится на эпидемии чумы не больше, чем пение песен.

Если бы Пушкин хотел прямого нравоучения, он, наверное, усилил бы реплики священника, дал бы ему текст, мощный, как призыв шестикрылого серафима. Но почему-то священник оставляется примерно таким, каким его создал Вильсон, и совершенно заново написан гимн чуме. Иначе говоря, в трагедии Пушкина, сравнительно с трагедией Вильсона, усилен не прямой нравственный пафос, а вызов бездны. Видимо, Пушкин считал, что проповедовать в ответ на чуму бесполезно (как бесполезны проповеди друзей Иова перед лицом проказы). Он отвечает песней. И это не против Бога (хотя, может быть, против священника и церкви).

Ну, отбросим чуму, заменим ее другой опасностью — не все ли равно?

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю...
.....
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья,
Бессмертья, может быть, залог...

Это я пережил, читая эти пушкинские строчки. Они шли со мною всю жизнь — не только на войне. Здесь есть призыв к духовному дерзанию. Но, между прочим, — и на войне.

Умом можно вывести что угодно, но на войне ратный труд непременно *вместе* с упоением, а не *вместо*. Это опыт, — поверьте мне на слово. Нет выбора: или песни петь, или стрелять. Попробуйте, подымитесь в атаку без упоения в бою, без какого-то чувства полета над страхом... Ничего не выйдет. Или страх (от которого дрожат руки, немеют ноги и тело не в силах оторваться от земли); или упоение свободы. Так что по крайней мере одно дело без упоения не сделаешь... Да и всякое рискованное новое дело.

Как вы думаете, чего ради Ермак забрался в Сибирь, терские казаки на Терек — неужто из чувства долга? А не из упоения волей? Не из смутного зова — навстречу опасности, навстречу грозящей смерти? А знаете, какую

песню мы чаще всего пели, когда я служил в стрелковом батальоне? Про Ермака. И с особенным чувством:

...Беспечно спали среди дубравы!..

Воевали мы ужасно беспечно. Ни пароля, ни отзыва никогда не знали. Касок не носили. Но во всем этом был какой-то стиль. Стиль бесшабашной игры со смертью. Придавленный военной формой, дисциплиной — но прорывающийся то здесь, то там. И я его чувствовал и любил.

В нравственный пафос Вал. Непомнящего вплетается, может быть, здоровое стремление обойтись без очередной чумы, очередной катастрофы, одними усилиями людей доброй воли. И он сзывает их под знамя Пушкина... Но пока что решающие повороты совершались в России иначе — начинаясь с хаоса, с водопада событий, когда Тюлин, попав в быстрину, вдруг просыпается, начинает энергично грести — и по крайней мере некоторые Тюлины выгребают. Гимн чуме — это любовь к русской исторической судьбе, к "ветру остуженных плоскогорий, ветру тундр, полесий и поморий..." Любовь откликающаяся в "Двенадцати", "Скифах", "Северовостоке", в "Крысолове" Цветаевой, в "Размахе" Д. Андреева. Все эти стихи вышли из Гимна чуме, как реализм из "Шинели". А прямой смысл... Неужели вы, читатель, хотите, чтобы вам рассекли грудь, вынули сердце и вложили кусок угля из котельной? Отчего же вы любите "Пророка"?

Любопытно, что вольное обращение с текстом Вал. Непомнящий в принципе допускает. Он пишет: "Никита Михалков вольно обошелся с "Обломовым" — но он *стремился* к "Обломову". И роман пошел ему навстречу: получилось произведение, в котором передан "идеальный сюжет" романа, его высокий дух" (стр. 92). То есть роман либерального западника Гончарова переосмыслен в славянофильском духе, и это хорошо. А если произошел сдвиг от XIX века к двадцатому, то это плохо. Тогда всякое отступление от буквальной верности тексту — надругательство над классиком.

Я с грустью перечитывал страницы, посвященные телевизионной постановке. Начинаются они прекрасно, с глубокой, умной и верной критики массовой культуры. Так хорошо, что хоть вслух читай. Или (если бы у меня было такое право) рекомендую как пособие во все школьные библиотеки. Временами вспоминается критика повседневности в "Бытии и времени" Хайдеггера. Только у Непомнящего проще и понятнее... И вдруг тонкий, умный автор становится раздражительным и брюзгливым. Ну, что худого в попытке создать композиционное целое, используя "Египетские ночи" как обрамляющую новеллу? Прием классический, старинный, отменно часто использованный во всех литературах. И сравнительно недавно — в монтаже из булгаковского "Мольера" и мольеровского "Дон-Жуана". Помоему, с успехом.

Монтаж маленьких трагедий нельзя считать безусловной удачей (там были промахи; не удался, в частности, Моцарт). Но равнодушия к Пушкину, готовности кромсать текст, как придется, не было. Я не вижу кошунства в том, что народ в массовых сценах несколько напоминает современных алкашей. В течение многих веков Христа изображали в современной

обстановке, сталкивали его не с палестинскими менялами и римскими судьями, а с такими судьями и палачами, которых средневековый художник непосредственно знал и видел. И это было лучше, живее академических полотен XVII века.

Непомнящему, видимо, не один раз возражали: "Конечно, с мастером можно спорить, но, во всяком случае, это *интересно* (стр. 93).

В ответ следует филиппика: "*Это интересно...* Интересно: помнит ли кто-нибудь, доходили ли до кого-нибудь слухи о том, что Пушкин Вяземскому, или Белинский Боткину, или Толстой Страхову, или Блок Белому и т. д., делясь впечатлениями о том или ином произведении, говорил, писал, сообщал, утверждал, что оно не плохо, хорошо, посредственно, гениально, бездарно, правдиво, лживо и т. д. — а что оно *интересно*?" (стр. 93).

Вспышку Непомнящего можно понять. В наши дни слово "интересно" как-то расплодилось. Даже духи на спиритическом сеансе одной даме сказали: "Живите интересно" (ей это очень понравилось). Интересное опасно близко к похоти любопытства (вдохновившей исследователей термоядерных реакций) и ко всем другим похотям. Но, с другой стороны, без опасного интереса к огню мы до сих пор не перешли бы от сырого к вареному. И вся наша научная цивилизация основана на интересном. Отказаться от поворота к интересному совершенно — значит остановить все заводы, поезда, проигрыватели, магнитофоны (без научного интереса к физическим и другим процессам они невозможны). Признаюсь, я лично в первые дни испытывал бы блаженство: какая тишина! Но что бы все мы делали через неделю?

Анафема интересному — романтическая нелепость. Верно, что интересное не может быть высшей ценностью, что оно бессодержательно духовно и морально. Но у него, у этого слова есть смысл; и в своей сфере (интеллектуальной сфере) оно необходимо. О книге, о статье можно сказать: интересная книга, интересная статья. Будит мысль...

Наша цивилизация перегнута в сторону интеллекта, интеллектуальные оценки господствуют над моральными и эстетическими. В том числе и в искусстве. Оно захвачено духом эксперимента, поисками новых поворотов... Что тут можно поделать? Переехать из века науки назад? Машина времени еще не построена. Остается искать цельности духа, в котором интеллект займет свое место *рядом* с нравственным и эстетическим чувством, а не на голове у них. Место служебное по отношению к высшему духу; но само по себе достойное. Иначе говоря, выход я вижу впереди, приняв современность как исходное положение и не возвращаясь назад, к достоинствам интеллектуальной слаборазвитости... Между тем Вал. Непомнящий противопоставляет интеллектуальному засилью моральное. Боюсь, как бы не было хуже. Боюсь жажды добра.

Почему? — спросит читатель. Почему я спорю с людьми, жаждущими правды, а не с мерзавцами? Да потому, что всякое зло начинается с небольшого уклонения в добре. С маленького, незаметного уклонения. А когда оно станет очевидным, тогда почва для философского спора уже исчезла, и начинается другой спор: между прокурором и адвокатом. Мне кажется, что открытый и достойный философский спор — одно из средств против пере-

рождения идеи в злокачественную ткань. Пока идея еще не съела своих адептов живьем и идейные люди остаются хорошими людьми.

"Иной читатель, из самых обыкновенных, — пишет В. Непомнящий, — тех, кто "любит читать", может порой ошеломить нас категорическим: "Чепуха!" по поводу крупного автора или талантливой книги; его конкретные оценки могут быть как угодно странны для нас, и неверны, и ограничены, но одно, как правило, останется для критики неуязвимым: сам ценностный критерий. Суть его — в часто встречающейся оценке: "*справедливая книга*" или "*несправедливая книга*"; иногда с говорящим можно, повторяю, поспорить, но сам принцип непререкаем. В косвенной связи с этим чтение разделяется на забаву для досуга и на то, что нужно и важно для сердца, для жизни, для совести. Критерия "интересного" для такого читателя, в сущности, нет — нет, в общем, так же, как для Белинского, Достоевского или Толстого: гений ближе всего к "обыкновенному" человеку" (стр. 107).

Мне кажется, на Достоевского здесь не стоило ссылаться. Вот на Толстого — это в точку. С людьми, оценивающими книги как несправедливые и справедливые, *всегда* надо спорить. Очень уж резок этот критерий. Книгу неинтересную можно поставить во второй ряд, а несправедливую книгу остается только сжечь. Обыкновенный человек — не такой ангел, каким его представляет В. С. Непомнящий. В обыкновенном человеке дремлет иконоборец, левеллер, Шигалев, уничтожающий то, чего он не понимает. Обыкновенным людям очень нравилось, как Толстой срывает все и всяческие маски. И от похода Льва Николаевича против Шекспира, оперы, литургии и медицины, быть может, не так уж далеко до пролетарской культурной революции. Справедливость — принцип разрушительный. Во имя справедливости Шейлок вправе вырезать у Антонио фунт мяса. "Нет идеи более кровавой, чем идея справедливости", — писал М. Волошин. Чрезмерный акцент на справедливости — болезнь русской культуры, выгиб, уравнивающая другой выгиб — в сторону нравственной беспорядочности. Достоевский грешил многими грехами, но он никогда не пытался подойти к Шекспиру или к Расину с точки зрения незыблемого критерия обыкновенного человека. Начиная с юности, когда писал письмо брату Михаилу, — восхищаясь "Федрой" и "Андромахой", — до статьи "Господин -бов и вопрос об искусстве". В самом деле, справедлива ли "Федра"? Справедлива ли "Наука логики"? "Поэма воздуха"? "Лебединое озеро"? "Чайки над Темзой"? Справедлива "Крейцера соната" Толстого, и из нее совершенно ясно, что Крейцерову сонату Бетховена необходимо запретить.

Если нельзя сводить все оценки к интересному — неинтересному, то почему можно к справедливому — несправедливому? Не то же ли убожество? Как быть с детьми, которые простодушно просят: дай мне что-нибудь интересное почитать? Какой ребенок, в какую бы то ни было эпоху, спрашивал *справедливую* книгу? Только взрослый, ушибленный идеей, съеденный справедливостью. Можно ли считать детей, захваченных своей детской любознательностью, нравственными уродами? Не говорит ли нынешний всеобщий поворот к интересному, помимо всего прочего, о духовном возрасте человечества, о несовершеннолетию полубразованной массы? И как помочь массовому человеку вырасти — созреть — и уже не интересного

искать, а глубокого? Этой задачи раньше не было, потому что научной цивилизации не было, и полуобразованной массы не было, и многого другого не было. Как будущее справится с ней, я не знаю. Но думаю, что мечом справедливости оно не будет действовать.

8. Не печалься, не сердись

Гений и злодейство — две вещи несовместные. Но поэзия выше нравственности или, по крайней мере, совершенно другое дело. Как это понять — не зачеркивая одного ради другого?

Гений и злодейство несовместны. Гений уходит корнями в глубину, где истина, добро и красота нераздельны. Обручившись со злодейством, гений заграждает себе самому путь в эту глубину. Иссекает, вырождается. Но поэзия выше нравственности. Нравственность только охраняет душу — она не творит ее. Береги честь смолоду. Я буду век ему верна. Не пожелай жены ближнего, не укради, не убий — все это плотины, спасающие от стихийных бедствий, но не живая вода. Творит душу поэзия — в самом широком смысле слова. Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия. Поэзия, музыка, Пушкин, Моцарт — все это одно. И этот творящий поток может не укладываться в сложившиеся формы нравственного, может иногда опрокидывать плотины. Все равно, вода — источник жизни для злаков, и поэзия — источник жизни для сердца. Плотины необходимы, их приходится подновлять, и поздний Пушкин не отказывается от этой работы, подновляет добрые старые правила, но если резко поставить вопрос: что важнее, плотина или вода? То конечно — вода.

Когда гений увлекал Пушкина за пределы прямой нравственной заповеди, — он шел за своим гением, оставляя нам нерешенный вопрос и веру, что задача имеет ответ. Эта вера — не решение. Но мы заражаемся от светлого гения (от Пушкина, от Моцарта) его убежденностью, что ответ есть, его доверием к жизни. С этим доверием легче жить, легче идти дальше, — туда, куда Пушкин не заходил (а только *заглядывал* на крыльях гения). Готового ответа нет. Разве Гринев — ответ на Пугачева? Или Евгений — на Медного Всадника? Пушкин вечно открыт новым и новым толкованиям. Эту открытость никак нельзя закрыть, заменить полной нравственной ясностью, заменить гения доброй обыкновенностью.

В Пушкине многое наметилось — но только наметилось, в неповторимом, личном опыте, временами эскизно-легком, взлетающем поверх пропастей, открывшихся в Новое время. Может быть, это возможность синтеза разорванных духовных начал, возможность целокупного духа... Так Пушкина чувствовал Достоевский, так его чувствует Вал. Непомнящий, и в самом главном они правы. Но иногда им кажется, что можно дать правила, рецепт, как перенести взлет целокупного духа в наш разорванный век: смирись, гордый человек, и т. п. А это не выходит. Единственный верный способ возрождения — без всяких правил, через всего себя, неповторимо личной интерпретацией, заведомо не совпадающей с подлинником — и тем не менее подлинной (как подлиннен Пушкин Цветаевой, решительно противоположный Пушкину Непомнящего и все-таки Непомнящим признанный).

Есть Пушкин Достоевского и Пушкин Гершензона, и Пушкин Цветаевой, и Пушкин Непомнящего, и Пушкин Ахматовой, и Пушкин Миркиной, и много других. Интерпретация Непомнящего — живая (это лучшее, что можно сказать). Но в ней есть свои натяжки, свои нелепости; я их выписал. Непомнящий прав, решившись дать волю своему вдохновению; общий дух его книги, несмотря на все натяжки, превосходен и ведет в самые глубины пушкинского мира. Но правота становится неправотой, когда он отказывает в свободе вдохновения другим и не видит ничего пушкинского в постановке, сделанной не по его принципам, да и во всяком чужом решении. Односторонняя истина есть истина, пока она не настаивает на своей единственной истинности. Став самодержавной, любая истина становится ложью.

В интерпретации классики больше, чем где бы то ни было, приходится идти на риск свободы. Практически приходится выбирать между произволом режиссера — цензора (или другого лица, облеченного властью). Первый иногда радуется, иногда огорчается. Человек не равен себе. Большие удачи редки. Но если подходить к тексту не через себя, а по чужой указке, — хотя бы и такого знатока, как Вал. Непомнящий, — то ничего путного не выйдет. Опыт идеологического руководства искусством можно подытожить совершенно однозначно: не радуется. Приходится выбирать между академическим, то есть мертвым Пушкиным и живым — но своевольно прочитанным. Текст можно и не сдвигать с места. Театр на Таганке поставил "Бориса", ничего в словах Пушкина не переменив, но все же спектакль был запрещен... Разумеется, не Вал. Непомнящим. Разницу между Валентином Семеновичем и Демичевым не стоит объяснять. Но логическое следствие всякого самодержавия истины — цензура. И не дай Бог восстанавливать этот бич, изъязвивший Пушкина, — даже ради Пушкина.

Пушкин что-то знает. Но что именно? "Что-то" не может быть отделено от неповторимого пушкинского слова и сразу блекнет, как только утрачен поэтический ритм. Пушкин не годится в Вергилии. Он не ведет читателя через ад нравственных ошибок и чистилище покаяния прямо в рай нравственной чистоты. Такой прямолинейной направленности в творчестве Пушкина нет. Но оно несет в своем истоке примерно то, чем полна музыка Моцарта. После всех наших слов о Пушкине надо сказать (как Фома Аквинский о своей философии): все это солома. Нельзя передать поэзию и музыку тяжелыми и неловкими словами. Мы знаем только одно: с музыкой Моцарта и со стихами Пушкина легче идти по нашей собственной тропке и искать своего собственного решения наших собственных нравственных задач. Не думая, что Пушкин все решил и остается только следовать ему.

В поэзии Пушкина были пророческие взлеты, в которых собственно личное сгорает полностью, без остатка, так что когда поэт остается цел, то это всегда чудо, как Феникс, родившийся из пепла заново. Но общее настроение, которое передает поэзия Пушкина, кажется мне скорее иным, более мягким, не горячим, не жгущим, а теплым, как солнце бабьего лета, позолотившее самую обыкновенную, будничную комнату, или поле, или реку:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет!

Сердце будущим живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Борис ПАСТЕРНАК

"КОГДА Я УМРУ, НЕ ПИШИТЕ ОБО МНЕ КНИГ..."

Письма к Ренате Швейцер

Перевод Р. Орловой

"В первых числах января 1958 года один студент-медик из ГДР вручил мне страницу из еженедельника "Die Zeit" с просьбой сохранить для него, так как он не может везти с собой западные журналы и газеты... Спустя несколько недель, разыскивая какой-то текст, я наткнулась на эту страницу. Мое внимание привлек портрет немолодого мужчины с таким выразительным, таким своеобразным лицом, что я не могла оторваться от него. Я начала читать; статья называлась "Встреча с другой Россией". Быстро пробежав глазами строчки, я принялась читать снова. Это был очерк Герда Руге о Борисе Пастернаке. Автор описывал свою первую поездку в Переделкино и одновременно сообщал о романе "Доктор Живаго", который только что был опубликован в Италии.

Россия! Это слово всегда звучало для меня как волшебное заклинание..."

Так начинается свою книгу "Дружба с Борисом Пастернаком" ("Freundschaft mit Boris Pasternak", 1963) немецкая поэтесса Рената Швейцер (1917—1976), с которой поэт переписывался в 1958—1960 годах, почти до самой своей смерти. Весной 1960 года Р. Швейцер приезжала в Москву и дважды, 17 и 20 апреля, виделась с Б. Л. Пастернаком в Переделкине.

Эпистолярное наследие Пастернака включает тысячи писем. Лишь небольшая часть их опубликована (переписка с М. Цветаевой, Р.-М. Рильке, О. Мандельштамом, А. Эфрон, О. Фрейденберг и др.). Весьма интенсивно переписывался он с зарубежными читателями, переводчиками, издателями. Он писал по-немецки, по-французски, по-английски. В последние два года жизни письма оказываются наиболее значительной частью литературной работы Пастернака. Летом 1958 г. он писал К. И. Чуковскому: "Я не здесь, я весь в событиях, скоро имеющих быть со мной, и в переписке..."

Письма к Ренате Швейцер представляют особый интерес: он сообщает о своей работе, делится впечатлениями о прочитанном, весьма откровенно рассказывает о своей личной жизни, размышляет о музыке, литературе, об искусстве художественного перевода. Подчас письма разрастаются в целые эстетические трактаты; некоторые из них представляют замечательное дополнение к таким работам, как эссе о Шопене или "Замечания к переводам из Шекспира" (см. *Б. Пастернак, Воздушные пути*. М. 1982). Кроме того, читатель найдет в письмах множество подробностей, касающихся романа "Доктор Живаго": его публикации за рубежом, присуждения автору Нобелевской премии и т. д.

После длительного периода изоляции Пастернак стал первым крупным русским писателем, который, живя в СССР, печатался — вне официальных рамок — за границей. Переписка отражает перипетии этого тернистого пути. Пастернаку запрещено встречаться с иностранцами, на дверях дачи вывешено объявление на трех языках: "Борис Пастернак никого не принимает". В феврале 1959 г., в связи с визитом британского премьер-министра Макмиллана, автору "Живаго" предложено не приезжать в Москву. Его издатели, читатели и критики — по ту сторону железного занавеса, он не в силах вмешаться в происходящее и лишен возможности распоряжаться своими гонорарами. Немецкой студентке, пришедшей к нему в гости вопреки всем препонам, он говорит: "Передайте, пожалуйста, привет всем вашим друзьям, скажите им, что я существую только благодаря их доброте"

Наконец, письма к Швейцер — это повесть о любви. Перед нами последний эпистолярный роман Бориса Пастернака: переписка открывается письмом, написанным в больнице, и завершается телеграммой умирающего.

“Когда я умру, не пишите обо мне книг; дайте мне сказать самому!” Этот завет друга Р. Швейцер выполнила, хотя в каком-то смысле и нарушила его, опубликовав свои воспоминания. Книга “Дружба с Пастернаком” включает письма обоих корреспондентов.

Предлагаемый перевод сделан по этой книге. Письма Пастернака публикуются без комментариев; сокращения, к которым автор прибегает в целях конспирации (почти все письма и открытки посылались по обычной почте), расшифрованы в квадратных скобках.

Эта работа была закончена и принята журналом, когда мы узнали о полном переводе книги Ренаты Швейцер, опубликованном в 1965 г. в журнале “Грани”, № 58. К сожалению, эта ценная публикация, осуществленная на высоком профессиональном уровне, стала библиографической редкостью и практически неизвестна даже в эмиграции, не говоря уже о читателях в Советском Союзе. За минувшие 20 лет ряд обстоятельств жизни Б. Л. Пастернака, прежде неизвестных, прояснился, и это позволяет лучше понять рассеянные в письмах намеки. Сказанное дает основание считать новую публикацию писем не только нелишней, но и необходимой. К тому же, как всякое произведение большого художника, они многозначны и допускают различные прочтения и толкования.

I.

3 апреля 1958 г. Переделкино

Дорогая, дорогая госпожа Швейцер,

бесконечно благодарю Вас за такое глубокое, такое трагическое стихотворение “Страстная пятница”, за прелестный, светящийся снимок, за Ваше письмо, исполненное доброты, жизни и поэтического духа. Письмо застало меня в больнице, где я уже второй раз в этом году лежу с мерзко-мучительным заболеванием ног. Поэтому отвечаю лишь открыткой. Но зато в этой форме мой ответ надежнее дойдет до Вас. К сожалению, все мои письма теряются где-то в пути.

Дорогая и глубокоуважаемая госпожа, мне страшно и стыдно, что чрезвычайные преувеличения этой, хотя и прекрасной, талантливой статьи [Руге] ввели Вас в заблуждение настолько, что Вы, ничего не проверяя, с такой щедростью дарите мне богатства своей души. Моя персона приукрашена, мое значение неимоверно, невероятно раздуто. Я не настолько самонадеян, чтобы громогласно и категорически заявлять от имени целого народа: “Мы, мы, русские.” Непременно прочитайте “Доктора Живаго”. Там все глубже, скромнее, ограниченнее, определеннее. Все вертится там вокруг личности.

Вероятно, Вы любили (называю только тех и то, что вам ближе) Шторма, Я.Якобсена, Ибсена, Вагнера, “Мальте [Лауридса Бригге]”, импрессионизм и т.д. У нас после Первой мировой войны тоже существовало новое, высоко вдохновенное искусство и культура. Именно ради этой любви надо идти вперед и дальше в том же направлении, стремясь к ясным

ти, значительности, определенности, но и не теряя поэзии исторической действительности, не теряя тайн и ощущения тайн, даже когда они раскрыты. Я всегда мечтал о том, чтобы проложить этот путь и проделать его. В "Жив [аго]", мне это, кажется, удалось.

Желаю Вам всего самого лучшего.

II.

4 мая 1958

Рената, милый мой друг, Ваш замечательный "Ангел" со мною, стихотворение донесло до меня звук Вашего голоса. Я счастлив, что мой новый друг столь талантлив, что Ваши мысли — подлинные, дышащие действительностью, существенные. Ведь в большинстве случаев люди живут всего лишь подобием чувств.

Мне кажется, что Вы приблизились к самому порогу моей жизни, намереваясь со всей присущей Вам добротой войти в нее. Но не будем спешить. Дайте мне перевести дыхание. Ведь то, что выше всего и всего желанней воздействует на ход времени растущим душевным теплом и страстной сердечностью (не на глазах у всех, не в общественной деятельности, но глубоко внутри и незримо), будет творить и приводить в движение вещи, произведения, факты, направлять и двигать колеса современного образа мыслей.

И ведь ничего еще не произошло, даже "Ж [иваго]" нигде, кроме И [талии], не опубликован, мы еще ничего не дождалась, а я уже отвечаю Вам, непозволительно взволнованный Вашим свободным, щедрым, добрым, далеко разнесшимся призывом, отвечаю непозволительно страстным объятием. Во всяком случае, я уже дошел до того рубежа, что я Вас, как моего друга, в следующем письме познакомлю с двумя-тремя моими ближайшими подругами и помощницами. Простите, что я так бесцеремонно вам навязываюсь, но так же, как я не хочу скрывать Вас от них, так и мне самому нужно, чтобы Вы познакомились со своими непосредственными и достойными соседками. О, как это все глупо, как развязно я себя веду. Моя благодарность Вам безгранична. Ну, а теперь протяните-ка мне обе руки! Вот так. Ваш "Ангел" — чудо. "В моей душе шумит вечность".

Не подписываю открытку, чтобы она вернее до Вас дошла.

III.

7 мая 1958

Я пользуюсь оказией, — хотя пути и далекие, и обходные, — чтобы написать Вам немного больше и немного свободнее. Несколько дней тому назад я вернулся домой из больницы. Нога все еще болит, но приступы реже. В эти дни было много разных гостей, ненужных, непредусмотренных, неожиданных. Я не выношу таких внезапных вторжений, мне дорого

Der Herrnte Herr von H. v. S. v. S. v. S. v. S. Seite 11

R. 1. 57

Ich ergriffe eine Gelegenheit auf den
gen. Anwesen and so ein wenig mehr eine
Freier zu schreiben. Vor einigen Tagen
kam ich von Frankfurt nach Mainz
zurück. Das Pair hat mir noch was,
aber mit einem letzten Anfall.
Ich habe diese Tage einige, gehabt
unruhigste, unruhig. Ich ergriffe
so bald, unvermeidlich, begreifen zu kann
Rechte nicht. Mir ist die Zeit kaum
dann hätte ich Briefe zu Lande
geht die Güte, verte als wertige Briefe,
zum Teil auch an Frankfurt und
Deutschland. Jeder ich von dieser
Reihe zu Ihnen ich werde, etwas ich
viele Ihre Energie. Wollen wir
als Freund sein.

Sie hat eine Güte, sehen Sie.
Ich hat Rige in Absatz Lieber-
sen. Sie war in einem anderen Ich,
ich war also verheiratet, ich habe
Sie in Kampf erworben, zwei Stunden
wären dabei geliebt. Es ist mir
nicht leid: die Güte der Hartung-
keit, der Gefühllosigkeit ist mir nicht
schicklich. Sie Leidenschaftliche Frau
der Frau, ich wenige Geduldheit
in Allen, in Wachen, in Nachen, in
Rausen, in Kindererziehung, hat die
Kein Geduldheit, den Gatten, die

schreibe ich andere, mir und der künftigen
untersuchen, in jünglichen Anzeigen und
Veränderung in Ihren Leben zu: einer so.
wird es haben, die zugehörigen Gefühle,
eines Kindes, eines Kräfte, eines
einer Neugierde im Reich der Be-
kanntheit, die Naturaleinkommen der
Erkenntnis. Jede Gott Hund der alle.

Das Erleben der Bücher wird nicht
mir Freude bringen. Es wird also werden
Angriffe der ruffen. Politisch-ai kann
in die gottlichen, anstehende ..
wegen der zeitlichen, die Natur der
Empfindlichkeit, die Disziplin, die
die Langweiligen, die Langweiligen und der
Platzheit haben. Ich selber werden sie
sich keine Seiten Langweilen und die Rich-
tigkeit der Einwände einander, aber es
die dann nicht hätte. Hatte ich sie
das in Worten zu nehmen. Ich kann sie
wie mich selbst nicht mehr mit den
Lange Jahren, die sind, so ist nicht
ich Ihnen durch die Anzeigen, so ist
ein Bild über die richtigen Dinge,
die dem Jahr hindert so viel Plätze
Maximum zu starten haben, ein mal klar
und einfaches geschrieben werden würde.

Und endlich auch sich nicht zu
Niederlegen, Liebe, immer noch Frau!
Die B. S.

время. Затем я должен был отвечать на письма, хорошие, дорогие мне письма из-за рубежа, некоторые из Франции, из Германии. Когда из этого ряда я перехожу к Вам, я вновь отчетливо вижу Вашу единственность. Итак, будем друзьями.

У меня хорошая красивая жена. Руге описал ее в статье. Она была замужем за другим, я тоже был женат, я ее отвоевал в борьбе, при этом пострадали две семьи. Мне было нелегко, у меня нет дара жестокосердия, бесчувственность — не мой удел. Страстное прилежание моей жены, ее пылкая расторопность во всем, на кухне, в стирке, в уборке, в воспитании детей создала наш домашний очаг, сад, обеспечила образ жизни и распорядок дня, тишину и покой, которые необходимы для работы. Мне не в чем ее упрекнуть. Она достойна любви, благодарности и восхищения. Обманывать ее, скрывать от нее что-то, изменять ей было бы для меня так же невозможно и мучительно, как любящему отцу невозможно обидеть своего ребенка: он заранее знает, что изобразится на его лице, какая боль исказит его черты, и он носит этот мысленный образ с собой, словно фотографию в нагрудном кармане.

И все-таки случилось невообразимое, оно длится и имеет право на существование, оно достойно существовать. После второй войны я познакомился с молодой женщиной Ольгой Всеволодовной Ивинской, но спустя немного времени, не умея переносить раздвоенность и молчаливую, укоряющую печаль жены, принес в жертву эту едва начавшуюся близость и с болью порвал с О.В. Вскоре она была арестована и пять лет провела в тюрьме и концлагере. Ее взяли из-за меня. Тайная полиция считала ее самым близким мне человеком и рассчитывала путем угроз, во время жестоких допросов, добиться от нее показаний против меня, чтобы потом меня уничтожить. Ее героизму и ее стойкости я обязан жизнью, тем, что в те годы меня не тронули. Она — Лара из романа, который я начал писать как раз в это время, с перерывами, в течение которых я работал над переводом "Фауста", "Макбета" и шиллеровской "Марии Стюарт". Она — воплощение радости жизни и самоотверженности. Глядя на нее, не догадаешься, что она испытала в жизни, еще до всего этого. Она тоже пишет, а также обрабатывает подстрочные переводы из наших национальных литератур, превращая их в нормальные рифмованные стихи, как здесь делают те, кто не знает европейских языков. Она посвящена в мою внутреннюю жизнь, в курсе всех моих писательских дел. Во время неприятностей, связанных с "Живаго", а они все еще продолжаются, меня только два раза вызывали, чтобы я лично дал объяснения. Высокое начальство по-прежнему рассматривает О.В. как мою представительницу, готовую принять на себя всю тяжесть ударов и переговоров. Я не судья в вопросах нравственности и не борец против приличий. Рассуждения на тему о "свободной любви" и "праве на чувство", о том, что принято или непринято, вызывают у меня всяческую тошноту. Не в восторге я и от эстетической публицистики в духе Т.Манна или Ромена Роллана. Я полагаю, что предметы, произведения, поступки должны быть представлены в большем количестве, но и более лаконично, должны говорить сами за себя, а не растекаться в длинные и болтливые рассуждения.

Но так как, с одной стороны, признанные формы часто оказываются недостаточными и несостоятельными, а с другой стороны, непризнанные, проповедуя откровенный произвол чувств, именно из-за этой своей заданности, нарочитости своего бунта пусты и театральны, то, быть может, эта стыдливо скрываема, удрученная тем, что ей приходится прибегать к обману, и, несмотря на все меры предосторожности, вновь и вновь узнаваемая, торопливо, урывками дающая о себе знать и сосредоточенная из-за нехватки времени на самом главном внутренняя общность, — быть может, она-то как раз и является самым подлинным, почти абсолютным видом взаимосвязи, духовного притяжения, источником радости и доказательством экзистенциального родства.

Письмо затягивается. Я становлюсь смешон в этой скрупулезности признаний, которые тем более неуместны и чрезмерны, что такие же настроения Вы найдете в романе, выраженные намного естественней и удачней.

Узы духовной, но очень интимной дружбы связывают меня с двумя незаурядными француженками: Элен Пельтье, которая читает лекции по русскому языку и литературе в Тулузском университете, и Жаклин де Пруайяр, заведующей толстовским отделом Славянского музея в Париже. Обе они, вместе с удивительно одаренным поэтом-переводчиком М.Окутюрье и еще одним молодым человеком по имени Мартинес переводят "Живаго" на французский язык для издательства Галлимар.

Не буду больше никогда писать Вам таких длинных неприличных писем. И Вы не тратьте на меня столько душевных сил и времени. Не настолько я тупоумен, чтобы могучий прилив Вашей богатой души, которым Вы ошеломили меня мимоходом, относить на свой счет и считать моей собственностью.

Этот торжествующий порыв Вашей чистой и глубокой сути я приписываю другим событиям и переменам в Вашей жизни, недоступным и незримым для меня и остальных непосвященных: поре высокого, идущего сквозь время успеха, прилива счастья, натиска сил, фазе обновления в царстве случайностей, вероятностей, познания. Да благословит Вас Бог во всем этом.

Появление книги принесет не только радость. Она вызовет и некоторые нападки. Политические — из коммунистически настроенных кругов, эстетические — из-за ее наивности, не соответствующей духу времени, простоты, прозрачности языка, из-за скучных общих мест, даже банальности. Вы сами будете скучать над ее страницами и поймете правильность этих упреков. Так вот, пусть это Вас не огорчает. Не принимайте близко к сердцу. Я не могу больше утомлять Вас и себя длинным письмом, иначе я бы объяснил Вам внятно, почему книга о самых важных вещах, о том, что стоило нашему веку таких потоков крови и такого безумия, почему книга обо всем этом могла быть написана только ясно и просто.

Ну и, наконец, до следующего свидания, дорогая, любимая женщина!

Ваш Б.П.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета
Коммунистической партии Советского Союза

Год основания 1919-г.
№ 302 (14696)

Среда, 29 октября 1968 года

ЦЕНА 30 КОП.

ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМЛ

В преддверии очередного заседания Президиума Высшего Совета Комсомола и Коммунистической партии Советского Союза в Москве состоялось заседание Президиума Высшего Совета Комсомола и Коммунистической партии Советского Союза в Москве.



ШУМИХА РЕАКЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ ВОКРУГ ЛИТЕРАТУРНОГО СОРНЯКА

Началами социалистического коллективизма проникнута вся жизнь советского общества. Давно за деле опровергнута джигва буржуазная легенда, будто социализм враждебен личности, будто он стирал и обезличивает индивидуальности и тормозит творческое развитие оригинальных людей и характеров. Напротив, именно при социализме, именно в атмосфере социалистического коллективизма создаются все условия для полнейшего развития творческой индивидуальности, для расцвета оригиналь-

Советский человек, его литература полностью выходящая в Советском Союзе всегда функционирует в атмосфере социализма.

О действиях члена Союза писателей СССР Б. Л. Пастернака, не совместимых со званием советского писателя

Постановление Президиума правления Союза писателей СССР, Президиума правления Союза писателей РСФСР, Президиума правления Московского отделения Союза писателей РСФСР, Президиума правления Союза писателей РСФСР и Президиума правления Московского отделения Союза писателей РСФСР

Президиум правления Союза писателей СССР, Президиум правления Союза писателей РСФСР и Президиум правления Московского отделения Союза писателей РСФСР

В. Пастернак

"Появление книги принесет не только радость..."

IV.

29 мая 1958

Сначала о самом главном. Настроение и глубокомыслие тех Ваших стихотворений, о которых я не упоминаю, видимые отзвуки тайн Гете в начале и "Сонетов к Орфею" Рильке в конце — все это я пока оставляю в стороне. Назову лишь состоявшееся, высокосвершившееся. "Послание", "Пробуждение", "Могилы", "Тополь", "Дом" (середина стихотворения), "Вера", "Овцы" (не были ли Вы в гостях у своей сестры?), "Столица зимой", отчасти "Туман" и желтые прутья, с которых опадают листья, словно перья, и т.д. — хорошо, очень хорошо, и по-родственному волнует. Меня не оставляло чувство, что я бессознательно обхожу Ваши неудачи, неуместность моего покровительственного тона по отношению к Вам. Я угадал в Вас профессиональную писательницу, это, наверно, мое невежество, что Ваше имя, которое я должен бы знать, мне до сих пор не попадалось. В большом письме я писал Вам о скопившейся за время моей болезни корреспонденции, на которую я должен ответить. Г-н Чаттерджи, индийский философ-историк и биограф Рабиндраната Тагора, просит меня написать, какое место занимал Тагор в моей жизни. Задача для меня довольно неприятная. Увлечение Тагором не коснулось меня, я этот восторг не разделяю. Этот великий человек, это великое имя, эта великая, на протяжении всей жизни, деятельность — для меня не великая поэзия, виною чему, конечно, моя собственная узость и пристрастность в вопросах искусства.

Но дело не в этом. Этот Чаттерджи пишет: "Lovers of poetry in the Western world, among them Yeats, Gilbert Murray, Ezra Pound, Rilke, Hauptmann, Gide, Rolland, Jimenez, Jouve, S c h w e i t z e r etc., welcomed it (Gitanjali) with great excitement..."¹ Уж не Вы ли это, Рената, — или какой-нибудь Ваш однофамилец? Писали ли Вы о Тагоре или переводили его?

Мне, наверное, придется просить, чтобы мне сделали операцию колена (удаление мениска), иначе, видимо, конца этому не будет.

Спасибо за все.

V.

Дорогая Рената,

20 июня 1958

отвечаю Вам с недельным опозданием, извините. Замечание о Гамбурге относилось к Вашему стихотворению "Овцы". Мне показалось, что оно должно было возникнуть в краях Теодора Шторма, когда Вы гостили у Вашей сестры. Мое замечание, конечно, было неясно выражено. Моя открытка была печальна из-за душевной усталости.

Мне все еще грозит опасность нового бесконечного заболевания, которое может возникнуть из-за случайного и неосторожного движения, при каком-нибудь вроде бы беспричинном обострении боли в ногах, а тут еще вновь вторгающиеся в мою жизнь ужасы далекого времени, которое, правда, смягчилось, но произвол остается таким же бессердечным, произвол меня пугает, предостерегает, вплоть до того, что мне угрожают лично; вдобавок, вопреки моему возрасту и недостатку времени, постоянные трения, препятствия и отсрочки замедляют, прерывают или делают невозможным то многое, что мне еще предстоит сделать, препятствуют каждому моему начинанию. Все это если не приводит к полному отчаянию, то все же изнуряет.

Сперва я был очень огорчен, что мое письмо, не попав к Вам (позже я понял причину), застряло где-то по дороге. А теперь я даже рад тому, что многое ненужное и наивное, что в нем было, не попало к Вам на глаза.

У меня к Вам просьба, милый друг. Для меня было в новинку, что существует место, где родился исторический Фауст, что этот герой легенды действительно жил в Вюртемберге и т. д. и т. д. Я получил из тамошнего музея запрос и просьбу: прислать фотографию, автограф, а также изложить мои взгляды на гетевскую поэму. Вместо автографа я набросал три странички на эту тему. Пожалуйста, помогите мне, проглядите их. Стремиться в этом случае к оригинальности безвкусно. Однако не слишком ли пусто и плоско получилось? Если же они более или менее удовлетворительны, то перешлите текст, не исправляя моего смешного, испорченного, до невозможности ломаного немецкого языка. Я не хочу выглядеть даже благодаря Вам лучше, чем я есть. Пошлите господину Карлу Тенсу, Штутгарт, Дегерлох, Альбштрассе 17.

Не знаю, дойдет ли до Вас пакет со статьей, попробуем; может быть, повезет.

1 "Ценители поэзии в западном мире, в том числе Йитс, Гилберт Меррей, Эзра Паунд, Рильке, Гауптман, Жид, Роллан, Хименес, Жув, Ш в е й ц е р и др., приветствовали его (сборник "Гитанджали") с энтузиазмом..." (англ.)

VI.

Моя дорогая Рената,

20 июня 1958

вот приложение, о котором я упомянул во вчерашней открытке. Во всяком случае, разрешите мне повторить: эти торопливые, поверхностные строки о бездонно-глубоком изображении мира, какое представляет собой поэма о Фаусте, написаны для дома-музея в городке Книтлинген. Меня попросили прислать фотографию и какую-нибудь рукопись, я посвятил ее этой теме.

Пускай мой немецкий и муки, которые он Вам причинил, останутся на моей совести. Будьте терпимы к моим варварским оборотам, не исправляйте моих ошибок, я не хочу выглядеть иным, чем я есть. Но если Вам будет стыдно за содержание, за бедность моих мыслей, — тогда не посылайте этого текста, а я поблагодарю Вас за искренность Ваших суждений и расцелую Ваши ручки!

Русское издание "Фауста" я посылаю бандеролью господину Карлу Тенсу (Штутгарт, Дегерлох, Альбштрассе 17). Фотографию я вложил в книгу безо всякой надписи, не знаю, не совершил ли я чего-либо противозаконного.

А теперь... о... о... о, Рената!

Музею Фауста в Книтлингене

"Фауст" Гете — драма чудотворства, волшебное повествование о волшебных предметах. О творчестве, о внутреннем двигателе исторического существования, о чуде творения, которое раздвигает границы пространства, формирует содержание веков, низвергает и возвращает к жизни вновь; о том, что претворяет природу в поэзию, что провидит будущее и являет собой залог его осуществления.

Трагизм и дивная радость личной сопричастности к широчайшим начинаниям человечества — вот что выражено в этой драме. То, что человек наделен властью заклинать духов, подчеркивает, что зерно трагедии — великую личность, одушевленную мощными чувствами и призванную к грандиозным деяниям, следует расценивать как того заслуживает ее победительная, активная суть: как нечто сходное с волшебством, чудотворное и необычайное. Драма возвышает до святости и делает бессмертной гениальность и жажду подвигов, присущую этому порыву и этому устремлению.

Из всех чудес, которые Фауст вместе со своим спутником, на глазах у всех, с помощью черной магии творит при дворе императора, самое высшее — это чудо языка, чудо самого текста.

Почему Шекспир, Гете, греки, еще кое-кто живут долгие века? Что это: наша достойная похвалы почтительность, которую мы оплачиваем их былые заслуги, закрывая глаза на их устарелость и непригодность? Или это секрет их собственной непреходящей способности воздействовать на нас, той способности, которая торжествует над временем и обгоняет поколения, настигает нас в нашем сегодня и, вопреки нашей косности, покоряет нас?

Грозовая, увлекающая за собой речь трагедии звучит так, как будто все это сказано только что: до невероятия сегодняшнее. Поэзия является к нам

собственной персоной, мы присутствуем при этом, мы слышим ее поступь.

Одухотворение обыденной речи, с одной стороны, а с другой — предметность, достигаемая сжатостью и афористичностью языка, образами, аллитерациями, звучанием слов, окрыленностью, ритмом и рифмой, — все это, не говоря о собственно сценическом действии, — само по себе дивное зрелище, редкостное явление, довлеющее себе. Нужно особо сказать о рифме гетева "Фауста", которая далеко обогнала вкусы своего времени, почти дошагала до Рильке, рифме, которая организует фразу и создает новое динамическое содержание, что было совершенно неизвестно прошлому веку.

Переводчикам следовало бы с самого начала уяснить себе, что чем выше поэтическая зрелость оригинала, тем более важную составную часть его ткани образует его победоносность. Добросовестно перевести содержание поэтического произведения и сохранить его форму, не повторив, не воссоздав упомянутой особенности его действия, — значит не сделать почти ничего.

Я переводил первую часть трагедии в осенние и зимние месяцы 1949 года. Затем, после трехлетнего перерыва, во время которого мною было написано начало романа "Доктор Живаго", я снова взялся за перевод "Фауста" и в 1952 г. закончил вторую часть. Работа в целом отняла у меня 15 месяцев: шесть месяцев — первая часть, девять месяцев — вторая.

Переделкино под Москвой,
18 июня 1958 г.

Б. Пастернак

VII.

12 июля 1958

Добрая, умная, пылкая подружка,

как меня снова порадовали Ваш дар восприятия, свежесть Ваших мыслей, Ваша чуткая пронизательность. Конечно, я всем сердцем люблю Вас, как же может быть иначе, но об этом мы с Вами говорить не будем, не правда ли, разве только в том случае, если я, не дай Бог, в третий раз попаду в больницу и там, во мраке и муке, буду нуждаться в сильнойдействующем спасительном источнике.

А мое апрельское письмо все лежит где-то, медлит, и еще некоторое время будет медлить, но если оно в конце концов до Вас доберется, оно расскажет Вам много важного обо мне.

О Фаусте я много читал, Гундольфа, пустые, водянистые, гундосые сочинения Риккертса, издания Э.Шмидта и Р.Петча с обширными комментариями и кое-что еще. Бойтлера я не знаю. Приберегите его для меня, я попрошу его, когда у меня будет время для чтения.

Директору музея захотелось иметь мой автограф. Не нравится мне это бумагопоклонство, я против этого фетишизма. Что же до содержания посланных вам страниц, — все это в полном Вашем распоряжении. Делайте с ними что хотите. Быть может, и в будущем возникнут подобные запросы, — например, для Австрийской национальной библиотеки в Вене я просто переписал несколько отрывков из "Фауста" — оригинал и перевод,

но эта бандероль, так же как мое послание Вам и другие письма, застряла где-то в пути. Но такие механические упражнения меня никак не удовлетворяют, каждый раз, когда будут просить автограф, я буду писать что-нибудь новое, существенное, вроде статьи; и если по-немецки, то позвольте мне и впредь прибегать к Вашему совету, а судьбу написанного предоставлять на Ваше усмотрение, в том числе и вопрос о публикации. Но такое станет возможным лишь после выхода "Ж [иваго]" у Ф [ишера], когда мое имя будет что-то значить и для немецкого слуха.

Д-р Живаго должен на днях появиться в Париже. Увижу ли я книгу? Дойдут ли до меня отклики? Не принесет ли мне этот праздник и горе? Моя автобиография уже тоже вышла по-французски, но заголовок не мой, а придуман издателем.

Отложим до третьей больницы настойчивый и сдерживаемый прорыв к "Ты". Обнимаю Вас. Всерьез, я не шучу. Останемся на Вы. Для Вас я напишу о Рильке и о Прусте.

VIII.

12 августа 1958

Дорогая Рената,

моя нежность к Вам уже давно зашла намного дальше, нежели язык моих писем. Выразительность этих посланий представляется мне искусственно-сдержанной и холодной. Сохраним, однако, эти границы, останемся при них.

По-видимому, одна моя открытка затерялась, но и в тех, что до Вас дошли, я кое-что упустил и кое-что оставил без ответа. В Ваше июльское письмо вложен лепесток жасмина. И я как наяву увидел перед собой летний полдень на Марбургерштрассе, слепящую жару над мостовой, окна овощных и фруктовых лавок, цветущие кусты в маленьких палисадниках на теневой стороне. И сердце мое наполнилось живой, осязаемой действительностью, той, что вокруг Вас.

В это же самое время в нашем саду цвели те же самые цветы.

Тогда я не ответил на письмо, где Вы писали о Вашем желании приехать сюда. Милая сумасшедшая девочка, да если бы Вы только приехали в Москву, то, конечно же, Вам надо было бы сразу сообщить и в ближайшее воскресенье, к двум часам дня приехать к нам в Переделкино к обеду. Я бы кого-нибудь нашел, чтобы Вас встретили (сам я не имею права ходить в посольство) и привезли к нам.

Но что Вы собираетесь со мною предпринять, чего Вы от меня ожидаете, ведь Вы еще не узнали "Ж [иваго]", творение моей крови и плоти. До того, как книга выйдет в издательстве Фишер, до того, как определится ее немецкая судьба, до того времени я хочу и вынужден оставаться для Вас всего лишь бесплотной идеей и должен пока остаться идеей. Чем же я буду Вас завоевывать, чем я Вас привлеку? Потому я и прошу Вас отложить приезд на год. И тогда Вы сами увидите, насколько от этого выиграет наша встреча, ее смысл, ее красота, насколько тогда нужнее будете мне Вы сами, Ваша помощь и Ваши советы.

Тот, кто весной обещал передать Вам письмо, жив. Значит, можно надеяться, что Вы получите апрельские известия в сентябре. Храни Вас Бог в Испании.

Как трогательна и как правильна Ваша русская надпись на конверте.

IX.

15 августа 1958

Все прибыло, чудо-Рената, дайте мне время перевести дыхание, забудьте, что я все получил, что Ван Гог уже заговорил и, понизив голос, совсем близко от меня трагически вещает о земной юдоли.

Не ждите ответа, пока не сообщите, что то самое, нежелательное апрельское письмо получено.

Однако и теперь мне необходимо сказать нечто огорчительное и нечто радостное. Огорчительное — то, что Вы пишете о моей фотографии: для меня это словно нож в сердце. Фотография безбожно приукрашивает и молодит меня, — сколько же я должен это повторять? Это противоестественно — такого родного, такого близкого мне человека, как Вы, вводить в заблуждение с помощью фотографических иллюзий. И все же я не спешу их разрушить, послав Вам более похожую, безобразную мою фотографию: на это у меня не хватает мужества. (Но в следующий раз я это сделаю.)

А теперь радостное. Как во всем, что действительно произошло, а не абстрактно вымечтано, не сочинено, так и в моей к Вам привязанности все неожиданно оправдывается и восхищает. Потому что это закономерное и естественное направление душевного потока.

О том, что Чаттерджи, биограф Тагора, назвал имя Швейцер, я Вам писал, Вы подчеркнули красным карандашом имя Альб [ерта] Швейцера в газетной вырезке. Однако для того, чтобы убедить меня в том, что его интересует не вообще чей-то голос из Советского Союза, а именно мой, Чаттерджи пишет: "I am concerned not only with most people think. I am well aware of the difference in status between, for example, Hermann Hesse and an average German newspaperman... Personally speaking whatever you have to say is infinitely more important to me than what hundreds..."¹ и т.д. Разве это совпадение — не чудо? Могу легко представить себе, что для Вас означало ценнейшее письмо Гессе. Ведь его тепло не остыло и доныне. Как наполняет это красотой и истиной наши отношения, хотя апрельское письмо навсегда введет все в берега и границы.

Не сердитесь, если я на некоторое время умолкну.

X.

16 августа 1958

Сегодня я должен на рассвете ехать в город. Перед этими короткими поездками я всегда плохо сплю.

¹ Меня интересует не просто мнение большинства. Я прекрасно понимаю разницу, допустим, между Германом Гессе и средним немецким журналистом... По правде говоря, что бы Вы ни сказали, Ваши слова для меня бесконечно важнее того, что скажут сотни других (англ.).

Четыре часа ночи. И так же, как только что ночные звезды осыпали ночное небо в немом, высоком, великодушно-робком беспорядке, неравномерно, едва различимо, — так копяся сейчас скупые, разрозненные звуки еще сумрачного дня — тяжело и медленно прорастающего оживления, — крики петухов, протяжные гудки паровозов на двух расходящихся здесь железнодорожных путях, то в отдалении, то как будто совсем близко.

И осень возвещает о себе. Летом и весной тоже кричат петухи и гудят паровозы, сами не зная о чем. А осенью все словно осознается, становится бесконечно более одухотворенным и грустным.

Мне надо приготовить почту для города. С этим письмом я посылаю снимки — похожие и вместе с тем искажающие мой облик.

Будьте спокойны и благополучны, не принуждайте себя ни к чему, не уговаривайте себя. Стихи и успех — это все частности. Все в конце концов приходит, но не в той последовательности, как загадываешь. Главное — это целое. Но целому можно лишь позавидовать.

XI.

31 августа 1958

Эта открытка — всего лишь перечень того, что я оставил без ответа, для меня самого. Настоящий ответ, надеюсь, еще последует. Дела в Париже обстоят чудесней и сказочней, чем я когда-либо мечтал или мог заслужить. Я постоянно ощущаю, что меня принимают за кого-то другого, неожиданно ошибка откроется, и все кончится.

И вот Ваше последнее письмо с вложенными в него лепестками розы. Спасибо, спасибо за все. Но как же я мог прочесть "Nouvelles Littéraires", когда все такие вещи доходят до меня скупо и случайно, какими-то малопонятными обрывками и каждый раз лишь благодаря редкому стечению обстоятельств. Я бы никогда и не подписался на такие вырезки, потому что все время "глядеться в зеркало" противоестественно. Но, конечно, узнать кое-что было бы очень приятно, только вот затруднено новыми порядками нашего почтового надзора. Не очень ли ругают меня Ваши "Nouvelles"?

О стихах Ваших подробно напишу лучше когда-нибудь в другой раз. Но мое суждение, мое восприятие ограничено и односторонне. Самое подлинное и благородное, по-моему, — спокойные, как их называют, описания природы. Например, "Заброшенное поместье", исполненное сдержанного, невысказанного чувства, — когда-то в юности я привык находить и любил это у Рильке, у Ленау, у Брентано. Самое захватывающее и богатое своей подлинностью — это трагические стихи 1943 года, война, вершина этих стихов — видение Бетховена.

Благодарю Вас также от всего сердца за две только что полученные фотографии. Вы засыпаете меня письмами и подарками, но догнать Вас в этом я, простите, не могу.

18 сентября 1958

Дорогая Рената,

как счастлив я, получив твое письмо, спасибо тебе. Как велико, подлинно и правдиво все, что ты пишешь мне, какие радости нам еще предстоят. Скоро ты прочтешь мою книгу. Ты будешь плакать, и это будут единственно правильные, единственно стоящие слезы, *те самые*, которых и я не могу сдержать, когда начинаю или, вернее, пробую читать французский перевод. Представь себе, ты была еще ребенком, еще существовал довоенный мир, чащобы большого города, почти как природа, как лес, напоенный небом, и так хорошо устроенный, приспособленный, рожденный для того, чтобы восторгаться жизнью. Даже просто бродить по улицам было наслаждением, близким к наслаждению искусством, — видеть человеческую толпу, уличное движение, витрины! Железные дороги, путешествия, ночные огни! И богатое, обладающее глубоким внутренним воздействием искусство, какое было, может быть, только в древности или во времена Ренессанса. Мальте Бригге, к примеру, чье высреннее одухотворение творчества отрывается от действительности и остается в стороне, без употребления, словно свет, которым не пользуются. И многое другое, столь же утонченное и неожиданное. И вот всем этим начали распоряжаться, начали наводить свои порядки дворники, наглый топот сапог, что-то немыслимое произошло (у нас и у вас), жертвами и свидетелями которого мы стали, погибло общество, погублены миллионы людей, тысячи городов превращены в развалины. У меня такое чувство, как будто сам я ничего нового не сделал, но мои учителя и предвестники, наши великие романисты (а также скандинавы), написали все это словно бы моей рукой, как будто я возжег свечу Мальте, которая стояла холодной без употребления, и как будто я, со свечом Рильке в руках, вышел из дома в темноту, во двор, на улицу, и пошел среди развалин. Подумай, в "Записках [Мальте Лауридса Бригге]" он часто не умел найти применение своей гениальной проникновенности, — а теперь, видишь: груды, горы поводов к творчеству, которые просто пугают, которые молят о том, чтобы ими воспользовались. Какая это все-таки нешуточная вещь — действительность, как она трагически серьезна, и все же это земная действительность, поэтическая определенность. И не сдержать слез от ужаса и счастья.

Боюсь, что эта открытка написана чересчур вольно, косноязычно, я, наверное, написал не то, но я действительно пишу ее, обливаясь слезами, высокими слезами; может быть, мои ошибки тебя рассмешат. Ты ни о чем не должна сожалеть. Моя близость к тебе (называй ее дружбой или как хочешь) будет стоять рядом с тем, о чем ты, наконец, узнала из письма. Если то, что мы существуем друг для друга, кажется тебе достижением, то это все-таки и дальше будет расширяться и углубляться, не через заверения в искренности чувств, но фактами самой жизни, хоть они и кажутся незаслуженно, сказочно серьезными и многообещающими.

Не пиши мне до тех пор, пока не прочтешь книгу. Увидишь, я был прав.

Доктор Живаго

Продолжение первого письма

- Не может быть. Какая знаменательная подробность!
Неужели правда! Так он был я твоим злым гением? Как это
рождают нас! Просто предопределение какое-то!

- Вот к кому я тебя равную безумно, непоправимо.

- Что ты? Ведь я не только не люблю его. Я его пре-
зираю.

- Так ли хорошо ты всю себя знаешь? Человеческая, в
особенности левая природа так темна и противоречива!

Вспомни-то уголок своего отвержения ты, может быть в боль-

*У Кош (М) ты не была дружна, когда
нам подчинялись у него, чем же свободе о нем писать все
ты любишь ты доброй воле, без принуждения или
своей воле.*

- Как страшно то, что ты сказал. И, по обыкновению,
сказал так метко, что эта противоположность кажется
мне правдой. Во тогда как это утешю!

Страница машинописи романа "Доктор Живаго"
с авторской правкой

XIII.

9 октября 1958

Рената,

что это тебе вздумалось читать роман больше одного раза? Единствен-
ное, что мне от тебя нужно в связи с этим, — чтобы ты мне свободно и
откровенно сказала: читала ли ты его легко, без принуждения, получила ли
ты от чтения удовольствие? Ну и, пожалуй, два-три беглых осуждающих
замечания, для руководства на будущее, если у меня еще осталось в жизни
время написать что-нибудь крупное и серьезное.

Как славно, что ты мне послала эту репродукцию Микельанджело! Позапрошлым летом я написал несколько новых стихотворений, в том числе одно о купающейся женщине, которую зовут Ева. Случайно оно было переведено на французский, в числе других девяти стихотворений, напечатанных в марте 1957 г. во фр [анцузском] журнале "Esprit". Первые четыре строфы о пруде, пловцах, пловчихах т.д. я опускаю и выписываю для тебя три последних.

Femme, ton air et ton regard
Pas un instant ne me déroutent.
D'un gosier que l'émotion barre
L'étranglement te voilà toute.

О, женщина, твой вид и взгляд
Ничуть меня в тупик не ставит.
Ты вся — как горла перехват,
Когда его волнение сдавит.

Tu es faite comme un brouillon,
Un vers d'un autre cycle, ou comme
Si de ma côte pour de bon
On t'eût tirée durant mon somme.

Ты создана как бы вчерне,
Как строчка из другого цикла,
Как будто не шутя во сне
Из моего ребра возникла

Pour aussitôt d'entre des doigts
Fuir, et glisser entre mes paumes,
Toi-même émoi, toi-même effroi,
Et serrement du coeur de l'homme.

И тотчас вырвалась из рук,
И выскользнула из объятий,
Сама — смятенье и испуг
И сердца мужеского сжатье.

Прости меня за это пустое, глупое письмо и не сочти за тщеславие, что я снова возвращаюсь к вопросу о чтении моей книги. Мне бы только понять, принесло ли чтение тебе истинное удовольствие, как это случалось в детстве с немногими знаменитыми книгами, которые обыкновенно окружают начало каждой жизни.

Так как некоторые лица оказали мне большую любезность, мое естественное желание — ответить на их благосклонность подобной же встречной заинтересованностью.

Я сейчас читаю кое-что французское и скандинавское во французских или английских переводах. Книги как книги, серьезные авторы, стиль, изобретательность — но ничего такого, чем можно увлечься. Как совсем по-иному воспринимаешь извержение подлинного творчества! Помнится мне... Чем волшебней написанное, чем мощней вырисовываются черты автора, тем трудней было отделить одно от другого и представить себе как нечто обособленное. Описательно-повествовательный поток струился сквозь века, и главное наслаждение было — нырнуть в эту щедро и шумно несущуюся реку, все равно с какого места на берегу в нее окунешься. Одно место называлось "Преступление и наказание", другое "Домби и сын", третье "Госпожа Бовари", — поток омывал их всех.

Знаешь, лучше я прерву это письмо, чтобы оно ушло к тебе еще сегодня. Я отступил от моего правила — писать для большей надежности только открытки, так что я не очень уверен, что эти бедные, усталые, зевающие строки вообще дойдут до тебя. Тем лучше.

Кое-кто думает, что Н[обелевская] премия этого года может быть присуждена мне. Питаю твердую надежду, что она меня минует и достанется Альберто Моравиа. Ты и представить себе не можешь, сколько тягот, забот

и мучений доставляет мне одно только сомнительное предположение о такой возможности. В жизни бывают такие ситуации, когда лишь некая неподвижность гарантирует равнодушие окружающих. Шаг в сторону — и самые близкие тебе люди обречены на страдания, — ревность, обиды, унижения, огорчения всевозможного рода, и все едва зажившие было раны сердца открываются вновь.

Не вздумай покупать книгу, ты ее получишь от издательства. Мое самое непосредственное будущее, мои виды на завтра настолько смутны, что при одной только мысли об этом начинает болеть голова.

Пусть тебе будет хорошо, будь счастлива и прими мою благодарность за все. ●

Окончание в следующем номере

ПОЧЕМУ БЫЛИ СБРОШЕНЫ АТОМНЫЕ БОМБЫ НА ЯПОНИЮ?

Уважаемый г-н редактор! В восьмом номере журнала автор статьи "Ноль часов атомного века" В.Меникер посвятил целый абзац рассмотрению мотивов, побудивших президента США Трумэна принять решение бомбардировать Хиросиму и Нагасаки.

Автор пишет о том, что был необходим "сильнейший шок", что благодаря бомбе удалось более чем на год сократить войну, избежать "сотен тысяч, если не миллионов, жертв", которых потребовала бы высадка десанта на Японские острова. Погрузившись в психоанализ, весьма далекий от известных фактов, автор далее пишет: "В этом решении, очевидно, сыграло роль и желание отомстить за Перл-Харбор, за позор капитуляции Сингапура и Манилы, за жестокое обращение с пленными солдатами союзников, за бесчеловечный режим оккупации половины Китая..."

Тут автор явно увлекся мелочами и за деревьями не увидел леса. Вряд ли все эти побуждения играли хоть какую-то роль в принятии столь серьезного исторического решения. Оно, это решение, действительно, до сих пор вызывает ожесточенные споры, но "желание отомстить" в качестве мотива атомной трагедии могут выдвигать лишь очень эмоциональные люди. Как ни странно, советская пропаганда подходит ближе к истине, утверждая, что приказ Трумэна был подсказан политическими соображениями (вернее, военно-политическими). Пропаганда СССР не уточняет, какими именно, но намекает, что приказ президента США был началом "политики атомного шантажа". Что же это был за шантаж? Кого собирались шантажировать? В 1945 г. советская армия была самой мощной военной силой в Европе, и США имели все основания опасаться, что эта закаленная в боях и окрыленная победой армия может двинуться на запад до Ламанша. Черчилль вспоминает, что в случае советского наступления он был готов раздать оружие немецким военнопленным. Другого средства отразить натиск с Востока у него, по-видимому, не было. Трумэн же располагал более эффективным и впечатляющим оружием устрашения потенциального агрессора, и города Японии были избраны местом, где эффект этого оружия был наглядно продемонстрирован. Советское вторжение в Западную Европу не состоялось, и теперь можно лишь гадать о том, в какой мере великое кровопролитие на территории нынешней Западной Германии или Франции было предотвращено беспрецедентно смелым, хотя и крайне жестоким решением Трумэна.

Этот важнейший мотив выпал из поля зрения автора статьи "Ноль часов атомного века", что весьма существенно искажает политический смысл события, да и всю историческую перспективу.

Сергей Пирогов (Мюнхен)

Уважаемый г-н Пирогов,

Вы справедливо отмечаете, что советская пропаганда характеризует приказ Трумэна об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки как "начало политики атомного шантажа". Более того, она уже много лет говорит об этом отнюдь не намеками. Главный тезис советских выступлений на эту тему состоит в том, что это, собственно, и была единственная причина атомного нападения: никакой военной необходимости бомбардировать Японию будто бы не было. Тезис этот обильно подкрепляется цитатами из речей и воспоминаний, ссылками на газетные сообщения. Однако все доказательства такого рода восходят к более позднему времени, когда началась так называемая холодная война. Тогда многие, не исключая самого Черчилля, не удержались от искушения спроецировать свои идеи и свою информацию назад, на лето 1945 г. С точки зрения Соединенных Штатов было бы, по-видимому, логичным использовать атомное оружие для устрашения потенциального противника, каковым уже тогда мог казаться Советский Союз. И это по существу — единственное доказательство Вашей правоты (как и правоты советской пропаганды, с которой Вы, конечно, не хотели солидаризироваться). Но оно находится в той самой сфере психоанализа, которая представляется Вам неприемлемой для историка.

Если вернуться к лету 1945 г. (когда, кстати, Черчилль уже не был главой правительства Великобритании), то нельзя не вспомнить существенный факт: западным союзникам было хорошо известно, что Россия до крайности обескровлена войной, что советская армия в Европе занята больше грабежом, чем подготовкой к новой войне, что наиболее боеспособные части перебрасываются на Дальний Восток (где возникла более реальная возможность захвата Северного Китая, а также Кореи). Опубликованная впоследствии переписка Сталина с Рузвельтом и Трумэном вплоть до конца войны пестрит напоминаниями о каждом недопоставленном самолете. Разговоры о небывалой мощи советской армии, о том, что Францию, к примеру, спасла от советского вторжения лишь миролюбивая политика правительства СССР, начались с конца 1946 г. на закрытых инструктажах. Тогда же стал распространяться слух о том, что некий американский генерал во время встречи союзных войск на Эльбе приказал атаковать советскую часть, и атака была успешно отбита. Правда же состояла в том, что уже в 1946 г. первая попытка Сталина расширить свое влияние за пределы, отведенные ему в Ялте и Потсдаме, провалилась (я имею в виду план захвата Северного Ирана). Далее последовали неудачи в Греции и Западном Берлине, вывод коммунистов из правительств Франции и Италии. Теперь только и оставалось, что изобличать американский атомный шантаж. Разумеется, и на Западе находилось немало охотников говорить о советской угрозе в то время.

Говоря о чувстве мести, которое мы назвали *в ряду* факторов, повлиявших на решение президента бомбардировать японские города, мы полагали, что настроения общества и его руководителей могут быть причислены к военно-политическим факторам. Насчет Франции неясно, а вот у Финляндии, скажем, было куда больше шансов стать добычей СССР. Можно не сомневаться в том, что память о поражениях зимы 1939 г. и о героизме финского народа удержала Сталина от аннексии. В свободном государстве, как показала история вмешательства США во Вьетнаме и вторжения Израиля в Ливан, у общества гораздо больше возможностей превратить эмоции в фактор, влияющий на принятие важных решений. О том, что чувство мести японцам давало себя знать в США летом 1945 г., говорит не только поведение левого пацифиста Оппенгеймера. Известный факт — интернирование десятков тысяч американских граждан японского происхождения, в том числе женщин и детей (о подобной мере в отношении американских немцев даже идеи не возникало). Известный факт — полемика вокруг присуждения премии Оскара авторам фильма "У Черной скалы". В картине есть упоминание о линчевании фермера-японца, сержанта американской армии, воевавшего в Италии.

В рамках небольшого исторического обзора хотелось обратить внимание читателя на относительно малоизвестные факты и положения. Возможно, что и "атомный шантаж" следовало упомянуть хотя бы как гипотезу.

Вадим Меникер

Исследуя происхождение понятия *humanitas*, из которого выросла концепция гуманизма, мы видим, что в первую очередь это доверие к человеку как таковому, убеждение в том, что человек является не только зоологическим видом, но и уникальным творением; однако это верно лишь в том случае, если он действительно человек, то есть если он претворяет в реальность своей жизни отличающее его начало, которое больше нигде во Вселенной не может быть найдено. "Если ты человеческое существо..." — эта фраза встречается в римской комедии, а в греческой комедии та же мысль выражена еще сильнее: "Каким восхитительным существом мог бы быть человек, если бы он был человеком". Это значит, что многие люди представляют собой человеческие существа в биологическом смысле, но в истинном и глубинном смысле слова это *не человеки* — хотя они и не исключаются из рода человеческого. А тем, кого можно назвать подлинно человеческими существами, снова и снова угрожает опасность отступить в нечеловеческое. На этот счет есть характерное высказывание Циципона Младшего, которое мы здесь слегка перефразируем: "Подобно тому как вернувшись с победой из похода, мы препоручаем наших коней заботам конюха, так после политической победы мы должны подчинить себя дисциплине философа, чтобы не оторваться от *humanitas*". Но что делать, если человеческое начало выветривается и разлагается не только в отдельном индивидууме, но и во всей современной эпохе мировой истории? Нужно обратиться за помощью к тому веку, когда оно процветало во всей своей чистоте и силе, хотя и тогда ему приходилось тысячу раз сражаться с бесчеловечностью, — конечно, если этот век сумел себя выразить и оставил наследие, которое дошло до нас. Именно здесь я вижу важный источник раннего европейского гуманизма. Несомненно, существует и другой фактор: мы связываем отдельные проявления новой и более свободной человечности с тем типом гуманности, который унаследован от древности, и считаем их экзистенциальным обновлением древности. Только взятые в совокупности образцы человечности, запечатленные в писаниях древности, и примеры, явленные новой жизнью, дадут нам силу бороться против грозящего нам крушения гуманизма. Проявление человечности мы рассматриваем не как нечто новое, но как обновление старого, как доказательство жизнеспособности старого, хоть и очевидно, что здесь иные условия породили иную форму.

Мартин Бубер,
"Еврейский гуманизм" (1958 г.)

О ТЕРРОРИЗМЕ —



В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ